

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДЪЯСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГІИ

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XVII.

Подъ редакціей Л. М. Лопатина.

Книга I (81).

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ 1906 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и ко.
Пименовская ул., соб. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
3 Портрета.	
Изъ воспоминаній о князѣ Сергѣѣ Николаевичѣ Трубецкомъ. А. А. Мануилова	1
Памяти князя Сергѣя Николаевича Трубецкого. П. И. Новгородцева	4
Памяти дорогого товарища кн. С. Н. Трубецкого. В. М. Хвостова	9
Памяти князя С. Н. Трубецкого. С. А. Котляревскаго	16
Князь С. Н. Трубецкой и его общее философское міросозерцаніе. Л. М. Лопатина	29
Памяти князя С. Н. Трубецкого. Б. А. Фохта	130
Памяти князя С. Н. Трубецкого. М. П. Поливанова	139
Князь С. Н. Трубецкой и московское студенчество. А. И. Анисимова	146

Изъ воспоминаній о кн. С. Н. Трубецкомъ.

Я познакомился съ кн. С. Н. Трубецкимъ сравнительно недавно, всего 4—5 лѣтъ тому назадъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ мы стали знакомы, я встрѣчался съ нимъ очень часто, главнымъ образомъ въ связи съ университетскими дѣлами. По многимъ существеннымъ вопросамъ мы съ Сергѣемъ Николаевичемъ кореннымъ образомъ расходились, и общій складъ нашего міросозерцанія былъ иной. Мы были разные люди и по темпераменту, и по характеру. Тѣмъ не менѣе, когда наши общіе друзья послѣ 27 августа намѣтили Сергѣя Николаевича кандидатомъ въ ректоры Московскаго университета, а меня въ помощники ректора, то я, не колеблясь ни минуты, изъявилъ на это свое согласіе. Несмотря на наши разнорѣчія съ Сергѣемъ Николаевичемъ я не только уважалъ его, но и питалъ къ нему искреннюю и глубокую привязанность. Иногда, смотря на него, я думалъ: вотъ человѣкъ, съ которымъ можно расходиться, но котораго нельзя не любить. Его необыкновенная искренность и душевная красота манили къ нему и заставляли любить его; другого слова я не подберу для опредѣленія того чувства, которое Сергѣй Николаевичъ вызывалъ въ окружающихъ.

На Сергѣя Николаевича можно было сердиться. Его впечатлительность нерѣдко дѣлала его неустойчивымъ. Случалось, что подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ какого-нибудь факта, разговора онъ увлекался мыслью, совсѣмъ не соотвѣтствовавшей основному складу его идей, и начиналъ

горячо и упрямо защищать ее. Бывало иногда досадно слушать его. И какъ разъ въ такія минуты досады я всегда невольно думалъ: этого человѣка нельзя не любить.

Обаяніе Сергѣя Николаевича было велико. Я нѣсколько разъ бывалъ свидѣтелемъ того, какъ онъ располагалъ въ свою пользу аудиторію, состоявшую почти исключительно изъ людей, настроенныхъ противъ него. Ему горячо аплодировали тѣ, которые шли шикать ему. Тайна его вліянія заключалась въ даровитости и чистотѣ его натуры.

Такимъ я зналъ Сергѣя Николаевича до его ректорства. Но въ тѣ 27 дней, которые онъ пробылъ ректоромъ, я глубже узналъ нѣкоторыя черты его характера, раньше ускользавшія отъ меня. Я узналъ его какъ человѣка твердой воли, необыкновенно настойчиваго въ слѣдованіи по разъ избранному пути. Дѣятельность Сергѣя Николаевича въ качествѣ ректора отмѣчена рѣдкой опредѣленностью и неуклоннымъ проведеніемъ принятаго курса. Онъ высказалъ свою точку зрѣнія на положеніе и задачи университета въ первой же своей рѣчи послѣ избранія его въ Совѣтъ и до послѣдняго дня проводилъ эту точку зрѣнія въ своей дѣятельности. Въ самые трудные моменты Сергѣй Николаевичъ остался непреклоненъ въ своихъ взглядахъ.

Цѣльность его натуры обнаружилась въ полной силѣ на отвѣтственномъ посту, который ему выпало на долю занять. Въ трудныхъ, тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ оказался университетъ осенью 1905 г., Сергѣй Николаевичъ проложилъ путь для яснаго и опредѣленнаго взгляда на роль университета и его отношеніе къ политическому движенію, охватившему Россію.

Самъ—общественный дѣятель и участникъ политической борьбы—онъ былъ убѣжденнымъ и горячимъ до страстности противникомъ вовлеченія университета въ политику. Онъ видѣлъ въ этомъ гибель университета, который любилъ всею глубиною своей души, и такъ скорбѣлъ о событіяхъ, мѣшавшихъ правильному теченію академической жизни, какъ скорбѣть о несчастіи, постигшемъ любимое

существо. Университетъ былъ для него любимымъ существомъ, и никакіе доводы не могли бы убѣдить его, будто онъ долженъ былъ во вниманіе къ историческому моменту примириться съ тѣмъ, что онъ считалъ непримиримымъ съ самымъ существомъ университета, какъ храма науки, что не только противорѣчило его убѣжденіямъ, но было невыносимо для его чувства и поэтому вызывало въ немъ глубокое страданіе, почти физическую боль. Трудно иначе охарактеризовать состояніе Сергѣя Николаевича въ тотъ памятный вечеръ, въ сентябрѣ прошлаго года, когда въ юридическомъ корпусѣ состоялся первый политическій митингъ, привлекшій въ университетскія аудиторіи тысячи людей со всѣхъ концовъ Москвы. Сергѣй Николаевичъ не былъ тогда ни гнѣвенъ, ни раздраженъ; онъ страдалъ. Съ того вечера онъ не переставалъ страдать до конца.

Положеніе университета стало для него источникомъ невыносимыхъ нравственныхъ мукъ. Онъ сразу подался физически. Болѣзненный процессъ, совершавшійся въ его организмѣ, видимо, сдѣлалъ страшный скачокъ впередъ. Настроеніе и видъ Сергѣя Николаевича внушали смутныя ожиданія чего-то страшнаго. Это чувство овладѣло окружавшими его въ послѣдніе дни и выразилось въ словахъ одного изъ университетскихъ товарищей Сергѣя Николаевича при прощаніи съ нимъ передъ его отъѣздомъ въ Петербургъ. „Я чувствую,—вырвалось у этого товарища,—что мы идемъ къ катастрофѣ“. Но говорившій, какъ и всѣ присутствовавшіе, далекъ былъ отъ мысли, *какая* катастрофа насъ ожидала. Сергѣю Николаевичу оставалось жить немногимъ болѣе сутокъ.

А. Мануиловъ.

Памяти князя Сергѣя Николаевича Трубецкого.

Онъ умеръ во всемъ блескѣ своей духовной красоты, въ пышномъ расцвѣтѣ своей славы, оплакиваемый всей страной, сопровождаемый глубокой скорбью русскаго народа. Тысячи писемъ и телеграммъ непрерывною чередою приходили отовсюду въ Москву съ трогательными словами горячаго участія и неподдѣльнаго горя. Со всѣхъ концовъ Россіи спѣшили сказать, какъ мучительно больно чувствуютъ тягость этой утраты. Въ этой неутѣшной и всеобщей скорби чувствовался національный трауръ, обнаруживалось всенародное признаніе его личности. Его смерть открыла и показала, чѣмъ онъ сталъ для Россіи и какъ онъ былъ для нея дорогъ.

Тѣ, кто знали Трубецкого ранѣе, едва ли и за годъ до его кончины предполагали, что онъ стоитъ наканунѣ своей всенародной славы, что онъ умретъ національнымъ героемъ. Конечно, онъ былъ превосходнымъ профессоромъ, первокласснымъ ученымъ, глубокимъ мыслителемъ. Но эти качества пріобрѣтаютъ признаніе лишь въ тѣсномъ кругу почитателей и учениковъ. Блестящій публицистическій талантъ значительно расширилъ ряды его поклонниковъ и доставилъ ему громкую извѣстность горячаго и мощнаго борца за свободу. Но всѣ эти заслуги и дѣла далеко не объясняютъ того всеобщаго, всероссійскаго признанія, которое такъ ярко обнаружилось въ послѣдніе мѣсяцы его жизни и сопровождало память о немъ послѣ его смерти. Для того, чтобы стать излюбленнымъ вождемъ народнымъ, нужны

были особыя свойства личности: глубокая вѣра въ будущее, прозрачная ясность и чарующая искренность свѣтлой души, высокое нравственное воодушевленіе; и нужно было, чтобы эти свойства проявились въ яркомъ подвигѣ вѣры и любви въ тяжкій часъ испытанія Россіи.

Все бушевало вокругъ; въ тяжеломъ процессѣ страшныхъ мукъ и страданій рождалась новая Россія. Вражду и злобу борющихся силъ, полный хаосъ неопредѣленности, въ которомъ, казалось, готовы были погибнуть всѣ надежды на лучшій исходъ, — вотъ что видѣлъ передъ собою Сергѣй Николаевичъ, и этой борьбѣ враждебныхъ стихій онъ противопоставилъ свой призывъ къ примиренію и согласію.

Какъ глубоко нужно было вѣрить въ силу нравственного убѣжденія, въ силу всепокоряющей правды, чтобы и другихъ заставить повѣрить въ возможность общаго примиренія! Предъ вѣковыми ступенями трона и предъ бушующей стихіей народной, предъ лицомъ прошлаго и въ предвидѣніи будущаго Трубецкой умѣлъ говорить съ такой мощной силой нравственного одушевленія, что сомнѣнія смолкали, и кроткое сіяніе вѣчной правды сходило въ примиренныя сердца.

Намъ припоминается рѣчь его послѣ избранія въ ректоры. Взволнованный и блѣдный, но съ увлекательной силой истиннаго краснорѣчія онъ призывалъ своихъ товарищей сплотиться и вѣрить въ свое дѣло, вѣрить въ молодежь. „Положеніе въ высшей степени трудное, но оно не безнадежное,—говорилъ онъ. Мы должны вѣрить въ то дѣло, которому служимъ. Мы отстоимъ университетъ, если мы сплотимся. Чего бояться намъ? Университетъ одержалъ великую нравственную побѣду. Мы получили разомъ то, чего желали; мы побѣдили силы реакціи. Неужели бояться намъ общества, нашей молодежи? Вѣдь не останутся же они слѣпыми къ торжеству свѣтлаго начала въ университетѣ. Правда, все бушуетъ вокругъ, волны захлестываютъ; мы ждемъ, чтобы онѣ успокоились. Мы можемъ пожелать, чтобы разумныя требованія русскаго общества получили

удовлетвореніе съ такою же полнотою, съ какою были удовлетворены требованія совѣтовъ. Будемъ вѣрить въ наше дѣло и въ нашу молодежь“.

Громъ несмолкаемыхъ рукоплесканій, совершенно необычныхъ въ дѣловыхъ совѣтскихъ засѣданіяхъ, былъ ему отвѣтомъ. Всѣ были потрясены до глубины души, подходили къ нему, чтобы поблагодарить, пожать руку и сказать, что вѣрятъ, какъ и онъ, въ свѣтлые дни университета, въ силу товарищеской солидарности и любви къ молодежи.

Но то, что говорилъ онъ объ университетѣ, не думалъ ли онъ, не говорилъ ли онъ обо всей Россіи? И развѣ онъ не имѣлъ основаній такъ думать и говорить? Ни для кого не тайна, что требованія университетовъ были удовлетворены только благодаря его нравственному вліянію. По невѣроятному стеченію обстоятельствъ, тотъ самый министръ, который собирался осенью уничтожить высшую школу, провелъ временныя правила о расширеніи ея правъ, и это совершилось черезъ Трубецкого, въ тотъ моментъ, когда ожидали полнаго разгрома русскихъ университетовъ. Какъ же могъ онъ не вѣрить въ силу свѣтлаго начала по отношенію ко всей Россіи? И тутъ онъ вѣрилъ, что общее примиреніе возможно, и другіе вѣрили вслѣдъ за нимъ. Вѣрили въ то, что онъ найдетъ и скажетъ такія слова, которыя всѣхъ убѣдятъ, предъ которыми смирится и всемогущая власть, и бушующая народная стихія, какъ предъ словами добраго генія, посланника правды, мира и любви.

Добрый геній, свѣтлый духъ мира—вотъ чѣмъ былъ для насъ Трубецкой. Наканунѣ окончательной схватки враждующихъ началъ, когда вся Россія должна была подняться противъ темныхъ силъ прошлаго, онъ заставилъ всѣхъ повѣрить, что есть еще мирный исходъ и что незримая правда сильнѣе торжествующаго зла.

Это была иллюзія!—скажутъ намъ.—Можетъ быть. Но вѣдъ иллюзіей часто называется не только то, что никакъ не могло сбыться, но также и то, что просто не сбылось и что на самомъ дѣлѣ было и близко, и возможно. Пусть

это была иллюзія, но отчего же послѣ смерти его всѣ почувствовали, что въ русской жизни что-то оборвалось и ушло безвозвратно, что какая-то лучшая возможность стала немислимой, что у сторонниковъ мира „вырвано знамя изъ рукъ“. Пусть это была иллюзія, но лѣтописецъ нашихъ дней долженъ записать на страницы исторіи, что во время русской революціи съ именемъ Сергѣя Трубецкого связана была вѣра русскаго народа въ превозмогающую силу правды и въ возможность общаго примиренія.

И въ этомъ, какъ мнѣ кажется, заключается единственное и исключительное значеніе его въ пережитый моментъ русской исторіи. Многіе выступали на поприще общественной борьбы съ бѣльшими практическими знаніями, съ бѣльшимъ умѣньемъ къ организаціи общественныхъ силъ, но лишь онъ одинъ не только самъ вѣрилъ, но и другихъ заставлялъ вѣрить въ торжество нравственныхъ началъ надъ всѣми противоборствующими стихіями, — надъ косной силой исторіи, надъ безумной близорукостью господствующихъ и надъ грознымъ ожесточеніемъ обездоленныхъ и подвластныхъ. Въ этомъ проявлялось нравственное вліяніе личности, таящей въ глубинѣ своей начала примиряющей правды и подчиняющей высшему единству сумятицу разрозненныхъ мнѣній и страстей. Онъ былъ живымъ воплощеніемъ высшей гармоніи, предъ обаяніемъ которой смирялись противорѣчія и различія, съ перваго взгляда непримиримыя и враждебныя другъ другу. И потому взоры всѣхъ обращались къ нему, когда спасенія можно было ожидать лишь отъ чудеснаго дѣйствія личности, неотразимо вліяющей на окружающихъ. Его вліяніе создавало вокругъ него атмосферу какой-то бодрой увѣренности и нравственной стойкости. И когда объ немъ узнала Россія,⁵⁾ около имени его быстро выросла слава народнаго вождя, призваннаго къ тому, чтобы силою своего убѣжденія убѣдить всѣхъ другихъ въ необходимости вывести Россію на новый путь. Всѣ знали, что этотъ новый путь онъ представлялъ себѣ въ видѣ рѣшительнаго разрыва съ прошлымъ, въ видѣ смѣлаго

движенія впередъ къ равенству и свободѣ. Всѣ были убѣждены, что онъ найдетъ примиреніе не въ покорной уступчивости, а въ настойчивой твердости, что его голосъ будетъ не за случайныя полумѣры, а за полное удовлетвореніе разумныхъ требованій момента. Всѣ знали, какъ мечталъ онъ о томъ времени, когда всѣ, кто живетъ въ Россіи, будутъ чувствовать себя сынами Россіи, будутъ любить ее такъ же, какъ мы ее любимъ, когда не будетъ у насъ безправныхъ и обездоленныхъ.

Передъ смертью, впадая въ забытѣе и отрѣшаясь отъ этого міра заботъ и печалей, онъ не забылъ, однако, главной своей заботы и, какъ говорятъ, высказалъ еще разъ свою завѣтную надежду: „да, они будутъ довольны, они успокоятся“. Съ трогательной заботой о беспокоящихся и недовольныхъ умиралъ этотъ поборникъ правды и свободы, отдавшій жизнь свою во исполненіе своей лучшей мечты. Онъ умеръ ходатаемъ за обездоленныхъ и безправныхъ, въ то время какъ выросъ до значенія крупной исторической личности, когда казалось, что примирительная миссія его только что начиналась...

Вотъ почему вѣсть о его смерти заставила содрогнуться всю Россію, вотъ почему надъ гробомъ его плакали всѣ, кто принадлежитъ къ Россіи, безъ различія національностей и партій, сословій и состояній. Здѣсь, у гроба его, забыты были всѣ разногласія, и, мертвый, онъ еще разъ совершилъ то дѣло общаго примиренія, которому служилъ живой.

Добрый геній, свѣтлый посланникъ мира! Ты можешь мирно покоиться на лонѣ вѣчности; ты, который другихъ умѣлъ пріобщать вѣчности и заставлялъ вѣрить въ чудеса вѣры и любви!

П. Новгородцевъ.

Памяти дорогого товарища кн. С. Н. Трубецкого.

Я сравнительно недолго был знакомъ съ покойнымъ Сергѣемъ Николаевичемъ и не принадлежалъ къ числу его личныхъ и близкихъ друзей. Мои отношенія съ нимъ сложились исключительно на почвѣ совмѣстной академической дѣятельности. Судьба свела насъ на этомъ поприщѣ въ мрачную для русскихъ университетовъ эпоху, когда съ неумолимой послѣдовательностью стали ярко обнаруживаться грозные признаки того внутренняго разложенія, до котораго довела русскую высшую школу слѣпая политика бюрократической Россіи. Всѣмъ, кому дороги были интересы университета, кто не вполне утратилъ душу живую въ затхлой атмосферѣ загнаннаго бюрократіей университета, пришлось напрячь послѣдніе остатки силъ, чтобы встать на защиту интересовъ свободы и знанія. Та апатія, въ которую послѣ разгрома университетовъ въ 80-хъ годахъ погрузились на почвѣ широкой общественной реакціи и русскіе профессорскіе круги, становилась уже преступнымъ бездѣйствіемъ. Грозныя событія въ академическихъ сферахъ привели въ броженіе университетскіе совѣты. На почвѣ этого пробужденія быстро стали вырисовываться будущіе дѣятели обновленнаго университета. Среди этихъ лицъ не замедлилъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ князь Сергѣй Николаевичъ. Недолго пришлось намъ поработать съ нимъ; смерть унесла его изъ нашихъ рядовъ въ тотъ именно моментъ, когда надъ всей Россіей, не исключая и ея многострадальныхъ университетовъ, только что начала заниматься

заря новой жизни. Судьба не дала ему возможности участвовать въ дальнѣйшихъ стадіяхъ борьбы за политическую и академическую свободу. Но и тѣхъ немногихъ лѣтъ, когда мы работали вмѣстѣ съ Сергѣемъ Николаевичемъ, достаточно было, чтобы мы его оцѣнили и полюбили. Конечно, память о его свѣтлой личности никогда не изгладится у тѣхъ профессоровъ, которые были членами университетской семьи въ періодъ времени первыхъ пяти лѣтъ XX столѣтія.

Больше всего, на мой взглядъ, подкупалъ въ пользу Сергѣя Николаевича весь его нравственный обликъ, говорившій сразу о необыкновенной искренности и чистотѣ его натуры. Достаточно было немного поговорить съ покойнымъ, чтобы собесѣдникъ почувствовалъ, что въ этомъ человѣкѣ нѣтъ никакого лукавства. Князя Трубецкаго иногда упрекали въ аристократизмъ; мнѣ самому приходилось слышать такія обвиненія по его адресу. Но я не могу съ этимъ согласиться. Аристократизмъ Сергѣя Николаевича не былъ сословнымъ или кастовымъ аристократизмомъ. Это былъ аристократизмъ чувства и мысли. Онъ, дѣйствительно, съ нескрываемымъ несочувствіемъ относился ко всему, что казалось ему низменнымъ и мелочнымъ. Подобныя проявленія человѣческихъ слабостей всегда давали обильную пищу его неистощимому юмору. Безъ озлобленія, но очень мѣтко и въ безпощадно смѣшномъ видѣ изображалъ онъ людей, за которыми замѣчалъ подобныя свойства. Но я никогда не замѣчалъ въ немъ и слѣдовъ сословнаго высокомерія. Если его манеры казались иногда слишкомъ сдержанными, то причиной этому была отчасти его застѣнчивость, свойство, которымъ нерѣдко отличаются люди съ такой дѣтски чистой душой, какой былъ надѣленъ Сергѣй Николаевичъ, отчасти же его воспитаніе, конечно, не во всемъ соответствующее нравамъ и привычкамъ той весьма разнообразной по составу и происхожденію общественной среды, въ которой привелось ему дѣйствовать.

Чего мнѣ никогда не случалось замѣчать въ Сергѣѣ Ни-

колаевичъ, такъ это какихъ-либо злобныхъ чувствъ. Я только что сказалъ, что были такія свойства человѣческой природы, къ которымъ онъ относился весьма несочувственно и которыя навлекали на себя его насмѣшки. Но и къ людямъ, заслужившимъ такое отношеніе съ его стороны, онъ не питалъ никакой злобы. Напротивъ, приходилось не на словахъ только, а на поступкахъ убѣждаться, что онъ питалъ къ нимъ сожалѣніе и не желалъ имъ никакого зла. Я нѣсколько разъ былъ свидѣтелемъ того, какъ Сергѣй Николаевичъ, возмущенный какимъ-либо отрицательнымъ явленіемъ нашей академической или общественной жизни, писалъ страстное обличеніе для газетъ или для совѣтскаго доклада. Но если ему при этомъ случалось видѣть, какое впечатлѣніе на самихъ причастныхъ къ дѣлу лицъ производила изготовляемая имъ филиппика, то онъ немедленно начиналъ ее смягчать. Подобное его свойство даже вызывало иногда размолвки съ нѣкоторыми изъ его соратниковъ, которые предпочли бы видѣть въ немъ болѣе неумолимаго борца съ окружающимъ зломъ, болѣе строгаго гонителя несимпатичныхъ личностей. Но Сергѣя Николаевича трудно было заставить въ этихъ случаяхъ отказаться отъ смягченій; пока онъ боролся съ явленіемъ вообще, онъ былъ страшно строгъ; какъ только это явленіе принимало передъ его глазами обликъ живого человѣка, онъ начиналъ жалѣть этого человѣка.

Товарищескія размолвки возникали съ Сергѣемъ Николаевичемъ еще и на другой почвѣ. Какъ многіе душевно чистые и искренніе люди, онъ слишкомъ вѣрилъ окружающимъ его лицамъ. Въ его глазахъ каждый былъ прекраснымъ человѣкомъ, достойнымъ всякаго довѣрія, пока уже очень рѣзкіе факты не убѣждали его въ заблужденіи. Поэтому онъ иногда слишкомъ много цѣны придавалъ всякаго рода обращеніямъ къ разуму и чувству. Ему постоянно казалось, что если то или иное лицо поступаетъ дурно, то оно дѣйствуетъ такъ только по непониманію истиннаго смысла своихъ поступковъ; стоитъ ему только

разъяснить ихъ настоящее значеніе, повліять на его добрыя чувства, и дѣло будетъ улажено. Это заставляло Сергѣя Николаевича иногда предлагать и съ большою горячностью отстаивать явно непрактичныя мѣры.

Въ своихъ убѣжденіяхъ Сергѣй Николаевичъ отличался необыкновенной твердостью и стойкостью. Въ немъ весьма мало было развито стадное чувство. Это былъ настоящій индивидуалистъ. Никакая партійная дисциплина, никакія тактическія соображенія не могли заставить его отступить отъ взгляда, который онъ считалъ истиннымъ. Мнѣ случилось видѣть, что онъ готовъ былъ бросить иногда имъ же затѣянное дѣло, какъ только убѣждался, что его сотрудники расходятся съ нимъ во взглядахъ по какому-нибудь частному вопросу, который въ его глазахъ имѣлъ большую важность. И въ этихъ случаяхъ его не останавливалъ ни рискъ разойтись съ товарищами, ни опасность подвергнуться жестокимъ нападеніямъ въ прессѣ и въ широкихъ кругахъ общества. Сергѣй Николаевичъ обладалъ рѣдкимъ мужествомъ личнаго убѣжденія.

И онъ имѣлъ полное основаніе быть мужественнымъ. Можно было спорить съ его воззрѣніями и не соглашаться съ нѣкоторыми его поступками. Но никто изъ тѣхъ, кто его хоть сколько-нибудь зналъ лично, никогда не сомнѣвался, что все, что дѣлалъ князь Сергѣй Николаевичъ, вытекало изъ его искренней преданности дѣлу. Онъ не вносилъ въ свои дѣйствія никакого элемента личнаго расчета и эгоизма. Поэтому даже ошибки его всегда были симпатичны.

Не могу не упомянуть еще объ одной выдающейся чертѣ покойнаго товарища. Это былъ одинъ изъ лучшихъ ораторовъ, которыхъ мнѣ когда-либо приводилось слушать. Помимо блестящаго остроумія, которымъ онъ былъ надѣленъ въ высокой степени, онъ отличался еще способностью къ необыкновенно художественнымъ и поэтическимъ характеристикамъ. Я никогда не забуду того высоко художественнаго описанія греческой природы и населенія со-

временной Греции, которое онъ сдѣлалъ въ рѣчи, произнесенной въ студенческомъ собраніи по возвращеніи изъ предпринятой имъ въ большой компаніи студентовъ экскурсіи по Греции. Слушатель невольно переносился вслѣдъ за ораторомъ въ описываемую имъ страну и вмѣстѣ съ нимъ наслаждался созерцаніемъ голубого южнаго моря, дивнаго греческаго воздуха—аэра греческихъ поэтовъ и философовъ,—и наблюденіемъ за шумной и живописной толпой южнаго приморскаго города, увлеченной политической борьбой.

Ко всему этому прибавлялось глубокое впечатлѣніе отъ той искренности и задушевности, которыми дышало каждое слово оратора. Этой именно искренностью настроенія, а не какими-либо ораторскими приѣмами, объясняется то изумительное дѣйствіе, которое иногда производили на собраніи студентовъ и не-студентовъ рѣчи князя Трубецкого. Мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ того, какъ аудиторія, довольно враждебно къ нему настроенная, покрывала его рѣчь, въ которой онъ былъ весьма далекъ отъ какой бы то ни было уступчивости, дружными аплодисментами. Я это объясняю тѣмъ, что слушатели, даже не согласные съ ораторомъ, невольно чувствовали, что передъ ними стоитъ человекъ, искренно преданный своему дѣлу, искренно и пламенно любящій свою родину, свой народъ и его учащуюся молодежь.

Всѣ эти свойства привели къ тому, что Сергій Николаевичъ пользовался большой любовью своихъ товарищей. Мнѣ приходилось видѣть общественныхъ и академическихъ дѣятелей, которые обладали большимъ авторитетомъ, которыхъ очень уважали, къ словамъ которыхъ прислушивались и указаніямъ которыхъ подчинялись. Я зналъ людей, которые умѣли отлично дисциплинировать общественныя силы и выступали прекрасными лидерами партій. Но я не знаю случая, когда товарищъ и видный дѣятель пользовался такой любовью, какъ покойный Сергій Николаевичъ. Бывали случаи, когда я убѣждался, что обаянію его чистой и пре-

красной личности невольно подчинялись даже его политическіе и академическіе враги и недоброжелатели, а такихъ, конечно, онъ имѣлъ не въ маломъ количествѣ, какъ и всякій человѣкъ съ опредѣленными и твердыми убѣжденіями.

Я не буду говорить о содержаніи этихъ убѣжденій. Они слишкомъ хорошо извѣстны русскому обществу изъ столь еще близкаго прошлаго. Сильная натура Сергѣя Николаевича не переносила гнета, и онъ былъ истиннымъ борцомъ за свободу академическую и политическую, за свободу и знаніе.

Въ истинно трагическое положеніе поставлены были ближайшіе сотрудники Сергѣя Николаевича осенью 1905 года, когда имъ пришлось намѣчать кандидата въ первые ректоры Московскаго университета по выбору коллегіи. Всѣ понимали, что очень будетъ трудна и тяжела роль, возлагаемая на это лицо. Всѣ съ грустью видѣли, какъ быстро слабѣютъ силы дорогого товарища, князя Трубецкого, неумолимо подтачиваемыя тяжелымъ и упорнымъ физическимъ недугомъ. Но въ то же время всѣ понимали, что никто другой не можетъ быть первымъ избранникомъ старѣйшаго русскаго университета, какъ именно князь Трубецкой. Не мы его выбрали въ ректоры: онъ самъ себя предназначилъ на этотъ почетный постъ всѣми свойствами своей чистой души. Выбирая его, мы не тѣшили себя большими иллюзіями и прямо предоставляли князю нравственное право отказаться отъ должности, если онъ почувствуетъ, что силы ему начинаютъ измѣнять. Но нашимъ надеждамъ сохранить его въ своей средѣ, хотя бы только въ качествѣ профессора, не суждено было сбыться. Надломленный организмъ не выдержалъ того напряженія, въ которомъ приходится существовать каждому отзывчивому на общественные интересы и движенія человѣку въ современной Россіи, и скоро, очень скоро князя Сергѣя Николаевича не стало.

Его смерть произвела удручающее впечатлѣніе на всѣхъ

нась. Мы чувствовали, что потеряли не только ректора и профессора. Будутъ въ Московскомъ университетѣ даровитые и уважаемые ректоры, будутъ талантливые профессора и ученые, но никогда не будетъ въ немъ другого Сергѣя Николаевича Трубецкого. Мы потеряли въ немъ не только товарища и сотрудника, но потеряли человѣка съ глубоко симпатичной и ярко выраженной индивидуальностью. Такія личности слишкомъ рѣдко попадаютъ, чтобы память о Сергѣѣ Николаевичѣ могла когда-нибудь изгладиться среди тѣхъ, кто сколько-нибудь близко его зналъ и вмѣстѣ съ нимъ работалъ. Однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній моей личной жизни навсегда останется воспоминаніе о покойномъ товарищѣ князѣ С. Н. Трубецкомъ, славномъ гражданинѣ и миломъ, хорошемъ человѣкѣ.

В. Хвостовъ.

Памяти князя С. Н. Трубецкого.

Когда въ прошломъ году кн. С. Н. Трубецкой цѣликомъ посвятилъ свои силы освободительному движенію, когда онъ, представитель „отвлеченной науки“, сталъ выразителемъ національной души и національнаго настроенія, это могло показаться неожиданностію лишь для тѣхъ, кто мало зналъ его духовный обликъ, кто не приходилъ съ нимъ въ личное соприкосновеніе, но не для тѣхъ, кто имѣлъ это счастье. Больно чувствовать безсиліе собственнаго языка для передачи того, что было обаятельнаго и глубокаго въ этомъ общеніи, которое, конечно, останется однимъ изъ самыхъ драгоценныхъ переживаній для всѣхъ, его испытывшихъ, какія бы бѣдствія и невзгоды ни принесла имъ жизнь...

Когда вступающій въ университетъ попадалъ на лекціи кн. Сергѣя Николаевича, на обычно читаемый имъ курсъ исторіи древней философіи—онъ сразу чувствовалъ, что ему дается нѣчто большее, чѣмъ глава изъ исторіи человѣческой мысли. Онъ чувствовалъ, что въ этой главѣ содержалось нѣкоторое откровеніе общечеловѣческаго разума, проникающаго всѣ историческія эпохи. Изъ наивнаго миеологическаго образа передъ нимъ рождался проблескъ философскаго исканія, которое отъ наблюденія космической обстановки переходило къ познанію разумнаго, нравственнаго міра человѣка. Передъ слушателемъ вставляли художественные типы Гераклита и Демокрита, софистовъ и Сократа, Платона и Аристотеля и вслѣдъ за этимъ являлось ясное сознаніе того, какъ безконечно близки глубочайшимъ

интересамъ и мучительнымъ вопросамъ современнаго человека эти проблемы, поставленныя и рѣшавшіяся греческой философiей. И это чувство утверждалось и расширялось, когда отъ лекцій учащійся переходилъ къ практическимъ занятіямъ подъ руководствомъ Сергѣя Николаевича. Онъ начиналъ понимать то различіе, которое существовало между философiей въ древнемъ мiрѣ и философiей современной, обратившейся въ предметъ школьнаго преподаванія; онъ начиналъ понимать, что видитъ передъ собою не только профессора по извѣстной кафедрѣ, вооруженнаго всѣми методами современнаго изслѣдованія и всей современной эрудиціей, но и учителя въ высшемъ, столь близкомъ античной древности, смыслѣ этого слова,—и въ концѣ-концовъ, онъ постигалъ, что нельзя остаться при роковомъ раздвоеніи мысли и жизни, и что не можетъ остаться при немъ и его наставникъ. Жизнь должна быть одухотворена, въ ней должны царить Высшее Добро, разумъ—таковъ постулатъ, выдвигавшійся философскимъ самосознаніемъ—и онъ привелъ Сергѣя Николаевича на ту дорогу, которая изъ мыслителя сдѣлала героя національнаго освобожденія.

А вокругъ все было такъ холодно и мертво, проникнуто бездушнымъ формализмомъ и пренебреженіемъ къ высшимъ духовнымъ благамъ человѣческой личности. И князь С. Н. Трубецкой не забывалъ, среди своихъ научныхъ и философскихъ работъ, объ обязанности борьбы за эти блага.

Онъ не могъ не выступить на защиту свободы совѣсти, когда даже съ церковной кафедры послѣдняя иногда отождествлялась съ „свободой отъ совѣсти“ и когда принудительная государственная церковность выставлялась, какъ вѣрная гарантія отъ смуты и потрясенія. И, конечно, Сергѣй Николаевичъ выступалъ здѣсь не только потому, что видѣлъ передъ собою нарушеніе неотъемлемыхъ правъ личности. Онъ самъ былъ проникнутъ глубочайшимъ религіознымъ сознаніемъ; христіанство, изученію котораго во всѣхъ его моментахъ и въ генезисѣ, онъ посвятилъ столько труда, было для него не только историческимъ фактомъ, но и

богооткровенной истиной. Трудно найти болѣе гармоническое сочетаніе строго научныхъ методовъ и проникновенія въ самую внутреннюю сущность христіанства, чѣмъ его „Ученіе о Логосѣ“. Именно поэтому его особенно болѣзненно возмущала религіозность принудительная, лицемѣрная, за которой обычно скрывается циничное стремленіе использовать Вѣчную Истину для цѣлей ничтожныхъ, своекорыстныхъ и часто низкихъ. Въ глазахъ Сергѣя Николаевича несравненно менѣе оскорбляло чувство вѣрующаго откровенное, хотя бы и рѣзкое невѣріе—чувство, которое такъ ярко выразилось въ словахъ Вл. С. Соловьева, цитируемыхъ княземъ Е. Н. Трубецкимъ изъ ихъ разговора: „ты призывалъ христіанъ всѣхъ вѣроисповѣданій соединиться для общей борьбы противъ невѣрія, а я, напротивъ, скорѣе желалъ бы соединиться съ невѣрующими для борьбы противъ современныхъ христіанъ“¹⁾.

Подобное же отношеніе было у Сергѣя Николаевича къ свободѣ слова. Онъ отстаивалъ ее не только съ элементарной точки зрѣнія политическаго утилитаризма, который, къ сожалѣнію, слишкомъ намъ свойственъ и который цѣнить эту свободу лишь какъ средство партійной пропаганды. Нѣтъ, Сергѣй Николаевичъ имѣлъ болѣе возвышенное понятіе о человѣческомъ словѣ; для него оно было „вѣчной цѣнностію, выраженіемъ вѣчнаго разума. „Могъ ли думать иначе онъ, который глубже чѣмъ кто-либо пережилъ философскій смыслъ идеи Логоса, который помнилъ, что „вначалѣ было Слово“. А сверхъ того у него была любовь къ слову, какъ у настоящаго филолога гуманиста; глубокое уваженіе къ тексту великихъ мыслителей, которыми онъ занимался, шло рядомъ съ способностью художественно передавать собственныя мысли, раскрывалъ ли онъ основныя проблемы философіи или касался мучительныхъ вопросовъ дня. Съ этой стороны въ глазахъ Сергѣя Николаевича цензура была учрежденіемъ глубоко безнрав-

¹⁾ „Вопросы Жизни“ 1905, № 2, с. 389.

ственнымъ и антикультурнымъ, учрежденіемъ, которое посягаетъ на высшія стороны человѣческаго духа и служить темнымъ. Въ политическомъ же отношеніи у насъ, въ его глазахъ, она лишь содѣйствовала общей дезорганизации и анархіи и въ этомъ качествѣ являлась подлиннымъ „государственнымъ преступленіемъ“.

Свободное слово предполагаетъ свободную науку и свободное преподаваніе. На своемъ примѣрѣ Сергѣй Николаевичъ могъ видѣть, какія препятствія встрѣчаетъ въ Россіи разработка и популяризация научныхъ вопросовъ, имѣющихъ необъятную культурную цѣнность,—какой запретъ лежитъ, на примѣръ, на ветхозавѣтной и новозавѣтной критикѣ, на исторіи религій вообще. Онъ чувствовалъ, то возрожденіе нашихъ университетовъ, униженныхъ и морально опустошенныхъ уставомъ 1884 года, можетъ произойти только на почвѣ обеспеченной свободы преподаванія и автономнаго устройства. Будущій историкъ русской культуры оцѣнитъ, конечно, во всей широтѣ, что сдѣлалъ Сергѣй Николаевичъ для пропаганды и осуществленія университетской автономіи; онъ не забудетъ его одушевленной работы надъ созданіемъ въ Московскомъ университетѣ студенческаго Филологическаго Общества, которое, до извѣстной степени, должно было исправлять недостатки университетской организаціи, мѣшающіе осуществленію научной миссіи университета.

Надо здѣсь принять во вниманіе всю толщу бюрократическихъ предразсудковъ, которую приходилось пробивать; надо было постоянно бороться съ людьми, въ руки которыхъ судьба отдала русское просвѣщеніе и которые были совершенно равнодушны или сознательно враждебны.

Но, конечно, борясь за автономію, Сергѣй Николаевичъ считалъ, что единственный правильный лозунгъ такой борьбы—это „университетъ для науки“. Замѣна научнаго общенія политическимъ клубомъ, замѣна науки пропагандой казалась ему глубокимъ зломъ—истиннымъ несчастіемъ для русской культуры. Видѣлъ онъ ясно также, куда приводитъ

обращение университета в место для политических митинговъ. Конечно, онъ вполнѣ сознавалъ, какая роковая связь существуетъ между общимъ политическимъ гнетомъ и безправіемъ и дѣлами университета, но онъ никогда не скрывалъ отъ студентовъ своего отношенія къ истиннымъ задачамъ университета, къ обязанностямъ учащейся молодежи передъ родиной. Лебединой его пѣснью была послѣдняя рѣчь, сказанная студентамъ передъ послѣднею поѣздкою въ Петербургъ, гдѣ онъ призывалъ ихъ къ настоящей научной работѣ, особенно необходимой въ моментъ обновленія Россіи. Будущее оправдало его худшія опасенія.

Весь преданный интересамъ просвѣщенія, онъ глубоко интересовался и нашей злосчастной средней школой. Всѣ недостатки ея были ему хорошо извѣстны, но когда столкнулся онъ съ реформаторскимъ теченіемъ, то протестовалъ не противъ разрушенія стараго, — тамъ терять было нечего, — а противъ легкомысленнаго и часто антикультурнаго дилеттантизма реформаторовъ. Безусловно осуждая нашъ офиціальнй классицизмъ, бездарный, и безнравственный по идеѣ, онъ, однако, расходился съ широкими, общественными кругами въ оцѣнкѣ классической школы вообще и не считалъ выигрышемъ для Россіи полное упраздненіе учебной системы, которую установила для своихъ подростяющихъ поколѣній Западная Европа. Болѣе же всего онъ и здѣсь призывалъ отрѣшиться отъ ходячихъ предразсудковъ, связанныхъ съ толстовской гимназіей, и мыслить по существу. Конечно, къ начавшемуся процессу дезорганизации средней школы, который происходитъ передъ нами въ такихъ уродливо-яркихъ формахъ, онъ могъ отнестись лишь совершенно отрицательно, что не исключало яснаго пониманія роковой связи между разложеніемъ жизни и кризисомъ школы; но это не освобождало въ его глазахъ отъ тяжелой отвѣтственности тѣхъ, кто въ той или другой формѣ прилагалъ руку къ этому разрушительному дѣлу.

Но на всѣхъ точкахъ этой борьбы за свободу и культуру стояло одно непреодолимое препятствіе—гибельный

политическій строй, который съ каждымъ годомъ, съ каждымъ мѣсяцемъ вступалъ все въ болѣе и болѣе очевидное и вопіющее противорѣчіе со всѣми живыми силами страны, строй, который могъ существовать, лишь создавая изъ Россіи огромную могилу. Возможна ли свобода совѣсти, свобода слова, свобода преподаванія — тамъ, гдѣ всякая свобода преслѣдуется и попирается? Сергѣй Николаевичъ былъ съ раннихъ лѣтъ убѣжденнымъ конституціоналистомъ; въ своихъ раннихъ статьяхъ, посвященныхъ славянофильству (онѣ были напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1892 и 1894 гг.) онъ вскрывалъ уже всю беспочвенность и политическую ложность этого ученія.

Работа въ университетѣ ставила передъ нимъ основное противорѣчіе русской жизни—невозможность „реформъ“ ранѣе „реформы“. Послѣднее убѣжденіе въ ея крайней настоятельности дала ему русско-японская война, —этотъ великій судъ надъ приказной Россіей, который онъ предчувствовалъ ¹⁾).

Въ оцѣнкѣ всемірно-историческаго смысла активнаго выступления Японіи Сергѣй Николаевичъ значительно сходилъ съ извѣстнымъ взглядомъ Вл. С. Соловьева на „панмонголизмъ“. Начинаясь, по его взгляду, борьба расъ—и какъ проявила въ ней себя Россія? Все было сдѣлано, чтобы вызвать войну; ничего—чтобы подготовиться къ ней. Сергѣй Николаевичъ чувствовалъ всѣми фибрами своего горячаго и подлиннаго чувства патриотизма жгучую боль народнаго горя и національнаго униженія. Онъ видѣлъ, какъ среди самого русскаго общества подымается чувство протвоекественнаго злорадства по случаю нашихъ поражений—и онъ видѣлъ, какъ создавалось это чувство долгодѣтнымъ гнетомъ и подавленіемъ всѣхъ здоровыхъ инстинктовъ націи, какъ постоянно оно питается увѣренностію, что всякую побѣду русской арміи правительство используетъ въ цѣляхъ сугубаго порабоженія русскаго народа. Этого

---

¹⁾ См. статью о Чеховѣ и Горькомъ въ „Научномъ Словѣ“ 1904, 1.

нельзя было простить русской бюрократіи, какъ нельзя было ей простить Ляояна, Мукдена, Портъ-Артура, всѣхъ этихъ морей крови и слезъ. И вотъ одна мысль становится руководящей для Сергѣя Николаевича: Россія должна, наконецъ, получить политическую свободу—это для нея вопросъ жизни и смерти, національная ея необходимость, которая не можетъ уже разсматриваться, какъ часть партійной программы. Дѣло политическаго освобожденія Россіи должно стоять выше партій, и вокругъ него должны объединиться силы русскаго общества. Сергѣй Николаевичъ не скрывалъ отъ себя, съ какими трудностями рождается русская свобода; онъ не преуменьшалъ значенія поднимающихся социальныхъ страстей и национальныхъ конфликтовъ—но все же онъ видѣлъ спасеніе въ искреннемъ признаніи со стороны правительства свободъ и въ призывѣ народныхъ представителей.

Еще осенью 1904 г. онъ сблизился съ земскими кругами, въ которыхъ подготовлялся ноябрьскій обще-земскій съѣздъ. Взгляды его всего лучше отразились въ запискѣ, которую онъ вскорѣ послѣ съѣзда подаль министру внутреннихъ дѣлъ Святополкъ-Мирскому.

Эти дни ожиданія и довѣрія, какъ извѣстно, были кратковременны. Начался періодъ противорѣчивыхъ правительственныхъ заявленій: съ одной стороны, обѣщалось удовлетвореніе нѣкоторыхъ общественныхъ требованій, съ другой—угрожали всякими карами за стремленіе къ измѣненію государственнаго строя. Было ясно, что здѣсь заключается внутреннее противорѣчіе и что сохраненіе его угрожаетъ Россіи новой смутой и новыми несчастіями. Но правительство въ этомъ не убѣдилъ даже кровавый день 9-го января: его интересовало не спасеніе Россіи, а спасеніе бюрократіи.

Сергѣй Николаевичъ рѣшилъ принять участіе въ проясненіи общественнаго сознанія и въ воздѣйствіи на власть посредствомъ печати: въ этотъ переходный моментъ онъ придавалъ ей особенное значеніе. Всѣ помнятъ, конечно,

какимъ первокласснымъ публицистическимъ талантомъ и могущественнымъ темпераментомъ обладалъ Сергѣй Николаевичъ, и теперь онъ считалъ, что именно въ этой формѣ можетъ принести наибольшую пользу родинѣ. Замѣчательно при этомъ, что философское обоснованіе его общественно-политическаго міросозерцанія не затемняло у него чрезвычайно яснаго и трезваго взгляда на политическіе интересы дня: у него совершенно не было того преклоненія передъ формулами, которое въ широкихъ слояхъ русскаго общества превращалось въ настоящее идолопоклонство. Въ этомъ отношеніи онъ былъ гораздо болѣе реалистъ, чѣмъ многіе, считающіе себя за необыкновенно практическихъ политиковъ. Такое соединеніе философско-моральной принципальности и политическаго реализма сообщало ему совершенно твердую позицію и избавляло отъ необходимости боязливо оглядываться направо и налево.

Такъ создалась „Московская Недѣля“, выпустить которую, однако, не удалось: оба подготовленные номера были арестованы. Цензура сочла опаснымъ этотъ призывъ къ государственному обновленію и созидающей общественной работѣ въ то время, какъ чувствовалось грозное нарастаніе слѣпыхъ стихійныхъ силъ. Но бесполезно было бороться съ тупоумной близорукостью людей, которые кормились отъ приказнаго строя. Сергѣй Николаевичъ, затратившій столько труда на изданіе „Московской Недѣли“, жертвовавшій для нея своимъ въ корнѣ подорваннымъ здоровьемъ, принужденъ былъ капитулировать. „Московская Недѣля“ прекратилась; но, конечно, урокъ, который давала ея исторія, не прошелъ для русскаго общества даромъ.

Арестъ второго номера „Московской Недѣли“ и ея прекращеніе совпали съ роковыми днями Цусимы. Русское общество было подготовлено къ худшимъ случайностямъ; но такого небывалаго погрома оно не ожидало: чувствовалось, что во имя спасенія отечества необходимо объединеніе, связывающее партійныя различія. Это настроеніе и

вылилось въ такъ называемомъ коалиціонномъ сѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей 24—25 мая; здѣсь были и славянофилы, и убѣжденные сторонники конституціоннаго режима, были люди разныхъ программъ и разныхъ темпераментовъ, люди, которые въ другое время пришли бы лишь къ неразрѣшимымъ разногласіямъ; но настоящій моментъ ихъ объединилъ, и никто не могъ ярче и глубже выразить это единеніе, чѣмъ князь Сергій Николаевичъ Трубецкой.

Широкую извѣстность получилъ составленный имъ отъ имени сѣзда адресъ, призывавшій во имя любви къ Россіи окончательно отказаться отъ „ненавистнаго пагубнаго приказнаго строя“ и предоставить свободному народному представительству рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ. Такимъ же выраженіемъ того единаго, что возвышалось надъ партійными различіями, была рѣчь Сергія Николаевича, обращенная къ Государю 6 іюня; въ первый разъ въ русской исторіи глашатай націи говорилъ передъ лицомъ ея монарха о томъ, что составляло предметъ постоянного преслѣдованія и искорененія.

Слова Сергія Николаевича облетѣли всю Россію; они проникли въ захолустную деревню, и всюду они звучали, какъ символъ близкой побѣды новой жизни и новой Россіи надъ многолѣтнимъ рабствомъ. Вотъ эти незабвенныя слова, которыя теперь кажутся пророческими: „Однѣ части населенія возбуждаются противъ другихъ. Ненависть, неумолимая и жестокая, накопившаяся вѣками обидъ и утѣсненій, обостряется нуждой и горемъ, безправіемъ и тяжкими экономическими условіями, подымается и растетъ—и она тѣмъ опаснѣе, что вначалѣ облекается въ патріотическія формы—тѣмъ болѣе она заразительна, тѣмъ легче она зажигаетъ массы. Единственный выходъ изъ всѣхъ этихъ внутреннихъ бѣдствій—это путь, указанный Вами, Государь, созывъ избранниковъ народа. Мы всѣ вѣримъ въ этотъ путь, но сознаемъ, однако, что не всякое представительство можетъ служить тѣмъ благимъ цѣлямъ, которыя Вы

ему ставите. Вѣдь оно должно служить водворенію внутренняго мира, созиданію, а не разрушенію, объединенію, а не раздѣленію частей цѣлаго и, наконецъ, оно должно служить и преобразованію государственному, какъ сказано было Вашимъ Величествомъ. Мы не считаемъ себя уполномоченными говорить здѣсь ни о тѣхъ окончательныхъ формахъ, въ которыя должно вылиться народное представительство, ни о порядкѣ избранія. Если позволите, Государь, мы можемъ сказать только то, что объединяетъ всѣхъ насъ, что объединяетъ большинство русскихъ людей, искренно желающихъ идти по намѣченному Вами пути!“

„Нужно, чтобы всѣ Ваши подданные, равно и безъ различія, чувствовали себя гражданами русскими, чтобы отдѣльныя части населенія и группы общественныя не исключались изъ представительства народнаго, не обращались бы тѣмъ самымъ во враговъ обновленнаго строя; *нужно, чтобы не было безправныхъ и обездоленныхъ.* Мы хотѣли бы, чтобы всѣ Ваши подданные, хотя бы чуждые намъ по вѣрѣ и крови, видѣли въ Россіи свое отечество, въ Васъ—своего Государя; чтобы они чувствовали себя сынами Россіи и любили Россію такъ же, какъ мы ее любимъ. Народное представительство должно служить дѣлу объединенія и мира внутренняго. Поэтому также нельзя желать, чтобы представительство было сословнымъ. Какъ русскій Царь не Царь дворянъ, не Царь крестьянъ или купцовъ, не Царь сословій, а Царь всея Руси, такъ и выборные люди отъ всего населенія и призываемые, чтобы дѣлать совмѣстно съ Вами Ваше Государево дѣло, должны служить не сословнымъ, а общегосударственнымъ интересамъ“.

Нужно, чтобы не было безправныхъ и обездоленныхъ!— Вотъ истинный лозунгъ русскаго освободительнаго движенія—и если бы русское общество было активнѣе въ отстаиваніи его подлиннаго смысла и полного осуществленія, какъ теперь, передъ нимъ, можетъ быть, не стояла бы стихійно поднимающаяся классовая ненависть, которая дѣлаетъ столь мучительнымъ созданіе новой Россіи.

Призывъ князя Трубецкого, санкціонированный словами Государя, не былъ услышанъ русской бюрократіей, которая видѣла въ обезпеченной народной свободѣ и авторитетномъ народномъ представительствѣ гибель своего привилегированнаго положенія; не былъ онъ понятъ и нѣкоторыми группами, борящимися за политическую свободу, но загнипнотизированными партійными лозунгами и формулами. Тяжкому испытанію подвергалась вѣра въ родину, и среди неслабѣющаго насилія и произвола колебалась и надежда на мирное возрожденіе. Опубликованіе Положенія о Думѣ 6 августа, эта запоздалая, двусмысленная и неискренняя уступка, уже не могло никого удовлетворить, а главное, не могло умиротворить.

Среди этого хаоса русскіе университеты получили автономію, за которую такъ долго и страстно боролся князь Сергѣй Николаевичъ. Но какъ могла она утвердиться среди бушующихъ политическихъ страстей, наканунѣ всегда возможныхъ кровавыхъ столкновеній? Какъ могли быть водворены миръ и свобода въ университетѣ, пока ихъ не было въ Россіи? И Сергѣй Николаевичъ, избранный первымъ ректоромъ автономнаго старѣйшаго русскаго университета понималъ, какія стоятъ передъ нимъ грозныя препятствія, понималъ и то, что при состояннн своего здоровья онъ, принимая этотъ постъ, жертвуетъ собой. И онъ не колебался принести эту жертву благу и культурѣ родины; онъ понималъ, что его нравственный авторитетъ являлся теперь неоцѣнимымъ и незамѣнимымъ. Жертва была принята судьбою: не прошло и мѣсяца со дня избранія, когда въ холодномъ и равнодушномъ бюрократическомъ Петербургѣ, отстаивая права университетской свободы, не отдѣлимой отъ свободы общенародной, почилъ великій гражданинъ земли Русской.

Всѣ, кто присутствовалъ на похоронахъ князя Сергѣя Николаевича Трубецкого, конечно, никогда не забудутъ вынесеннаго оттуда впечатлѣнія. Они не забудутъ этихъ

безконечныхъ толпъ народа, провожавшихъ тѣло усопшаго, всей этой внѣшности, столь необычной въ русскихъ условіяхъ. Но было здѣсь еще нѣчто болѣе поразительное въ своемъ символическомъ значеніи: какъ будто надъ этимъ тѣломъ совершилось примиреніе такихъ силъ и группъ, которыя всегда вели другъ съ другомъ ожесточенную войну — точно онѣ на минуту согласились мирно идти рядомъ въ погребальномъ шествіи, какъ мирно у гроба лежали рядомъ ихъ вѣнки съ красными и бѣлыми лентами.

Одинъ изъ современныхъ публицистовъ, давая характеристику дѣятельности князя Сергѣя Николаевича Трубцкова, говоритъ, что онъ былъ „парламентеромъ“, и въ этомъ сравненіи есть извѣстная доля истины. Вся общественная дѣятельность князя Сергѣя Николаевича была проникнута одной идеей—объединенія на почвѣ общаго права и общей свободы; взаимному истребленію противопоставилось взаимное соглашеніе во имя высшихъ началъ. И все счастье Россіи обусловливалось тѣмъ, насколько скоро можетъ быть заключенъ такой искренній миръ. Многіе указывали, что самая смерть Сергѣя Николаевича была какъ бы символомъ невозможности такого соглашения: его сердце не выдержало рокового противорѣчія, гнетущаго русскую жизнь. И конечно, то, что мы переживаемъ, внушаетъ намъ еще болѣе тяжелыя и мучительныя предчувствія. Лучъ мира, который блеснулъ 17 октября надъ Россіей, какъ будто скрылся безвозвратно.

Не ослѣпляетъ ли насъ, однако, этотъ окружающій насъ мракъ? Не забываемъ ли мы изъ-за дня сегодняшняго и завтрашняго о днѣ послѣзавтрашнемъ, когда совокупными народными силами начнется созидательная работа? Тогда этотъ миръ станетъ неизбѣжной реальностію. И Сергѣй Николаевичъ былъ слишкомъ проникательнымъ политикомъ-реалистомъ, чтобы предполагать вѣроятность близкой побѣды этихъ объединяющихъ призывовъ.

Но не менѣе твердо вѣрилъ онъ въ послѣзавтрашній

день. Да и какъ въ него не вѣрить, если вѣрить вообще въ Россію?

Пусть же и для насъ останется великій жизненный завѣтъ князя Сергѣя Николаевича Трубецкого, пусть идеальная вѣра, горѣвшая въ его груди, пусть она соединитъ всѣхъ, для кого вѣчныя начала свободы, справедливости, любви къ родинѣ и къ согражданамъ неизмѣнно возвышаются надъ условіями ежедневной борьбы, надъ тактическими дѣйствіями партій, надъ ихъ программными различіями. Да будетъ безсильна надъ этимъ завѣтомъ смерть и да живетъ благодарная память грядущихъ поколѣній свободной Россіи, сохраняя имя князя Сергѣя Николаевича Трубецкого!

С. Котляревскій.

Князь С. Н. Трубецкой и его общее философское міросозерцаніе.

За всю исторію русскаго просвѣщенія, я думаю, еще никогда смерть отдѣльнаго научнаго дѣятеля не потрясала такъ глубоко всего русскаго общества, какъ смерть князя Сергѣя Николаевича Трубецкаго. Въ этомъ отношеніи нельзя указать въ прошломъ ничего, даже приблизительно похожаго. Даже смерть Грановскаго, столь тяжко поразившая всѣхъ, хотя отдаленно его знавшихъ, все-таки была горемъ лишь Москвы, Московскаго университета и людей, такъ или иначе, съ нимъ связанныхъ; но мы не можемъ сказать, чтобы она была горемъ всей Россіи. А вѣдь кончина князя С. Н. Трубецкаго безъ преувеличенія можетъ быть названа *національнымъ горемъ*.

Почему это такъ вышло? Князь С. Н. Трубецкой не былъ только ученымъ, его дѣятельность не ограничивалась стѣнами университета. Это былъ мощный, сильный волею и оригинальною мыслию общественный и политическій дѣятель въ самомъ широкомъ и хорошемъ смыслѣ этого слова. Въ охватившемъ Россію пробужденіи политическаго самосознанія онъ стоялъ въ самыхъ первыхъ рядахъ и оказалъ общественному движенію незамѣнимыя и незабываемыя заслуги. Достаточно напомнить его сильную и въ то же время искреннюю и сердечную рѣчь 6-го іюня; достаточно указать на его рѣшающее участіе въ установленіи общихъ началъ тѣхъ временныхъ правилъ, которыя дали автономію высшимъ учебнымъ заведеніямъ. А это только наиболѣе

яркіе пункты его общественной работы: сколько было имъ еще сделано и сдѣлано за послѣдніе годы! И что важно, — онъ умѣлъ быть собою, умѣлъ остаться на своихъ ногахъ въ такую эпоху, когда это было особенно трудно. Въдъ при массовыхъ движеніяхъ отдѣльная личность невольно тускнѣетъ и растворяется въ перекрестныхъ внушеніяхъ сталкивающихся настроеній. Между тѣмъ личность князя С. Н. Трубецкого никогда не раскрывалась съ такимъ своеобразнымъ блескомъ и съ такою моральною красою, какъ въ эти послѣдніе, страданные мѣсяцы его короткой жизни. Только тутъ онъ сталъ передъ нами во весь свой могучій ростъ и въ своей духовной непоколебимости. Онъ высоко держалъ знамя мирнаго и законнаго освобожденія страны, и оно ни разу не покачнулось въ его рукъ среди бушующей вокругъ него нравственной бури.

Но здѣсь, въ философскомъ журналѣ, мнѣ приходится говорить не объ этомъ національномъ значеніи послѣднихъ лѣтъ жизни покойнаго князя С. Н. Трубецкого. Мнѣ хотѣлось бы напомнить, чѣмъ онъ былъ въ мирное время и въ той сферѣ дѣятельности, которую онъ избралъ съ юныхъ лѣтъ и которая наиболѣе отвѣчала складу его ума и характера. За поразительно свѣтлою общественною и политическою ролью, которая выпала покойному въ эпоху нашихъ гражданскихъ нестроеній, мы, конечно, не забудемъ, чѣмъ онъ былъ для русской науки, какъ глубокомысленный и самостоятельный философъ, какъ ученый историкъ и филологъ, какъ воодушевленный, краснорѣчивый, покорявшій слушателей силою и ясностью своей мысли университетскій лекторъ, наконецъ, какъ твердый, убѣжденный, безупречно искренній и безстрашный академическій дѣятель. Съ этой стороны мы знали его лучше всего, и объ этомъ болѣе всего намъ приходится думать, когда мы вспоминаемъ о немъ.

I.

Жизнь покойнаго князя С. Н. Трубецкого, за исключеніемъ самыхъ послѣднихъ лѣтъ, не была особенно богата

внѣшними событіями. Родился онъ въ 1862 году, 23 іюля въ родовомъ имѣніи Ахтыркѣ, Московской губерніи, въ очень просвѣщенной и уважаемой семьѣ, принадлежавшей къ одному изъ лучшихъ аристократическихъ родовъ въ Россіи, который многократно заявилъ себя въ русской исторіи. Его первоначальнымъ воспитаніемъ руководила его мать княгиня С. А. Трубецкая, урожденная Лопухина, женщина замѣчательная, съ широкимъ образованіемъ и большимъ умомъ. Всецѣло отдавшись своей семьѣ и воспитанію дѣтей, она оказала на своего сына глубокое и благотворное вліяніе; онъ былъ очень привязанъ къ ней, и до самаго ея конца ихъ соединяла нѣжная и довѣрчивая дружба. Вообще, дружный и гармоничный семейный кругъ имѣлъ, повидимому, для образованія характера Сергѣя Николаевича очень большое значеніе; можетъ быть, ему онъ главнымъ образомъ былъ обязанъ нѣкоторыми симпатичными чертами своей личности: своею душевною ясностью, благородною довѣрчивостью къ людямъ, чрезвычайно сердечною отзывчивостью и неизмѣнною твердостью въ дружбѣ.

Въ 1874 году онъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ княземъ Е. Н. Трубецкимъ, теперь извѣстнымъ профессоромъ Кіевскаго университета, поступилъ въ гимназію Креймана, а потомъ, когда его отецъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Калугу, былъ переведенъ въ калужскую гимназію. Вообще, средняя школа не оставила у Сергѣя Николаевича хорошихъ воспоминаній. Въ особенности неблагоприятное впечатлѣніе произвела на него калужская гимназія. И непріятная обстановка, и преподаватели, за немногими исключениями, и ученики казались ему чѣмъ-то чужимъ и далекимъ. Въ это время онъ писалъ своему учителю и другу И. И. Кокурину въ одномъ изъ своихъ интересныхъ и задушевныхъ писемъ къ нему: „Въ гимназій баснословная грязь; классная что-то среднее между хлѣвомъ и вагономъ третьяго класса; при всемъ томъ темно“. Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: „Жду съ нетерпѣніемъ вашего письма, а вдругъ получаю маленькую записку, да и то еще пишете

о пользѣ языковъ (чортъ бы побралъ латынь и греческій). Въ нашей гимназіи всякій возненавидитъ древніе языки. Наша гимназія—сонное царство: древніе языки—это невыносимая пытка... Менѣе всего спятъ во время математики и перемѣнъ. Вотъ сладкіе плоды изученія древнихъ языковъ! Мнѣ кажется, если бы не письменныя работы, то никто ничего бы не дѣлалъ“. Такъ писалъ будущій тонкій филологъ и убѣжденный защитникъ классическаго образованія! Не даромъ онъ впоследствии говорилъ: „Мнѣ всю жизнь приходилось бороться противъ того, что дала мнѣ гимназія“.

Но изъ этой же переписки съ И. И. Кокуринымъ видно, что Сергѣй Николаевичъ въ Калугѣ не скучалъ и не чувствовалъ себя одинокимъ. Онъ пишетъ: „Слава Богу, мнѣ покамѣстъ не скучно, и я надѣюсь не скучать, хотя здѣсь ни съ кѣмъ не знакомъ. Я *очень много* занимаюсь, то-есть не уроками, а чтеніемъ. Мама подарила мнѣ всего Бѣлинскаго, я купилъ себѣ всего Шекспира. Какъ видите, скучать нечего, къ тому же ученіемъ меня не морять“. Его потребность въ обществѣ вполнѣ удовлетворялась домашнимъ кружкомъ, и онъ всячески избѣгалъ постороннихъ знакомствъ; съ другой стороны, онъ отдается усиленному и разнообразному чтенію. Философскіе интересы въ немъ пробудились рано. Какъ и для многихъ другихъ, первый толчокъ къ такому пробужденію далъ Бѣлинскій. Еще будучи въ пятомъ классѣ, Сергѣй Николаевичъ зачитывается его сочиненіями и старается проникнуть во внутренній смыслъ идеалистическихъ посылокъ его міросозерцанія. Въ это же время въ Сергѣй Николаевичѣ начинаютъ просыпаться религіозныя сомнѣнія. При религіозномъ складѣ его натуры и при религіозномъ настроеніи его семейства, эти сомнѣнія имѣли для него очень важное и мучительное значеніе. Они только усилились, когда онъ прочелъ Бокля и нѣкоторыя сочиненія Герберта Спенсера. Для него наступила эпоха религіознаго отрицанія, которое онъ съ свойственной ему горячностью выражалъ пугающими окружающихъ нарушеніями правилъ церковнаго благочестія. Онъ

сталъ на нѣкоторое время *нигилистомъ* въ томъ смыслѣ, какъ понималось это слово въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ. Въ этомъ умственномъ настроеніи переходитъ онъ и въ шестой классъ. Здѣсь чтеніе его становится еще разнообразнѣе: онъ одолѣлъ логику Милля, читалъ Дарвина, продолжалъ изучать Герберта Спенсера, наконецъ, знакомится съ Ог. Контомъ по весьма популярной у насъ въ свое время книгѣ, соединявшей статьи Льюиса и Милля о Контѣ.

Его міросозерцаніе въ это время представляетъ изъ себя какъ бы смѣсь эмпиризма съ матеріализмомъ. Однако, оно уже переставало удовлетворять его; онъ быстро глоталъ книги, но не находилъ отвѣта на мучившіе его вопросы. Въ немъ растетъ сомнѣніе въ правильности его новыхъ взглядовъ, и онъ ищетъ авторовъ, которые рѣшали бы философскую проблему въ другомъ направленіи. Въ этомъ отношеніи ему очень помогъ Куно Фишеръ. Сергѣй Николаевичъ началъ читать его исторію новой философіи уже въ седьмомъ классѣ, и она сразу произвела на него огромное впечатлѣніе. Въ его умѣ происходитъ важный переворотъ: онъ покидаетъ позитивизмъ и матеріализмъ и всецѣло увлекается нѣмецкой философіей. Въ эту эпоху онъ внимательно читаетъ „Критику чистаго разума“ и „Прологомены“ Канта. Приобрѣтеніе новыхъ книгъ, которыя онъ намѣчаетъ себѣ по цитатамъ въ книгахъ, уже прочитанныхъ, становится для него господствующимъ интересомъ жизни. Въ это время онъ всѣ свои деньги тратилъ на книги, даже удерживался отъ извозчиковъ. Его главнымъ собесѣдникомъ и товарищемъ по увлеченію философіей былъ его братъ Евгений Николаевичъ, съ которымъ онъ все время шелъ въ одномъ классѣ. Съ нимъ онъ велъ постоянные разговоры и горячіе споры по занимавшимъ ихъ обоимъ вопросамъ.

Такъ переходитъ онъ въ восьмой классъ. Въ этотъ годъ его умственный кругозоръ обогатился цѣлымъ рядомъ новыхъ, важныхъ по своимъ послѣдствіямъ впечатлѣній: онъ впервые серьезно ознакомился съ славянофильствомъ и съ философіей Вл. С. Соловьева. Славянофильство онъ прежде

всего воспринялъ въ произведеніяхъ Достоевскаго (главнымъ образомъ въ его „Дневникъ писателя“) и нѣкоторое время былъ охваченъ его вліяніемъ. Тогда же онъ прочелъ богословскія сочиненія Хомякова, также сдѣлавшія на его умъ глубокое впечатлѣніе. Наконецъ, въ этотъ же годъ онъ прочиталъ „Критику отвлеченныхъ началъ“ Соловьева, съ которымъ потомъ онъ былъ такъ близокъ по своему философскому міросозерцанію и по своимъ личнымъ дружескимъ отношеніямъ къ нему. Все это вмѣстѣ вызвало въ Сергѣѣ Николаевичѣ новый духовный переворотъ: онъ вернулся къ христіанству; онъ на всю жизнь сдѣлался убѣжденнымъ проповѣдникомъ идеальнаго, очищеннаго, философски оправданнаго религіознаго міровоззрѣнія. Признаніе единой, внутренне живой духовной основы міра, которая представляетъ собою корень и нашей индивидуальной жизни, и всечеловѣческаго коллективнаго сознанія, и въ совершенно реальномъ взаимодействіи съ которой заключается условіе достовѣрности нашего знанія, навсегда становится руководящею мыслию его философской системы. Въ разсматриваемый періодъ Сергѣй Николаевичъ, кромѣ того, дѣлается славянофиломъ въ той умѣренной и универсалистической формѣ славянофильства, которую защищаль Достоевскій. Напротивъ, къ традиціонной и строгой формѣ славянофильства, выразительницей котораго была „Русь“ Аксакова, онъ уже и тогда относился нѣсколько критически, хотя и съ уваженіемъ.

Въ 1881 году Сергѣй Николаевичъ кончилъ гимназію и поступилъ въ Московскій университетъ, первоначально на юридическій факультетъ. Однако, черезъ нѣсколько недѣль онъ перешелъ на историко-филологическій факультетъ, рѣшившись специально посвятить себя философіи. Понятно, что переходъ изъ нелюбимой гимназіи и изъ провинціальнаго города, гдѣ жизнь его была замкнута въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ, въ Москву, гдѣ у него сразу оказался очень широкій кругъ знакомыхъ, и въ университетъ, съ его свободными научными занятіями, не могъ пройти безслѣдно

для его умственного и душевного роста. Однако, едва ли легко услѣдить всѣ перипетіи его дальнѣйшаго развитія и всѣ пріобрѣтенія, вынесенныя имъ изъ его чрезвычайно разнообразнаго чтенія и изъ его новыхъ занятій наукою. Едва ли въ этомъ есть и необходимость: вѣдь самое важное отмѣтить первые и основоположные шаги въ образованіи личности и міросозерцанія философа.

Въ Москвѣ Сергѣй Николаевичъ уже не чуждался общества; онъ увлекался музыкой, веселился, явился даже однимъ изъ остроумнѣйшихъ устроителей модныхъ тогда въ свѣтскихъ домахъ шарадъ. Онъ обратилъ на себя вниманіе, о немъ стали говорить. У него было много родственниковъ и друзей, съ которыми онъ близко сошелся. Его открытая, честная, очень мягкая и въ то же время жизнерадостная натура невольно влекла къ нему. Въ этомъ отношеніи онъ нисколько не измѣнился до конца дней: съ перваго взгляда онъ могъ показаться нѣсколько угрюмымъ, слишкомъ серьезнымъ, даже важнымъ; но стоило съ нимъ разговориться, чтобы это впечатлѣніе разсѣялось навсегда. За суровою иногда внѣшностью скрывалась душа совсѣмъ простаго и необыкновенно сердечнаго человѣка, а его неудержимый, всегда готовый вспыхнуть юморъ придавалъ всей его личности неотразимую обаятельность.

Свѣтскія связи и развлеченія однако не отвлекали Сергѣя Николаевича отъ занятій наукою, еще менѣе могли онѣ отвлечь его отъ волновавшихъ его запросовъ мысли. За время своего пребыванія въ университетѣ онъ изучилъ Канта во всемъ составѣ его философіи, изучилъ нѣмецкихъ идеалистовъ: Фихте, Шеллинга (въ особенности его „положительную философію“), Гегеля, Шопенгауэра, началъ серьезно изучать Платона и Аристотеля, особенно увлекался послѣднимъ. Въ концѣ университетскаго курса онъ очень заинтересовался нѣмецкими мистиками и усердно читалъ Мейстера Эккарта, Парацельза, Якова Беме и другія мистическія произведенія предреформаціонной и реформаціонной эпохи. Любовь къ Якову Беме заставила его обратить вниманіе на

его глубокомысленнаго толкователя въ XIX вѣкѣ, Франца Баадера, и онъ внимательно изучалъ его сочиненія. Увлекаясь нѣмецкими мистиками, Сергѣй Николаевичъ ставилъ себѣ задачею выдѣлить въ нихъ то, что совпадаетъ съ истинною сущью христіанскаго міропониманія, отъ чуждыхъ христіанству пантеистическихъ и натуралистическихъ элементовъ. Въ то же время его очень занимали и частныя подробности ихъ воззрѣній. Между прочимъ его тогда интересовали вопросы о Божественной Мудрости (Софіи), какъ посредствующей сущности между Богомъ и міромъ, о натурѣ въ Богѣ, объ астральной тѣлесности духовнаго міра, объ астральномъ тѣлѣ человѣка и другихъ существъ. На эти темы онъ писалъ цѣлыя разсужденія, которыхъ, впрочемъ, никогда не предназначалъ къ печати.

Въ 1885 году князь С. Н. Трубецкой окончилъ университетскій курсъ по историко-филологическому факультету и тогда же былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ философіи. Уже въ 1886 году онъ выдержалъ экзамень на магистра философіи, а въ 1888 году началъ читать въ Московскомъ университетѣ лекціи по философіи въ качествѣ привать-доцента. Въ 1887 году онъ женился на княжнѣ Прасковѣ Владиміровнѣ Оболенской. Жизнь его измѣнилась и еще болѣе сосредоточилась на научныхъ и философскихъ занятіяхъ. Между прочимъ, въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ, онъ нѣсколько разъ ѣздилъ съ своей семьей за границу и слушалъ тамъ знаменитыхъ профессоровъ по философіи, исторіи, классической филологіи и исторіи церкви. Въ особенности важною и плодотворною для него явилась его первая заграничная поѣздка въ 1890—91 годахъ. Именно тогда установились его дружескія связи съ извѣстнымъ нѣмецкимъ богословомъ и историкомъ Гарнакомъ, оказавшимъ глубокое вліяніе на его собственныя религіозныя воззрѣнія, и съ замѣчательнымъ современнымъ филологомъ Дильсомъ. Въ своихъ письмахъ этого времени Сергѣй Николаевичъ очень горячо говоритъ о важности знакомства

съ европейскою наукою въ ея живомъ центрѣ. Онъ пишетъ изъ Берлина своему брату Евгенію Николаевичу: „Прежде чѣмъ придать твоему труду окончательную форму, прїѣзжай сюда! Увидишь, какъ много ты измѣнишь. Не бойся писать, но написавши провѣрь свой трудъ въ Германіи. А то нѣтъ ничего опаснѣе этого чисто субъективнаго, безапелляціоннаго творчества безъ всякой другой повѣрки, кромѣ книгъ, которыя подъ конецъ и читаешь-то подъ субъективнымъ угломъ зрѣнія. У насъ кто за что взялся, тотъ въ томъ и спеціалистъ... Здѣсь же, кромѣ спеціалистовъ, ты найдешь всегда людей, стоящихъ на уровнѣ современнаго знанія, обладающихъ общимъ основательнымъ знаніемъ исторіи и школой. Это огромное преимущество, котораго у насъ нѣтъ, и безъ котораго нельзя ориентироваться. Здѣсь научная жизнь имѣетъ общественный характеръ, существуетъ наука, какъ живая общественная инстанція. И повѣрка этого коллективнаго сознанія необходима; въ каждомъ дѣльномъ ученомъ нѣмцѣ ты увидишь члена этой живучей умственной корпораціи и если ты захочешь учиться, то почувствуешь ея отрезвляющее дѣйствіе. Я испыталъ это уже отчасти“.

Въ 1890 году князь С. Н. Трубецкой защищалъ свою диссертацию на степень магистра, подъ заглавіемъ „Метафизика въ древней Греціи“. Это сочиненіе сразу выдвинуло его въ русской философской литературѣ, какъ глубокаго мыслителя и очень оригинальнаго историческаго изслѣдователя. Въ „Метафизикѣ въ древней Греціи“ со всею ясностью опредѣлилась наиболѣе своеобразная черта его историческихъ курсовъ по древней философіи: всѣ системы древнегреческой мысли онъ изображаетъ, какъ естественныя ступени роста и раскрытія единаго и общаго міросозерцанія, которое было уже заложено въ древнегреческой религіи. Дальнѣйшая дѣятельность покойнаго долго не выходила изъ научно-литературныхъ рамокъ. Онъ читалъ лекціи (главнымъ образомъ по исторіи древней философіи), всегда привлекавшія многочисленныхъ слушателей своимъ всодушевленнымъ, сильнымъ и художественнымъ изложеніемъ, очень умѣло и

съ тонкимъ знаніемъ дѣла руководилъ практическими занятіями студентовъ, писалъ статьи спеціально-философскія [важнѣйшія между ними: „О природѣ человѣческаго сознанія“ (1890 г.), „Детерминизмъ и нравственная свобода“ (1894 г.), „Основанія идеализма“ (1896 г.)], писалъ статьи и съ болѣе общимъ содержаніемъ, историческія, критическія, полемическія. Въ 1900 году онъ защитилъ свою замѣчательную докторскую диссертацию „Ученіе о Логосѣ“, въ которой ярко обрисовалось его оригинальное религіозное міровоззрѣніе, органически сочетавшее въ себѣ полную свободу мысли и научнаго изслѣдованія съ глубокою сердечною вѣрою въ личность Христа и христіанскіе догматы. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ философіи въ Московскомъ университетѣ.

Его академическая дѣятельность тогда вошла въ еще болѣе широкое русло. Послѣ студенческихъ волненій 1901 г., охватившихъ всѣ высшія учебныя заведенія Россіи, для Московскаго университета наступило трудное и безпокойное время. Всѣми почувствовалась настоятельная потребность въ коренныхъ преобразованіяхъ нашей высшей школы. Предъ совѣтомъ университета силою вещей стала отвѣтственная задача выработки общаго плана и практическихъ мѣръ для водворенія нормальнаго теченія занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. И вотъ въ этой общей, всѣхъ одушевлявшей работѣ покойный князь С. Н. Трубецкой сразу выдвинулся на одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ и оказался однимъ изъ самыхъ отважныхъ и неутомимыхъ борцовъ за переустройство академической жизни на совсѣмъ новыхъ началахъ. Онъ явился убѣжденнымъ защитникомъ университетской автономіи, въ смыслѣ права совѣта профессоровъ на руководство всѣмъ ходомъ академической жизни, и широкой свободы академическихъ союзовъ и собраній въ средѣ студенчества. Его качества, какъ энергичнаго и непоколебимаго гражданина, нелицемѣрно болѣющаго душою за свою несчастную родину, которыя сказывались въ немъ и раньше, напр., когда онъ зимою 1892—1893 г. ѣздилъ устраи-

вать помощь голодающимъ въ Рязанскую губернію, теперь развернулись во всемъ своемъ блескѣ и силѣ. Онъ не ограничился устною и печатною проповѣдью тѣхъ общихъ началъ, въ спасительное значеніе которыхъ для существованія нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній онъ глубоко вѣрилъ; онъ первый сдѣлалъ широкую и чрезвычайно смѣлую попытку практически осуществить идею свободнаго студенческаго союза на чисто академической почвѣ. Успѣхъ этого предпріятія превзошелъ всѣ ожиданія. Созданное княземъ С. Н. Трубецкимъ Историко-Филологическое Общество привлекло въ составъ своихъ членовъ очень значительную часть московскаго студенчества; оно сразу зажило полною и разнообразною жизнію, раздѣлилось на цѣлый рядъ дѣятельныхъ секцій и, безъ всякаго преувеличенія, обратило на себя вниманіе всей образованной Россіи. Устроенная княземъ С. Н. Трубецкимъ экскурсія студентовъ въ Грецію представляетъ кульминаціонную точку въ развитіи Общества. Правда, процвѣтаніе его было очень непродолжительно; но не на князѣ С. Н. Трубецкомъ и не на другихъ членахъ Общества лежитъ вина, что оно распалось такъ скоро.

И подумать только, что князь С. Н. Трубецкой устраивалъ все это въ то время, когда его здоровье было уже надорвано и когда онъ только что пережилъ тяжкія нравственныя испытанія въ своей личной жизни. Въ 1900 году у него въ гостяхъ и на рукахъ у него умеръ самый близкій его другъ Вл. С. Соловьевъ; въ это же самое время скончался отецъ его князь Н. П. Трубецкой. Менѣе чѣмъ черезъ годъ умерла сестра Сергѣя Николаевича А. Н. Самарина, а черезъ нѣсколько дней послѣ ея похоронъ скончалась его мать княгиня С. А. Трубецкая, не пережившая смерти дочери. Такое нагроможденіе потерь глубоко потрясло до тѣхъ поръ крѣпкій и сильный организмъ князя С. Н. Трубецкого. Въ августѣ 1901 года онъ опасно заболѣлъ воспаленіемъ печени, поправлялся медленно, и серіозные слѣды болѣзни сохранились на все остальное время его жизни.

Года два послѣ этого онъ опять заболѣлъ, на этотъ разъ воспаленіемъ легкихъ, и ослабѣлъ настолько, что врачи совѣтовали ему для окончательнаго поправленія ѣхать за границу. Осенью 1903 г. онъ съ семействомъ отправился сначала въ Берлинъ, потомъ поселился въ Дрезденъ. Время этого его послѣдняго пребыванія за границей совпало съ началомъ японской войны. Сергѣй Николаевичъ былъ настоящимъ и горячимъ патриотомъ, не на словахъ и не въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ, а кровно любившимъ Россію и русскій народъ. Понятно, какое подавляющее и страшное впечатлѣніе должны были произвести на него пережитыя нами пораженія, особенно когда извѣстія о нихъ приходилось получать на чужбинѣ и когда ему стыдно было поднять глаза на окружающихъ, чтобы не прочесть въ ихъ лицѣ насмѣшки или обиднаго сожалѣнія. Помню, какъ уже въ Москвѣ, при мнѣ, онъ получилъ по телефону первое извѣстіе о гибели нашего флота подъ Цусимою: онъ страшно поблѣднѣлъ и весь дрожалъ, голосъ его прерывался. Для него не было того нѣсколько малодушнаго и легкомысленнаго утѣшенія, которымъ любили убаюкивать себя многіе представители нашего образованнаго общества по поводу нашихъ военныхъ бѣдствій: что русскій народъ тутъ не причемъ, что онъ можетъ быть спокоенъ и даже радоваться, что пораженія терпитъ не онъ, а русское правительство. Сергѣй Николаевичъ зналъ, что въ такихъ стихійныхъ международныхъ столкновеніяхъ народъ нравственно отвѣчаетъ за то, какое у него правительство. Вотъ почему уже давно волновавшая его (приблизительно начиная съ послѣднихъ годовъ прошлаго столѣтія) мысль о необходимости немедленныхъ и коренныхъ реформъ въ нашемъ государственномъ устройствѣ именно подъ вліяніемъ войны облеклась въ совершенно жизненную и конкретную форму и всецѣло овладѣла его душой. Она терзала его и мучила, она будила его по ночамъ и не давала спать, она заставила его покинуть тихій кабинетъ ученаго и превратила его въ политическаго дѣятеля съ всемірной извѣстностью. Жажда

спасенія и обновленія родины побѣдила въ немъ всѣ другіе интересы и задачи, оттого онъ дѣйствовалъ такъ непоколебимо и твердо, съ такою доблестною откровенностью и честностью. При этомъ онъ былъ глубокой врагъ пути крови и насилій и считалъ кровавую революцію величайшимъ и бесплоднѣйшимъ бѣдствіемъ, какое только можетъ обрушиться на русскій народъ и русскую землю. Лишь въ непрерывной, органической эволюціи политическихъ формъ и въ мирномъ преобразованіи законодательства на основахъ широкаго народнаго представительства видѣлъ онъ выходъ изъ охватившаго насъ мрака. Если онъ былъ горячимъ сторонникомъ конституціи, онъ не менѣе того былъ убѣжденнымъ монархистомъ. Въ этихъ своихъ коренныхъ воззрѣніяхъ и оцѣнкахъ онъ не колебался никогда. Поэтому напрасно крайнія русскія партіи, послѣ его смерти, пытались сдѣлать изъ его свѣтлой личности знамя собственныхъ стремленій и плановъ.

Охватившій его душевный подъемъ далъ широкой размахъ его публицистической дѣятельности. Подобно своему другу Вл. С. Соловьеву, Сергій Николаевичъ соединялъ въ себѣ съ талантами философа и ученаго очень крупный и блестящій даръ публициста, ставящій его рядомъ съ лучшими представителями русской публицистики прошлаго. Уже давно стали появляться въ повременныхъ изданіяхъ его изящныя и остроумныя статьи по вопросамъ текущей жизни. Всѣмъ, напримѣръ, памятно его участіе въ полемикѣ о преобразованіи русской орфографіи. Въ послѣдній годъ своей жизни онъ задумалъ издавать собственную газету. Первые номера ея уже были напечатаны, но ни одинъ изъ нихъ не увидѣлъ свѣта, вслѣдствіе неожиданно возникшихъ цензурныхъ препятствій. Публицистическія статьи покойнаго Сергія Николаевича за послѣднее время были главнымъ образомъ посвящены или общему политическому положенію Россіи, или другому, не менѣе большому вопросу о высшей русской школѣ.

Весь отдавшійся широкой политической дѣятельности,

князь С. Н. Трубецкой не забывалъ о нуждахъ университета, и онѣ попрежнему были близки его сердцу. Неотложная необходимость преобразования университета и высшей школы вообще оставалась постояннымъ предметомъ его устной и печатной проповѣди. Вскорѣ послѣ своей знаменитой рѣчи 6 іюня онѣ подалъ Государю докладную записку, въ которой доказывалъ необходимость немедленнаго введенія временныхъ правилъ, обезпечивающихъ автономію за университетами. Такія временныя правила дѣйствительно появились 27 августа 1905 года. А черезъ нѣсколько дней, 2 сентября, князь С. Н. Трубецкой былъ избранъ ректоромъ Московскаго университета. Между тѣмъ здоровье его съ начала 1905 года было уже окончательно разстроено. На его вдохновенную общественную дѣятельность ему приходилось тратить послѣдніе запасы силъ своего разрушеннаго организма, и онѣ быстро сгоралъ въ той пламенной борьбѣ, которой онѣ отдался всѣмъ своимъ существомъ. Столь почетное для молодого еще профессора избраніе въ ректоры было для него роковымъ ударомъ. Онѣ принялъ его грустно, но покорно. Повидимому, онѣ чувствовалъ, что это избраніе есть смертный приговоръ для него, и все-таки онѣ не рѣшился отъ него отказаться. Этому помѣшало необыкновенно сильно развитое въ немъ чувство гражданскаго долга.

Ректоромъ онѣ былъ всего 27 дней. Въ это время князь С. Н. Трубецкой стоялъ на вершинѣ своей славы, его имя вездѣ произносилось съ величайшимъ уваженіемъ, съ самыхъ далекихъ концовъ Россіи онѣ ежедневно получалъ заявленія теплыхъ чувствъ благодарности, иногда очень простыя и наивныя, которыя его глубоко трогали. И все же я думаю, что не было въ его жизни эпохи болѣе несчастной и мучительной; чѣмъ эти 27 дней его ректорства. За этотъ короткій срокъ онѣ пережилъ столько разочарованій, что этого было бы достаточно, чтобы сломить и гораздо болѣе крѣпкій организмъ. Горячій и убѣжденный противникъ внесенія политики въ стѣны университета и превра-

шенія его въ политическій клубъ, Сергѣй Николаевичъ искренно желалъ надѣяться, что автономія спасетъ университетъ. Дѣйствительность скоро разбила его надежды. Въ аудиторіи университета двинулась улица; онъ обратился въ мѣсто политическихъ митинговъ, и ему грозило вторженіе войскъ. Университетъ пришлось закрыть. Можно себѣ представить, какъ было легко первому выборному ректору, съ его строго академическими взглядами, закрывать университетъ тотчасъ же послѣ дарованія ему автономіи! Отвѣтственность за это закрытіе въ глазахъ общества, разумѣется, легла на новаго ректора. Его популярность пошатнулась. Въ газетахъ появились открытыя нападенія, грубые укоры, инсинуаціи. И безъ того совсѣмъ больной, измученный безчисленными засѣданіями и тяжелыми объясненіями со студентами, князь С. Н. Трубецкой еще ко всему простудился и заболѣлъ инфлуэнцей. И вотъ въ одной изъ газетъ появилось язвительное извѣстіе, что „ректоръ заболѣлъ вѣ-время“. Помню, какъ это возмутило Сергѣя Николаевича, едва начинавшаго поправляться, и съ какимъ негодованіемъ писалъ онъ обращеніе къ органамъ печати, убѣждая ихъ болѣе осторожно относиться къ свѣдѣніямъ о событіяхъ въ университетской жизни. У Сергѣя Николаевича оставалась одна надежда: онъ думалъ, что если будетъ открыта широкая свобода устраивать политическіе митинги внѣ стѣнъ университета, студенчество успокоится, и академическая жизнь войдетъ въ мирное русло. Побуждаемый этой послѣдней надеждой, онъ поспѣшно поѣхалъ въ Петербургъ, хотя здоровье его становилось все хуже, чтобы настаивать на возможно скорѣйшемъ дарованіи свободы собраній. Среди этихъ хлопотъ, 29 сентября, онъ внезапно скончался отъ апоплексическаго удара.

Князя С. Н. Трубецкого хоронила вся Москва. Но было бы лучше, если бы на этихъ похоронахъ шумныя превознесенія его политической роли, не всегда вѣрно понятой, не заслоняли горя о томъ, что умеръ глубокой философъ, большой ученый и замѣчательно чистый человѣкъ.

II.

Щемящее чувство невозвратимой потери получаетъ особенную остроту, когда перечитываешь философскія статьи покойнаго князя Сергѣя Николаевича Трубецкаго и когда вдумываешься въ намѣченные имъ смѣлыя черты чрезвычайно своеобразнаго и глубокаго міросозерцанія. Въ этомъ отношеніи русскихъ философовъ преслѣдуетъ печальная судьба. Въ Германіи, на примѣръ, даже второстепенные мыслители успѣваютъ создавать законченныя системы, разработанныя и подробно изложенныя во всѣхъ своихъ частяхъ, содержащія въ себѣ опредѣленный отвѣтъ на всѣ интересующіе человѣческой умъ вопросы. Въ Россіи, напротівъ, философы самые крупные, могущіе по своимъ дарованіямъ и оригинальности творчества съ лучшими корифеями современной европейской мысли, остаются вѣчными искателями истины, глубоко убѣжденными въ правильности своихъ основныхъ идей и взглядовъ, серьезно стремящимися объять ими всю область философскихъ проблемъ, блестяще и своеобразно рѣшающими тѣ вопросы, которые остановили на себѣ ихъ вниманіе, но все же не успѣвающими связать свои возрѣнія въ одну опредѣленную и во всѣхъ своихъ отдѣлахъ развитую философскую систему. Отчего это зависитъ? Отъ свойствъ русскаго ума, отъ неблагопріятнаго вліянія русской дѣйствительности или просто отъ того, что самобытные русскіе философы, въ большинствѣ случаевъ, ненормально рано умираютъ? Я не знаю, какъ отвѣтить на это; но фактъ налицо. Вѣдь даже Вл. С. Соловьевъ, писатель чрезвычайно плодовитый, посвятившій наиболѣе обширныя свои произведенія принципиальнымъ философскимъ вопросамъ, не оставилъ завершенной философской системы, а скорѣе только планъ системы, рядъ ея очерковъ, не во всемъ между собою согласныхъ, или частныя ея приложенія къ разрѣшенію отдѣльныхъ проблемъ. Когда онъ умеръ, получилось впечатлѣніе, какъ будто ушелъ челоѣкъ, не досказавъ очень многого и очень важнаго. Въ еще большей

степени это приходится сказать о кн. С. Н. Трубецкомъ. Его философскіе взгляды, въ каждый данный моментъ ихъ развитія, несомнѣнно представляли законченное и органическое единство, но они получили литературное выраженіе лишь въ пяти-шести журнальныхъ статьяхъ (правда довольно обширныхъ), въ нѣкоторыхъ вставочныхъ разсужденіяхъ въ его историко-философскихъ изслѣдованіяхъ и курсахъ, и въ разнообразныхъ намекахъ, разсѣянныхъ по всѣмъ его произведеніямъ вообще. Даже и между журнальными статьями съ специально философскимъ содержаніемъ собственно только двѣ („О природѣ сознанія“ и „Основанія идеализма“) посвящены систематическому изложенію его философскаго міросозерцанія въ его цѣломъ, — поневолѣ очень сжатому и далеко не во всѣхъ пунктахъ договоренному до конца. Остальныя статьи этой категоріи сосредоточиваются на частныхъ вопросахъ о свободѣ воли, о вѣрѣ въ безсмертіе и др. или имѣютъ полемическія цѣли. Что касается главныхъ трудовъ кн. С. Н. Трубецкого, они преслѣдуютъ по преимуществу историческія задачи.

Поэтому можно сказать, что у кн. С. Н. Трубецкого мы имѣемъ только общій планъ системы, въ которомъ, притомъ, не всѣ линіи сходятся между собою и не всѣ части и предположенія поставлены въ ясно обозначенную связь. Міросозерцаніе кн. Трубецкого въ теченіе его жизни развивалось и мѣнялось во многихъ существенныхъ пунктахъ и не пришло къ какому-нибудь одному окончательному выраженію. Въ послѣдніе годы кн. С. Н. Трубецкой сравнительно мало занимался принципиальными философскими проблемами, весь отдавшись жгучимъ вопросамъ дня. Тѣмъ не менѣе то, что можно назвать планомъ его системы, исполнено такого глубокаго философскаго интереса, такъ своеобразно и ярко намѣчено, сопровождается такою обдуманною и тонкою аргументаціей, что статьи кн. С. Н. Трубецкого по общефилософскимъ вопросамъ даютъ читателю чрезвычайно много. Кратко излагать ихъ довольно трудно. Подобно Соловьеву, кн. С. Н. Трубецкой въ своихъ фило-

софскихъ изслѣдованіяхъ пользуется діалектическимъ методомъ; при рѣшеніи занимающихъ его проблемъ онъ отправляется отъ рѣшеній самыхъ простыхъ и наглядныхъ, вскрываетъ ихъ недостаточность, переходитъ къ предположеніямъ болѣе сложнымъ и отвлеченнымъ, подвергаетъ ихъ той же работѣ анализа и такъ, со ступени на ступень, возвышается до широкихъ концепцій конкретнаго идеалистическаго міропониманія, въ которыхъ, по его замыслу, должны примириться и раствориться всѣ противорѣчія человеческой мысли. Обособить и оцѣнить всѣ нити этой тонкой и крѣпкой паутины въ небольшомъ очеркѣ — задача едва-ли достижимая, тѣмъ болѣе, что кн. С. Н. Трубецкой въ своихъ философскихъ изслѣдованіяхъ параллельно ставилъ и рѣшалъ и метафизическія, и гносеологическія проблемы, которыя у него постоянно переплетаются между собою. Я постараюсь, насколько это въ моихъ силахъ, лишь передать общій ходъ его мысли хотя заранѣе извиняюсь, что мнѣ придется его нѣсколько упростить и схематизировать, что неизбѣжно его лишитъ его утонченной структуры и удивительнаго разнообразія.

Чтобы понять взгляды кн. Трубецкого, надо помнить, подъ какими вліяніями слагалась его философская мысль. Изъ краткаго очерка его жизни мы уже видѣли, какое сильное вліяніе оказали на него Соловьевъ и славянофилы. Ранѣе того онъ увлекался представителями эмпирико-реалистическаго лагеря, въ особенности Г. Спенсеромъ, Дарвиномъ, вообще, сторонниками эволюціонистическаго міросозерцанія; затѣмъ наступаетъ увлеченіе Кантомъ и нѣмецкими идеалистами послѣ Канта. Всѣ эти вліянія были имъ интимно и глубоко пережиты и оставили навсегда свой слѣдъ въ его умственномъ строѣ. Въ первой его работѣ по принципіальнымъ философскимъ вопросамъ, въ статьѣ „О природѣ человеческого сознанія“, ясно еще отражаются идеи философовъ славянофильства Хомякова и Кирѣевскаго, что въ послѣдующихъ статьяхъ замѣчается уже гораздо менѣе. Вліяніе славянофильства въ этой статьѣ сказывается

и на ея общихъ предположеніяхъ и выводахъ и даже на ея терминологіи. Слова „соборный“, „соборность“, „каеолическій“, „вселенскій“ и др. встрѣчаются намъ постоянно, какъ въ этой статьѣ, такъ и въ „Метафизикѣ въ древней Греціи“, являясь прямо въ качествѣ терминовъ для обозначенія наиболѣе существенныхъ принциповъ всего философскаго построенія. Можно сказать, что въ эту эпоху своего философскаго развитія кн. С. Н. Трубецкой старался примѣнить общія положенія славянофильской теоріи объ истинной церковной вѣрѣ къ рѣшенію болѣе широкаго вопроса объ условіяхъ всякаго истиннаго познанія вообще.

Въ самомъ дѣлѣ, никакъ нельзя отрицать извѣстной аналогіи между разсужденіями Хомякова и Кирѣевскаго о значеніи личнаго начала въ исторіи христіанской церкви и христіанской философіи и взглядами кн. С. Н. Трубецкого на роль личнаго сознанія въ усвоеніи истины, какъ они изложены въ статьѣ „О природѣ человѣческаго сознанія“. По ученію славянофиловъ, внутренняя трагедія исторіи Запада заключается въ томъ, что онъ измѣнилъ началу соборности, на которомъ зиждется нормальная жизнь христіанства и которому осталось вѣрно православіе. Такая измѣна началась съ момента отпаденія западной церкви отъ восточной, которое явилось результатомъ предпочтенія своего частнаго мнѣнія въ догматѣ *filioque* всеобщему вѣрованію вселенской церкви. Односторонность личной мысли и личнаго произвола тѣмъ самымъ сдѣлалась опредѣляющимъ принципомъ западно-европейской культуры. Въ средніе вѣка она выразилась, съ одной стороны, въ превознесеніи личности папы, какъ непогрѣшимаго авторитета въ дѣлахъ вѣры и церковной практики, надъ соборною жизнію церкви, съ другой стороны, въ притязаніяхъ разсудочнаго раціонализма схоластиковъ устанавливать истины непосредственной, живой вѣры на условныхъ, отвлеченно-разсудочныхъ основаніяхъ. Въ новое время начало личности, какъ руководящая сила всего духовнаго развитія, выдвинулось еще рѣзче и рѣшительнѣе. Въ протестанствѣ единственный источникъ религіозной

истины былъ указанъ въ личной совѣсти и личномъ толкованіи каждаго отдѣльнаго христіанина. Этотъ принципъ личной мысли, личнаго убѣжденія, личнаго разсужденія и изслѣдованія предопредѣлили судьбу новой европейской философіи. Во всѣхъ своихъ основныхъ развѣтвленіяхъ она представляетъ только различныя формы раціонализма. И эта стихія раціонализма растетъ въ европейской философіи съ каждымъ столѣтіемъ, постепенно поглощая въ себѣ всѣ другіе элементы міропониманія. Своей высшей точки раціонализмъ достигаетъ въ философской системѣ Гегеля: въ ученіи Гегеля раціонализмъ сказалъ свое послѣднее и окончательное слово. Система Гегеля есть философія абсолютнаго раціонализма и дальше нея въ этомъ направленіи идти некуда. И вотъ именно въ этой системѣ раціонализмъ ярко обнаружилъ свою недостаточность и свою несостоятельность въ качествѣ исчерпывающаго принципа знанія. Философія Гегеля есть только философія отъ всего отвлекшагося и оторвавшагося разсудка, а она считаетъ себя за философію цѣльнаго разума. Отвлеченное разсудочное знаніе не обнимаетъ и не покрываетъ дѣйствительности; разсудокъ опредѣляетъ необходимо-мыслимые законы и отношенія вещей; онъ ясно отдѣляетъ возможное отъ невозможнаго, но зато его настоящей областью и является только царство возможностей. Не выйдя изъ сферы своихъ абстрактныхъ усмотрѣній, разсудокъ ничего не можетъ сказать о томъ, что реально дано намъ, что на дѣлѣ существуетъ, какъ бесконечно-разнообразный, конкретный и живой міръ, и о томъ, почему онъ существуетъ и чьею силою. Чтобы понять это, сознаніе должно возвыситься надъ абстрактнымъ разсудкомъ, оно должно приблизиться къ дѣйствительности черезъ ея живое духовное воспріятіе. Поэтому высшая степень знанія есть *вѣра*. Для вѣры открывается внутренняя связь являющагося намъ міра съ его скрытой духовной основой. Только вѣра дѣлаетъ разумъ зрячимъ и даетъ ему непосредственное и безусловное знаніе, и лишь такому цѣльному, окрыленному вѣрой и выра-

жившему въ себѣ гармонію всѣхъ нашихъ душевныхъ силъ разуму доступны невидимыя тайны вещей божескихъ и человѣческихъ и сіяетъ высшая правда. Такая душевная гармонія возможна только тамъ, гдѣ господствуетъ законъ любви. Поэтому общеніе любви необходимо для постиженія истины. Истина въ своей конкретной полнотѣ не дается единоличнымъ усиліямъ отдѣльныхъ умовъ; она открывается лишь въ церкви совокупному сознанію вѣрующихъ, объединенныхъ въ духѣ чистой христіанской любви.

Это ученіе о вѣрѣ, какъ объ источникѣ и коренномъ условіи реальности знанія, и какъ о духовной силѣ, дающей живое содержаніе построеніямъ абстрактной мысли, довольно подробно и тонко разработанное у славянофиловъ, перешло къ Соловьеву и къ кн. С. Н. Трубецкому и въ особенности у послѣдняго легло въ основу всей его гносеологіи. Онъ освободилъ его отъ чисто теологическихъ и церковныхъ предположеній и представленій, съ которыми оно еще тѣсно сливается у славянофиловъ, далъ ему очень широкую теоретическую постановку, но сохранилъ его общую суть. По этому поводу приходится отмѣтить важный фактъ: Соловьевъ и кн. С. Н. Трубецкой рѣзко расходились съ славянофилами по цѣлому ряду вопросовъ церковныхъ, историческихъ, политическихъ, общественныхъ, но въ вопросахъ отвлеченной философіи, особенно во взглядахъ на природу и условія человѣческаго знанія они оставались съ ними на одинаковой почвѣ. И Соловьевъ, и кн. С. Н. Трубецкой были горячо убѣждены, что настоящее знаніе зиждется на гармоническомъ сочетаніи опыта, разума и вѣры. Между тѣмъ мысль о неизбѣжности такого сочетанія, можетъ быть, ни у кого изъ писателей предшествующей эпохи не проводилась съ такою настойчивостью и послѣдовательностью, какъ именно у славянофиловъ. Правда, понятіе вѣры и однородныя съ нимъ понятія непосредственнаго знанія, интеллектуальнаго созерцанія, чувства, здраваго смысла и т. д. играли видную роль и въ ученіяхъ многихъ западныхъ мыслителей. Но, во первыхъ, у нихъ эти

понятія по большей части имѣютъ болѣе ограниченное и специальное содержаніе; напр., интеллектуальное созерцаніе Шеллинга совпадаетъ просто съ актомъ чистаго самосознанія, въ которомъ наше я, возвысившись надъ всѣмъ относительнымъ и конечнымъ, встрѣчается съ своей собственной абсолютною сущностію, которая въ то же время есть внутренняя реальность и всѣхъ другихъ вещей. Во вторыхъ, у западно-европейскихъ философовъ въ гораздо большей степени подчеркивается антагонизмъ между непогрѣшимыми откровеніями вѣры, съ одной стороны, и выводами отвлеченнаго разума и чувственнаго опыта, съ другой. По крайней мѣрѣ, для большинства изъ нихъ типичною является точка зрѣнія Якоби: высшая истина открывается только непосредственному чувству; напротивъ, рациональное знаніе съ необходимостію приходитъ къ совершенному отрицанію всего, что дорого вѣрѣ. У нашихъ славянофиловъ, въ этомъ случаѣ, замѣчается гораздо болѣе примирительная тенденція. Разумъ не отрицаетъ вѣры; онъ, напротивъ, неизбежно предполагаетъ ее, поскольку его процессы развиваются нормальнымъ и законнымъ путемъ и поскольку онъ стремится къ конкретному и живому знанію. Въ этомъ же заключается и основная идея гносеологіи кн. С. Н. Трубецкого. Правда, и у него иногда намѣчается мысль о противоположности выводовъ разума и истинъ вѣры. Но она выдвигается только по поводу нѣкоторыхъ частныхъ проблемъ, главнымъ образомъ въ виду вопроса о безсмертіи души.

Статья „О природѣ человѣческаго сознанія“ начинается съ указанія того капитальнаго философскаго вопроса, который былъ поставленъ еще во времена Сократа и который съ тѣхъ поръ мучительно занимаетъ умы. Это вопросъ объ отношеніи рода и индивида, универсальнаго и частнаго. Этотъ вопросъ захватываетъ всѣ области философіи. „Въ логикѣ—это вопросъ о природѣ общихъ понятій, объ ихъ отношеніи къ представленіямъ, къ единичнымъ предметамъ; въ политикѣ, этикѣ—это вопросъ объ отношеніи

гражданина къ государству, челоѣка къ челоѣчеству; въ метафизикѣ—вопросъ о реальности общихъ универсальныхъ началъ; въ физическихъ наукахъ—о происхожденіи родовъ, видовъ и индивидовъ“¹⁾. Вопросъ этотъ въ разныхъ школахъ получалъ иногда діаметрально противоположное рѣшеніе. Были философскія ученія, которыя готовы были отрицать все частное во имя общихъ началъ, и существовали другія, которыя отрицали все общее во имя атомистическаго индивидуализма. Въ новое время этотъ вопросъ испыталъ глубокое преобразование: новая протестантская философія попыталась упразднить всѣ противорѣчія и разногласія, признавъ и общее, и частное за нѣчто одинаково субъективное. Всѣ индивидуальныя вещи суть только наши представленія, всѣ общія начала—это лишь наши понятія. „Въ этомъ германскій идеализмъ сошелся съ англійскимъ эмпиризмомъ. Въ этомъ общемъ субъективизмѣ, въ этомъ отрицаніи вселенскаго бытія, объективнаго и универсальнаго, они сходятся между собою и сводятъ все общее и частное къ личному сознанію“²⁾. Такъ и современная философія „въ своихъ противоположныхъ направленіяхъ развиваетъ одинъ и тотъ же протестантскій принципъ абсолютизма личности“³⁾.

Упразднялся ли, однако, этимъ первоначальный вопросъ объ отношеніи общаго и частнаго? Онъ только мѣнялъ свой видъ: онъ переносился на личность и на природу нашего собственнаго ума. Англійскій эмпиризмъ вполне отождествляетъ личность съ индивидомъ, наоборотъ, нѣмецкій идеализмъ видитъ въ ней воплощеніе всеобщаго, универсальнаго разума. Соотвѣтственно этому для англійскихъ эмпириковъ вещи суть наши индивидуальныя представленія, а всякія наши общія понятія опять—таки образуются нашимъ индивидуальнымъ умомъ, путемъ сравненія единичныхъ случаевъ и ихъ произвольнаго обобщенія помощью словес-

1) „Вопр. Фил. и Псих.“. Кн. I, 86—87 стр.

2) Тамъ же. Кн. I, 88 стр.

3) Тамъ же. Кн. I, 90 стр.

ныхъ знаковъ. Напротивъ, нѣмецкій идеализмъ склоненъ признавать всѣ индивидуальныя элементы сознанія производными и вторичными. Первична только универсальная дѣятельность мысли, только „абсолютное я“ или „абсолютная мысль, себя мыслящая“. Отецъ новаго идеализма Кантъ провозгласилъ пространство, время, причинность, реальность и всѣ другія категоріи мысли чѣмъ-то совершенно субъективнымъ. Но вскорѣ оказалось, что эта субъективность мысли не имѣетъ ничего индивидуальнаго. Эта мысль, отъ которой зависитъ пространство, время и всякая реальность вообще, предшествуетъ вселенной; но она предшествуетъ и каждому изъ насъ, какъ опредѣленной эмпирической индивидуальности ¹⁾.

Такимъ образомъ въ оцѣнкѣ нашего я и нашего личнаго сознанія повторяется та же непримиримая противоположность взглядовъ, которая въ средніе вѣка отдѣляла номиналистовъ отъ реалистовъ. Это заставляетъ отнестись къ ученіямъ эмпириковъ и идеалистовъ съ особеннымъ вниманіемъ. Только ихъ всесторонній анализъ поможетъ понять намъ, въ чемъ заключается основная ложь современнаго философскаго міросозерданія. И лишь такой анализъ способенъ освѣтить самый коренной вопросъ современной философіи: доступна ли истина личному сознанію человѣка, и если да, то лично ли самое его сознаніе вообще ²⁾?

Англійскій эмпиризмъ разсматриваетъ сознаніе какъ личную, точнѣе, какъ чисто индивидуальную функцію. Индивидуальное сознаніе человѣка всецѣло ограничено собою, т.-е. совокупностію своихъ настоящихъ и прошедшихъ состояній, — въ этомъ основной тезисъ эмпирической доктрины. Все содержаніе сознанія обусловливается накопленіемъ прошедшихъ личныхъ опытовъ; съ другой стороны, всякій опытъ есть, прежде всего, состояніе сознанія. Самый духъ есть не что иное, какъ совокупность такихъ состояній, свя-

1) „Вопр. Фил. и Псих.“. Кн. I, 89—99 стр.

2) Тамъ же. Кн. I, 94 стр.

занныхъ между собою; онъ абсолютно ограниченъ ими и ничего, кромѣ нихъ, знать не можетъ ¹⁾. Знать о чемъ-либо внѣшнемъ, трансцендентномъ нашему сознанию мы не можемъ, потому что мы ограничены собою: все, что выходитъ за предѣлы индивидуальнаго сознанія, выходитъ и за предѣлы его логической компетенціи. Поэтому, когда мы говоримъ о пространствѣ, времени, матеріальномъ мірѣ, реальныхъ вещахъ, какъ о чемъ-то, отъ насъ не зависящемъ и внѣ насъ данномъ, мы впадаемъ въ психологическую иллюзію ²⁾.

Вѣрна ли такая оцѣнка? Вѣдь въ ней отрицается не только самое вѣроятное и естественное представленіе о нашемъ духѣ, которое дается всѣмъ составомъ и смысломъ нашего дѣйствительнаго опыта, въ ней сказывается явное пренебреженіе къ очевиднымъ фактамъ, которые переживаются нами постоянно. На самомъ дѣлѣ человѣкъ вовсе не погруженъ весь въ самого себя и никогда не ограничивается своимъ настоящимъ и тѣмъ, что ему непосредственно дано: онъ не только есть, онъ бываетъ и будетъ. Чтобы сознать объективно какое бы то ни было наше состояніе, чтобы только замѣтить его въ себѣ, мы должны выйти изъ него, отличить его отъ себя. Самая возможность опыта всецѣло обусловлена этою идеальною дѣятельностію: нѣтъ опыта, пока мы не возвысились надъ своимъ настоящимъ: нѣтъ внѣшняго опыта, пока мы не отличаемъ себя отъ того, что намъ внѣшне; нѣтъ опыта безъ интуиціи времени и пространства. Между тѣмъ все это понятно лишь при одномъ условіи: нужно допустить, что въ каждомъ актѣ нашего сознанія мы выходимъ изъ себя *метафизически*, т.-е. не кажущимся, а вполне реальнымъ образомъ ³⁾. Во всякомъ своемъ отношеніи и въ каждомъ актѣ своей жизни нашъ познающій субъектъ дѣйствительно, метафизически выходитъ изъ себя, возвышается надъ своею индивидуальною субъектив-

1) „Вопр. Фил. и Псих.“. Кн. I, 105 стр.

2) Тамъ же. Кн. I, 106 стр.

3) Тамъ же. Кн. I, 106—107 ст.

ностию и вступаетъ въ совершенно реальное отношеніе къ тому, что не есть онъ самъ. Эта мысль о реальномъ выхожденіи познающаго субъекта изъ самого себя и объ его реальномъ взаимодействіи съ отличною отъ него дѣйствительностию является одною изъ любимѣйшихъ и въ то же время одною изъ плодотворнѣйшихъ философскихъ идей покойнаго кн. С. Н. Трубецкого. Впервые онъ ее подробно развилъ во введеніи къ „Метафизикѣ въ древней Греціи“.

Англійскій эмпиризмъ весь проникнутъ принципомъ чистой субъективности и индивидуальности сознанія и это вовлекаетъ его въ рядъ очень важныхъ затрудненій и даже неразрѣшимыхъ противорѣчій. Одно изъ самыхъ существенныхъ затрудненій англійской эмпирической психологіи, съ выводами которой тѣсно сливается англійское эмпирическое міросозерцаніе въ его цѣломъ, заключается въ странномъ противорѣчій между ея двумя методами—методомъ интроспективнаго наблюденія и методомъ экспериментальнымъ. Наблюденіе и опытъ не могутъ и не должны противорѣчить другъ другу; въ настоящемъ случаѣ они приводятъ къ результатамъ не только противоположнымъ, но совершенно непримиримымъ. Внутреннее наблюденіе открываетъ въ сознаніи рядъ состояній духа, связанныхъ между собою, и ничего больше; съ эмпирической точки зрѣнія, за предѣлами этихъ состояній мы ничего не можемъ утверждать, мы всецѣло ими ограничены. Напротивъ, опытъ, направленный на окружающую насъ природу и нашъ собственный организмъ, показываетъ, что всѣ эти состоянія обусловлены внѣшнимъ міромъ и нашей физической организаціей. Нашъ опытъ обусловленъ чувствами, наша чувственность обусловлена отправленіями мозга и нервной системы, и въ свою очередь нервная система возбуждается воздѣйствіями, идущими изъ окружающаго насъ матеріальнаго міра. Получается комически-наглядная несообразность: и матерія, и всѣ матеріальныя вещи (а стало быть и нашъ мозгъ), и пространство, и причинность—все это лишь наши ощущенія и

представленія,—въ этомъ принципиальное утверждение эмпиризма. И въ то же время мозгъ предшествуетъ нашимъ ощущеніямъ и представленіямъ и вызываетъ ихъ, а онъ только часть матеріальнаго міра ¹⁾). Въ результатъ и эмпирическая психологія, и эмпирическая философія вынуждены беспомощно колебаться между чистымъ эмпиризмомъ и грубымъ матеріализмомъ.

Далѣе, разрѣшивъ духъ въ совокупность состояній сознанія, связанныхъ между собою, англійская психологія стремится объяснить его изъ этихъ состояній. Для нея духъ не есть независимое начало, связующее или порождающее наши представленія; эмпирически намъ даны лишь различныя сознательныя состоянія въ ихъ различныхъ комбинаціяхъ; они являются элементами сознанія и связь ихъ должна объясняться изъ нихъ самихъ. Сознаніе должно объясняться посредствомъ сцѣпленія своихъ индивидуальныхъ элементовъ. Такіе элементы на языкѣ англійской психологіи называются *идеями*, сцѣпленіе ихъ—ассоціаціей идей. Всѣ эти идеи ассоціируются между собою или по смежности, или по сходству, или, наконецъ, по контрасту. Въ доказательство значенія этихъ законовъ ассоціаціи исписаны цѣлые томы; одинъ Бэнъ, этотъ плодовитый схоластикъ эмпиризма, посвящаетъ многія сотни страницъ, чтобы доказать, что всѣ представленія въ какой-либо степени, въ чемъ-либо сходны или противоположны нѣкоторымъ другимъ представленіямъ и въ силу этого склонны вызывать ихъ въ памяти „при прочихъ равныхъ условіяхъ“ ²⁾).

Довольно легко замѣтить, что это, быть можетъ, самая бессодержательная психологія, какую мы только знаемъ. Все значеніе этихъ мнимыхъ законовъ и заключается въ ихъ бессодержательности. Такъ какъ всѣ явленія сознанія смежны, всѣ отчасти сходствуютъ, отчасти контрастируютъ, то всѣ ихъ нетрудно подогнать подъ бессодержательныя

1) „Вопр. Фил. и Псих.“. Кн. I, 108—109 ст.

2) Тамъ же. Кн. I, 111—112 ст.

формулы ассоціаціи по смежности, по сходству и по контрасту. Такимъ упрощеннымъ способомъ эмпиризмъ обращаетъ всю духовную жизнь въ чисто внѣшнее и роковое сдѣяніе событій. Поистинѣ побѣда надъ духомъ дается слишкомъ легко. Зато законъ ассоціаціи идей, такъ понимаемый, оказывается вдвойнѣ ошибочнымъ: „строго говоря, мы не находимъ въ духѣ ни ассоціацій, ни идей въ смыслѣ англійской психологіи, ибо оба термина, которыми она такъ злоупотребляетъ, не точны въ высокой степени.“ Подъ идеями англійская психологія разумѣетъ тѣ индивидуальныя элементы, изъ которыхъ слагается сознаніе. Но безпристрастный анализъ показываетъ намъ, что подобныхъ элементовъ въ духѣ не существуетъ вовсе: въ немъ нѣтъ никакихъ изначальныхъ идей, ни въ смыслѣ понятій, ни въ смыслѣ представленій. И тѣ и другія обособляются отъ породившихъ ихъ впечатлѣній и другъ отъ друга путемъ медленной, упорной работы индивидуальнаго сознанія. Первоначальное состояніе сознанія сливается ихъ всѣ въ общемъ безразличномъ мракѣ. Лишь очень постепенно въ сознаваемыхъ нами вещахъ обрисовывается для насъ то, что въ нихъ есть общаго и что въ нихъ есть особеннаго, при чемъ и то, и другое опредѣляется и фиксируется посредствомъ слова. 1) До того ничего опредѣленнаго и индивидуально обособленнаго въ сознаніи нѣтъ. Поэтому и терминъ „ассоціація“ является неточнымъ и не объясняющимъ фактовъ сознанія. Что представленія вызываютъ другъ друга въ памяти, когда они имѣютъ нѣчто общее между собою, не подлежатъ никакому сомнѣнію. Но каждое представленіе имѣетъ столь много общаго и съ такимъ множествомъ другихъ, что одинъ законъ ассоціаціи не можетъ объяснить, почему изъ всѣхъ возможныхъ комбинацій представленій осуществляется только одна. На дѣлѣ въ каждой ассоціаціи, кромѣ влекущихъ другъ друга представленій, дѣйствуетъ интересъ или мотивъ, направляющій наше вниманіе въ ту или другую сто-

1) „Вопр. Фил. и Псих.“. Кн. I. 113—114 стр.

рону. Этотъ интересъ, *мотивирующий* наше вниманіе, является душой всего процесса; и разъ, что воля и вниманіе вмѣшиваются въ дѣло, произвольно завязывая и разрывая нити ассоціацій, случайное внѣшнее сдѣяніе представленій является невозможнымъ. ¹⁾

Съ другой стороны, самый процессъ припоминанія и вниманія есть явленіе совершенно необъяснимое изъ однихъ представленій, а тѣмъ болѣе изъ ассоціацій, съ которыми, напротивъ, приходится бороться въ каждомъ сложномъ воспоминаніи. „Какимъ образомъ я изъ всѣхъ возможныхъ представленій, дремлющихъ въ моей памяти, сосредоточиваю свое сознаніе на одной опредѣленной группѣ ихъ и припоминаю въ ней не тѣ представленія, которыя она случайно вызываетъ, но тѣ, которыя мнѣ нужно припомнить въ виду извѣстной цѣли?“ Въ этомъ состоитъ мышленіе, а что оно есть процессъ разумный и цѣлесообразный, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Между тѣмъ, мы сознаемъ только результаты этого процесса—связныя мысли, а не ту дѣятельность, которая выбираетъ и связываетъ нужные для мысли матеріалы. Эта дѣятельность обращается съ представленіями, которыя лежатъ внѣ свѣтлой сферы нашего дѣйствительнаго сознанія и потому сама поневолѣ выходитъ изъ его границъ; она внѣсознательна, какъ превосходно показалъ Гартманъ. „Чѣмъ же руководствуется она внѣ сознанія? Почему она разумнѣе, проще, вдохновеннѣе именно тамъ, гдѣ она не измышляется и не сочиняется, гдѣ она не выдумывается, но выливается непосредственно изъ глубины души? Должны ли мы признать какую либо иную форму разумности и сознанія, кромѣ индивидуальной, или допустить „премудрое безсознательное“ нѣмецкихъ философовъ?“ ²⁾ Послѣдовательный эмпиризмъ не можетъ допустить ни того, ни другого. Онъ отрицаетъ все внѣсознательное и досознательное въ душѣ человѣка. Онъ отвергаетъ вся-

1) „Вопр. Фил. и Псих.“. Кн. I. 117—118 стр.

2) Тамъ же. Кн. 118—119 стр.

кій *pius* сознанія и всякое сознаніе внѣ эмпирическаго. *Сознаніе* для него отождествляется съ *памятью*. Если онъ признаетъ какіе нибудь безсознательные процессы, предшествующіе возникновенію нашихъ сознательныхъ состояній, то только въ смыслѣ мозговыхъ процессовъ. Въ этомъ согласны и Милль, и Бэнъ, и Г. Спенсеръ. Но такой выходъ есть явное банкротство психологіи эмпиризма. Не говоря уже о томъ, что матеріализмъ рѣзко противорѣчитъ ея основнымъ посылкамъ, подобная психологія, отрицая внѣ-сознательные душевные процессы, совершенно отказывается отъ своей задачи—„психологическаго“ объясненія душевныхъ явленій. ¹⁾

Итакъ, эмпиризмъ, послѣдовательно проведенный, распадается въ явныхъ и непоправимыхъ логическихъ противорѣчіяхъ. Въ его предположеніяхъ постоянно сталкиваются между собой чистый субъективизмъ и некритическій матеріализмъ, взаимно отрицая другъ друга и не будучи въ состояніи другъ безъ друга обойтись. Окончательнымъ результатомъ эмпирической точки зрѣнія является безвыходный скептицизмъ, который и былъ провозглашенъ съ замѣчательной смѣлостію уже довольно рано въ исторіи психологіи эмпиризма, знаменитымъ Д. Юмомъ. Кн. С. Н. Трубецкой очень высоко ставилъ Юма за его желѣзную послѣдовательность мысли. Онъ говоритъ: „Юмовскій скептицизмъ—едва ли не самая философская форма эмпирическаго ученія. Ибо если бы онъ былъ еще послѣдовательнѣе, если бы онъ развилъ до конца всѣ противорѣчія, заключающіяся въ предположеніяхъ эмпиризма, онъ пришелъ бы къ совершенному самоубійству, разрушился бы въ столкновеніи съ несокрушимымъ свидѣтельствомъ человѣческаго сознанія.“ ²⁾ Чтобы спастись отъ скептицизма, нужно, вопреки принятому эмпирической философіей основному понятію объ исключительно индивидуальной субъективности сознанія,

1) „Вопр. Фил. и Псих.“ I. 118—119 стр.

2) Тамъ же. Кн. 121—122 стр.

допустить въ немъ способность непосредственнаго воспріятія реальнаго, истиннаго въ вещахъ. Это и сдѣлала въ XVIII в. шотландская школа съ Ридомъ во главѣ. Она признаетъ переходъ отъ сознанія къ вещамъ актомъ непосредственнаго „здраваго смысла“, ирраціональнаго, но непогрѣшимаго инстинкта. При этомъ, однако, шотландская школа осталась вѣрна кореннымъ принципамъ эмпиризма: сознаніе и для нея ограничивается воспріятіемъ своихъ субъективныхъ состояній. Вслѣдствіе этого непостижимая способность здраваго смысла проникать въ самобытную реальность вещей оказывается совершенно враждебной всѣмъ требованіямъ философскаго обоснованія и философской критики. „Здравый смыслъ убѣждаетъ насъ въ реальности всѣхъ нашихъ воспріятій, въ истинности опыта, нашего и чужого, и соотвѣтственно тому, — въ цѣломъ рядѣ положеній, которыя ни откуда выведены быть не могутъ, но только открываются въ сознаніи, какъ основныя данныя. Здравый смыслъ можетъ насъ и обманывать во всемъ этомъ, но это для насъ безразлично, ибо въ такомъ случаѣ наша природа такова, что мы должны неизбѣжно обманываться. Это совершенное сомнѣніе въ разумѣ, въ логической компетенціи сознанія, — тотъ же скептицизмъ, только вывернутый наизнанку“¹⁾.

Изо всего изложеннаго въ окончательномъ итогѣ слѣдуетъ, что на предположеніи исключительной индивидуальности сознанія нельзя остановиться. Если истина дѣйствительно доступна личному сознанію, оно не можетъ быть тѣмъ, что о немъ думаютъ эмпирики. Въ немъ должна, въ такомъ случаѣ, осуществляться универсальная и объективная, независимая отъ частныхъ индивидуальных особенностей, природа разума, единая во всѣхъ эмпирически данныхъ личныхъ сознаніяхъ. Въ этомъ заключается точка зрѣнія нѣмецкаго идеализма. Коперникъ новой философіи— Кантъ впервые далъ ей строгое и послѣдовательное выра-

1) „Вопр. Филос. и Псих.“ Кн. I, 124 ст.

женіе. Съ геніальною прозорливостію Кантъ указалъ, что уже самыя наши чувственныя воспріятія предполагаютъ нѣкоторыя универсальныя данныя, которыя не могутъ быть познаны внѣшнимъ образомъ, изъ опыта, потому что они обусловливаютъ собой всякій возможный опытъ. Мы получаемъ извнѣ рядъ впечатлѣній, которыя сами по себѣ совершенно субъективны, единичны, частны. Какимъ же образомъ они превращаются для нашего познанія въ объективную, реальную природу, универсальную и одинаковую для всѣхъ человѣческихъ пониманій въ своихъ естественныхъ законахъ, въ своемъ пространственномъ и временномъ существованіи? Эту объективную реальность, эту универсальность и необходимость субъектъ привноситъ отъ себя; онъ превращаетъ данныя ему ощущенія въ реальныя воспріятія посредствомъ апріорной дѣятельности своего сознанія. Мы воспринимаемъ вещи въ пространствѣ и времени. Что же такое пространство и время? Это не понятія, отвлеченныя отъ эмпирическихъ данныхъ чувственности; они вообще не даны намъ извнѣ. Все эмпирическое и внѣшнее имѣетъ для нашей мысли случайный и частный характеръ, между тѣмъ, всякій нашъ опытъ заранѣе предполагаетъ пространство и время и безъ нихъ превратился бы въ ничто. Это въ самомъ существѣ нашего разума коренящіяся интуиціи, безъ которыхъ мы не можемъ отличить одного состоянія нашего сознанія отъ другого, внѣшнихъ вещей отъ себя самихъ. Это общіе устои чувственного воспріятія, это необходимые и универсальные факты, на которыхъ основывается математика съ ея абсолютною достовѣрностію. А вѣдь это все значить, что они суть апріорныя формы нашихъ воспріятій и привносятся въ опытъ субъектомъ, оказываются его чистыми и самобытными актами. Пространство и время являются формами чистой чувственности¹⁾.

Аналогичныя соображенія приходится высказать и относительно объективныхъ категорій или самыхъ общихъ опре-

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“. Кн. III, 176—177 ст.

дѣлений опыта: *реальность* вещей, ихъ *множество*, ихъ *причинность* и проч. суть универсальныя и необходимыя *понятія*, безъ которыхъ нѣтъ природы, нѣтъ объективнаго міра, нѣтъ опыта. Эти *понятія* обусловливаютъ а ригоріи опытъ и природу какъ она дана намъ, и они не могли бы быть отвлечены нами отъ опыта, если бы не были заранѣе вложены въ него изнутри, трансцендентальною, т.-е. предшествующею всякому опыту, дѣятельностию сознанія. Но это не есть наше индивидуальное, эмпирическое сознаніе. Эмпирическая индивидуальность, сознательное человѣческое я, зависитъ отъ природы, опредѣляется ею, почерпаетъ свое содержаніе изъ внѣшняго опыта. Остается допустить трансцендентальный субъектъ, трансцендентальныя дѣятельности чистаго я, отличнаго отъ всякой дѣйствительной индивидуальности. Черезъ такое допущеніе эмпирической идеализмъ замѣняется трансцендентальнымъ.

„Внѣ сознанія нѣтъ ничего. Вещи внѣ сознанія, вещи въ себѣ, суть лишь понятія разума. Реальность, общность, причинность, единство и т. д.—все это лишь разсудочныя понятія или „категоріи“, которыя приложимы лишь къ явленіямъ, т.-е. къ имманентному міру сознанія, къ міру человѣческаго опыта. Всякое „трансцендентное“ употребленіе этихъ категорій, т.-е. всякое приложеніе ихъ къ чему либо, лежащему внѣ нашего сознанія, является вполнѣ незаконнымъ“ ¹⁾. Отправляясь отъ этихъ мыслей Канта, его нѣкоторые видные послѣдователи пришли къ отвлеченному идеализму. Они стали учить, что нѣтъ вещей въ себѣ, что все существуетъ лишь настолько, насколько оно дано или вызвано разумомъ. Имъ казалось, что весь дѣйствительный міръ, не только по своимъ общимъ формамъ, но и по своему конкретному содержанію, всецѣло обусловленъ дѣятельностию „чистаго разума“, т.-е. нашего трансцендентальнаго субъекта. То, что въ насъ мыслить, есть внутренній создатель міра. Такъ смотрѣли на дѣйствитель-

1) „Вопр. Фил. и Псих.“. Кн. III, 178 ст.

ность Фихте, Шеллингъ и Гегель и старались растолковать ее всю сполна съ этой точки зрѣнія.

Но самъ Кантъ не пошелъ этимъ путемъ. Онъ сознавалъ практическую необходимость „вещей въ себѣ“. Познаніе невозможно безъ чистыхъ формъ разсудка и чувственности; но оно также невозможно безъ содержанія. Если бы мы даже были въ состояніи построить вселенную изъ чистыхъ формъ разума, одинъ фактъ, что она *есть*, а не мыслится только, какъ отвлеченная возможность, никакъ не можетъ быть предметомъ познанія *a priori*. Подобнымъ образомъ въ каждомъ опытѣ мы находимъ нѣчто ирраціональное, эмпирическое, индивидуальное, нѣчто такое, что познается въ сознаніи, но никоимъ образомъ не можетъ быть сведено только къ сознанію. Отсюда проистекаетъ двойственное отношеніе Канта къ „вещи въ себѣ“: съ одной стороны она превращается всецѣло, въ „идею разума“, съ другой—она остается ирраціональнымъ источникомъ всѣхъ нашихъ эмпирическихъ познаній, непостижимою причиною всего нашего опыта ¹⁾.

Противорѣчіе, заключавшееся въ понятіи о „вещи въ себѣ“, повлекло множество другихъ, присущихъ, какъ собственной системѣ Канта, такъ и послѣдующимъ ученіямъ, вытекавшимъ изъ нея. Для самого Канта непосредственнымъ результатомъ критики чистаго разума является невозможность метафизики. Чистый разумъ не можетъ изъ самого себя познавать абсолютную реальность, внѣшнюю ему; вся метафизика лжива, вся она обусловлена приложеніемъ понятій, годныхъ только для сферы нашего опыта и нашего сознанія, къ тому, что находится за предѣлами всякаго возможнаго опыта и внѣ всякаго сознанія. Нѣтъ объекта безъ субъекта, нѣтъ идеи безъ сознанія. Мы можемъ предполагать какую-то „вещь въ себѣ“, неизвѣстное что-то за предѣлами возможнаго сознанія; но мы никакъ не въ правѣ утверждать, чтобы это нѣчто было чѣмъ-либо идеальнымъ.

¹⁾ „Вопр. Филос. и Псих.“. Кн. III, 179—180 ст.

А это значитъ, что мы не можемъ предполагать никакого соотвѣтствія между нашими идеальными представленіями о Богѣ, душѣ и вселенной съ подлинными вещами въ себѣ. Все идеальное по необходимости субъективно, потому что нѣтъ сознанія, кромѣ субъективнаго ¹⁾).

Основное противорѣчіе Канта отразилось на всемъ развитіи послѣдующей философіи. Изъ идеализма Канта вытекли два противоположныхъ другъ другу теченія: абсолютный рационализмъ, завершившійся въ Гегелѣ, и философія ирраціональнаго, безсознательнаго (Шеллингъ второго періода, Шопенгауэръ, Гартманъ). „Гегель призналъ все существующее разумнымъ, Шопенгауэръ—противоразумнымъ. Гегель видитъ во всемъ существующемъ развитіе абсолютной категоріи—понятія всѣхъ понятій, Шопенгауэръ—безумное, слѣпое самоутвержденіе, къ которому только и сводится всякая реальность. Гегель провозгласилъ истиной существующаго—чистую мысль, при чемъ не могъ указать никакого реального мыслящаго субъекта, отличнаго отъ этой мысли. Шопенгауэръ, наоборотъ, усматривалъ въ основѣ вселенной—абсолютный субъектъ безъ мысли и сознанія, слѣпую безумную волю ²⁾“. Гартманъ пытался примирить оба принципа, объединивъ ихъ внѣшнимъ образомъ въ единой концепціи безсознательнаго духа. „Столь же грубымъ и внѣшнимъ образомъ допускаютъ основное противорѣчіе и тѣ современные „научные нѣмецкіе философы“, которые соединяютъ въ своемъ міросозерцаніи механической натурализмъ съ крайними выводами субъективнаго идеализма ³⁾“.

Изъ современныхъ направленій нѣмецкой философіи, кн. Трубцкой въ это время относился особенно отрицательно къ неокантизму. Онъ говоритъ: „Кантъ имѣетъ до сихъ поръ наибольшее, несмѣтное множество послѣдователей въ лицѣ неокантианцевъ, ученіе которыхъ всего болѣе преобладаетъ теперь въ университетахъ и на книжномъ рынкѣ.“

1) „Вопр. Филос. и Псих.“ Кн. III. 181—183 стр.

2) Тамъ же. Кн. III. 180—181 ст.

3) Тамъ же. Кн. III. 181 ст.

Это метафизика эмпиризма, трансцендентальный скептицизм съ весьма характерными особенностями. Во многих отношеніяхъ, это ученіе глубоко отличается отъ философіи Канта. Ибо если первоначальное ученіе Канта заключало въ себѣ зародышъ всѣхъ послѣдующихъ философскихъ построений, то неокантизмъ есть кантизмъ безъ Канта, выхолощенный критицизмъ, отъ котораго удалены всѣ живые, плодотворные побѣги. Возвращеніе къ Канту знаменуетъ здѣсь отрицаніе всѣхъ ученій, вытекшихъ изъ Канта, а слѣдовательно и всѣхъ плодотворныхъ метафизическихъ элементовъ, которыми была переполнена его философія“ 1).

Нѣтъ сознанія, кромѣ субъективнаго, и все идеальное дано лишь въ немъ и для него, въ этомъ заключается принципъ *субъективнаго идеализма*. Въ немъ-то и лежитъ внутренняя граница философіи Канта, да и всего нѣмецкаго идеализма. Если никакого сознанія, кромѣ субъективнаго (т.-е. личнаго, индивидуальнаго, человѣческаго или человѣкообразнаго) нѣтъ, то все, что предшествуетъ субъективному сознанію и обосновываетъ его, тѣмъ самымъ должно быть *безсознательнымъ*. Отсюда раннее и разнообразное развитіе въ нѣмецкомъ идеализмѣ ученія о безсознательномъ вообще,—отсюда, въ частности, свойственная ему идея о безсознательности абсолютнаго начала вещей. И, наконецъ, съ этимъ связывается еще отъ нѣмецкихъ мистиковъ идущее странное возрѣніе, которое можно прослѣдить въ наиболѣе вдохновенныхъ твореніяхъ германской философіи: исторія міра и человѣчества разсматривается, какъ *теогоническій процессъ*, какъ постепенный переходъ въ самомъ Божествѣ отъ безсознательности къ свѣту сознанія; „безсознательный, темный абсолютъ нѣмецкой философіи становится самосознательнымъ лишь въ исторіи и вседовольнымъ лишь по ея завершеніи: лишь тогда, по истеченіи исторіи *будетъ Богъ*“ 2). Богъ сознаетъ себя лишь въ тваряхъ, лишь въ че-

1) „Вопр. Фил. и Псих.“. Кн. III. 167—168 ст.

2) Тамъ же. Кн. III. 190 ст.

ловѣкъ: до созданія міра и конечнаго духа, онъ не вѣдалъ себя и не былъ Богомъ; мое сознаніе о Богѣ есть сознаніе Бога о себѣ самомъ. Эта мысль о постепенномъ рожденіи и самосознаніи Бога въ міровомъ процессѣ лежитъ въ основаніи положительной философіи Шеллинга и получаетъ еще болѣе рѣзкую форму въ системахъ Фихте и Гегеля ¹⁾).

По мнѣнію кн. С. Н. Трубецкого, это воззрѣніе, проходящее сквозь всю нѣмецкую философію, есть, можетъ быть, самое глубокомысленное и вмѣстѣ самое ложное, что мы въ ней находимъ. Понятіе постепеннаго развитія въ приложеніи къ абсолютному есть явно ложное понятіе. Абсолютное развивающееся, не достигшее цѣли, только становящееся абсолютнымъ, но еще не ставшее имъ, тѣмъ самымъ не есть абсолютное. Если существуетъ такое недошедшее абсолютное, то это мыслимо лишь при томъ предположеніи, что ранѣе того существуетъ настоящее абсолютное, заверщенное въ себѣ, дѣйствительно отвѣчающее своей природѣ. Это себѣ довлѣющее вѣчное абсолютное есть и начало, и цѣль всякаго развитія всего другого. Здѣсь мы приходимъ къ ученію великаго Аристотеля: всему возможному, еще не дошедшему до своего конца, еще недошедшему до своей предѣльной формы, противозлежитъ вѣчная идеальная дѣйствительность или *энерія*, вѣчно-достигнутая цѣль. Поэтому наряду съ полусознательнымъ, развивающимся богомъ, силящимся познать добро и зло, стоитъ вѣчное актуальное сознаніе, въ которомъ лежитъ норма и критерій всякаго возможнаго сознанія. „Безъ такого вселенскаго сознанія, внутренне обосновывающаго всякое ограниченное, возможное сознаніе, нельзя понять морфологическаго единства душевной организаци. Безъ такого вселенскаго сознанія, обосновывающаго отдѣльныя сознанія и организующаго ихъ—отдѣльный умъ не обладалъ бы самою возможностью истиннаго, логическаго знанія“ ²⁾).

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. III. 190—191 ст.

²⁾ Тамъ же. Кн. III. 192 ст.

Вопросы философіи, кн. 81.

Этими соображеніями дается уже ключъ къ теоріи *много-единичности*, идеальной коллективности, или *соборности* чело-вѣческаго сознанія. Кн. С. Н. Трубецкой думаетъ, что западно-европейскіе мыслители, провозгласивъ исключительную личность чело-вѣческаго сознанія, впали въ роковое заблужденіе, послѣдствія котораго отражаются на всей новой философіи. Фактически исходной точкой каждой философіи никогда не является ни личный опытъ, всегда частный и весьма ограниченный, ни отвлеченное личное разумѣніе,—мысль, свободная отъ всякихъ предположеній и традицій. Есть такія традиции, отрѣшиться отъ которыхъ значить отказаться отъ опыта и умозрѣнія и впасть въ идиотизмъ и афазію. „Одинъ языкъ, на которомъ я мыслю, есть живая конкретная традиція, точно также, какъ цѣлый рядъ понятій, терминовъ, умственныхъ навыковъ и приемовъ, частью унаслѣдованныхъ мною органически, частью же воспитанныхъ во мнѣ людьми. Далѣе, и опытъ и умозрѣніе предполагаютъ, что имѣютъ дѣло съ реальными фактами, имѣющими общія свойства и общее значеніе... Какъ чело-вѣкъ въ своемъ личномъ сознаніи могъ бы это знать и быть увѣренъ въ такой объективной универсальности? Какъ могъ бы онъ распространять итогъ своихъ личныхъ опытовъ за ихъ ограниченные предѣлы?“ Его побуждаетъ къ этому общее, всечело-вѣческое сознаніе, которое живетъ и въ немъ, и которое вызываетъ въ немъ непосредственное согласіе съ собой. Въ каждомъ изъ насъ есть этотъ *sensus communis*—тотъ смыслъ, показанія котораго непогрѣшимы для меня и для всѣхъ, потому что онъ есть свидѣтельство всѣхъ въ совокупности 1).

„Критерій философіи не есть личное сознаніе; никто себѣ не судья, но каждый судится другими: философскія системы судятся исторіей, т.-е. другими послѣдующими мыслителями, которые провѣряютъ *логичность* этихъ ученій и сопоставляютъ ихъ съ положительными фактами“ 2). И то, что

1) „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. I. 96—97 ст. и 100 ст.

2) Тамъ же. Кн. I. 97 ст.

относится къ философіи, можно сказать о каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ. Достигнувъ зрѣлости, сознательная личность живетъ самостоятельно и какъ бы независимо отъ другихъ. На самомъ дѣлѣ, въ совокупности другихъ сознаний она имѣетъ естественную норму и законъ своей дѣятельности.

Поэтому приходится сказать такъ: сознание человѣка не можетъ быть объяснено ни какъ личное эмпирическое отправление, ни какъ продуктъ универсальнаго, родового безсознательнаго начала: въ обоихъ случаяхъ мы приходимъ къ субъективному идеализму,—все равно, эмпирическому или метафизическому. Сознаніе невысказано и необъяснимо безъ сознанія, оно предполагаетъ себя самого: личное сознаніе предполагаетъ сознаніе общее, коллективное; въ свою очередь коллективное сознаніе, какъ свою окончательную опору, предполагаетъ сознаніе абсолютное, вселенскій разумъ, отъ котораго исходитъ всякая разумность на свѣтѣ и который собираетъ и объединяетъ общими связями всѣ отдѣльные умы ¹⁾.

Дальнѣйшее содержаніе статьи „О природѣ человѣческаго сознанія“ представляетъ всестороннее и очень тонкое психологическое и этико-соціологическое обоснованіе этихъ общихъ положеній. Кн. С. Н. Трубецкой прежде всего разсматриваетъ природу сознанія съ чисто-эмпирической точки зрѣнія въ его связи съ прогрессивно-развивающимися явленіями жизни. Сознаніе въ своей элементарной формѣ—чувственности—предшествуетъ не только развитію нервной системы, но и первичнымъ организмамъ. Раздражительность и чувствительность суть всеобщія, первоначальныя и, такъ сказать, стихійныя свойства живой протоплазмы, этой первоматери всего органическаго міра. Съ возникновеніемъ и развитіемъ органической индивидуальности, неопредѣленная органическая чувственность также растетъ, развивается, усложняется; но первичный базисъ ея—общая органическая матерія,

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. I. 98. VI. 184 ст.

не имѣть въ себѣ ничего индивидуальнаго. Это стихійный родовой процессъ, на почвѣ котораго возможны всякія индивидуальныя образованія. И какъ всякій организмъ есть продолженіе другого организма, всякая жизнь — продолженіе предшествующей жизни, такъ точно и сознание, чувственность индивидуальнаго существа: „она не есть нѣчто абсолютно новое, но является также продолженіемъ предшествовавшей, общеорганической чувствительности въ той спеціальной ея разновидности, которая присуща виду даннаго организма. Чувственность не рождается, а продолжается, какъ жизнь протоплазмы. Сознание, какъ и жизнь, есть отъ начала родовой, наслѣдственный процессъ“ ¹⁾. Низшіе организмы обладаютъ столь незначительной степенью индивидуализаціи, что между родомъ и видомъ и между отдѣльными индивидами не существуетъ опредѣленной границы. Жизнь цѣлаго еще не обладаетъ устойчивымъ единствомъ. Мы можемъ рѣзать и рвать на части иныхъ моллюсковъ, червей, глистовъ, не убивая индивидуальной жизни и чувственности этихъ отдѣльныхъ частей. Разсматривая составныя части низшихъ организмовъ, изслѣдователь нерѣдко бываетъ не въ состояніи опредѣлить, имѣетъ ли онъ дѣло съ индивидомъ, состоящимъ изъ многихъ органовъ, или съ колоніей индивидовъ, внѣшнимъ образомъ припаянныхъ другъ къ другу. Въ развитомъ высшемъ животномъ, наоборотъ, всѣ отдѣльные органы и части координированы между собою и въ значительной степени подчинены контролю центральныхъ органовъ. Всѣ элементарныя жизни, элементарныя сознанія впадаютъ въ одну общую жизнь и сознание, въ одну общую индивидуальность. Соотвѣтственно этому и нервная система высшаго животнаго представляетъ въ своемъ развитіи ту же картину постоянно возрастающаго усложненія и централизаціи ²⁾. Однако, такая централизація и индивидуализація не только

1) „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. VI. 136—138 ст.

2) Тамъ же. Кн. VI. 136—140 ст.

въ высшихъ животныхъ, но и въ человѣкѣ только относительно. Она вовсе не уничтожаетъ изначальной многоединичности и коллективности сознанія. Животныя съ вырѣзанными мозговыми полушаріями проявляютъ извѣстную, хотя и уменьшенную степень сознанія и отчетливо выполняютъ автоматическія движенія: въ этомъ случаѣ въ нихъ дѣйствуютъ низшіе нервныя центры. Съ другой стороны, относительно человѣка, гипнотическіе опыты съ особою яркостію выяснили собирательный характеръ его психической дѣятельности: они открыли существованіе многихъ памятей, многихъ сознающихъ центровъ въ психофизической организациіи человѣка и показали съ какой энергіей высказывается скрытая многоединичность человѣческаго сознанія ¹⁾).

Такимъ образомъ жизнь и сознаніе индивида представляются намъ коллективными функціями. Но индивидъ высшаго порядка не только въ себѣ обнимаетъ неограниченное множество низшихъ индивидуальностей, онъ и самъ является органическимъ членомъ нѣкотораго собирательнаго цѣлаго, образуемаго его *видомъ* или *родомъ*. Въ животномъ царствѣ родъ деспотическій властвуетъ надъ индивидомъ. По этому поводу кн. С. Н. Трубецкой тонко и остроумно характеризуетъ явленія инстинкта, ссылаясь при этомъ на Дарвина, Гартмана, Роменса, Брэма, Перье и др. Онъ приходитъ къ такому выводу: психологически самые основные инстинкты совершенно непонятны, если разсматривать сознаніе животнаго, какъ нѣчто индивидуальное. Непонятно, напримѣръ, почему самецъ узнаетъ самку, почему, вообще, животное узнаетъ другихъ представителей своего вида, заботится о своемъ потомствѣ, яйцахъ, личинкахъ? Тутъ мы имѣемъ своеобразное расширение сознанія, при которомъ границы индивидуальности, времени и пространства какъ бы отодвигаются, и животное отождествляетъ свои интересы съ интересами вида. Сознаніе животнаго смутно отражаетъ въ себѣ

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. VI. 141 ст.

родовое сознание и превращается въ психологическое представление рода. „Предшествовавшая жизнь рода какъ-бы воскресаетъ въ душѣ животнаго, навязываетъ ему общіе итоги своей мудрости, своего вѣковѣчнаго опыта—и животное обнаруживаетъ свое инстинктивное ясновидѣніе, ту загадочную прозорливость, которая насъ изумляетъ“¹⁾.

Аналогичныя замѣчанія можно сдѣлать объ отношеніи человѣческой личности къ тому обществу, среди котораго она живетъ. Историческая личность есть продуктъ своего общества; она воплощаетъ, сосредоточиваетъ въ себѣ его стремленія, и поэтому можетъ сознать ихъ лучше, чѣмъ другія, и найти пути къ разрѣшенію назрѣвшихъ историческихъ задачъ. Въ той или другой формѣ личность представляетъ свое общество и свою эпоху. Этимъ не отрицается роль личности въ исторіи: въ извѣстномъ смыслѣ все совершается въ исторіи личностью и черезъ личность. Однако, значеніе личности коренится именно въ томъ, что она способна *представлять* общіе интересы и идеи и управлять людьми во имя общихъ началъ²⁾. Приходится сказать и еще больше: личность имѣетъ безусловное достоинство помимо того общества, которое она представляетъ. Личность можетъ и должна вносить нѣчто безусловное въ свое общество—свою свободу, безъ которой нѣтъ ни права, ни власти, ни познанія, ни творчества. Помимо своихъ частныхъ вѣрованій и своихъ временныхъ и мѣстныхъ идеаловъ, человекъ долженъ въ общеродовыхъ формахъ своего сознания вмѣщать безусловное содержаніе, высшій вселенскій идеаль. „Безъ усвоенія этого объективнаго идеала никакое развитіе немислимо вовсе. Но идеаль не можетъ быть *усвоенъ* безъ личнаго свободнаго усилія“³⁾.

Трудно и медленно зарождалась человѣческая личность въ міровомъ процессѣ и туго развивалось ея самосознаніе, а вмѣстѣ съ ея развитіемъ пробуждается сознание корен-

1) „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. VI. 146 ст.

2) Тамъ же. Кн. VI. 150—152.

3) Тамъ же. Кн. VI. 153 ст.

ного внутренняго противорѣчія жизни—противорѣчіе между личностію и родомъ, свободой п природой. Индивиды переходящи, одинъ родъ пребываетъ; но родъ внѣ индивидовъ только призрачная отвлеченность. Люди умирають, чело-вѣчество безсмертно; нѣтъ ничего реальнѣе чело-вѣчества. И въ то же время нѣтъ ничего идеальнѣе: чело-вѣчество, какъ дѣйствительный организмъ, не существуетъ вовсе. „Оно не составляетъ не только одного тѣла, но даже одного солидарнаго общества. Только отдѣльные люди суть реальные организмы; но эти „реальные существа“ всѣ переходящи и смертны, не обладая пребывающей дѣйствительностію“. Можетъ ли чело-вѣчество стать такимъ же реальнымъ организмомъ, какъ одинъ чело-вѣкъ? И могутъ ли отдѣльные индивиды, составляющіе чело-вѣчество, получить въ немъ безсмертіе? Пока это не совершится, противорѣчіе останется; но самъ по себѣ чело-вѣкъ не можетъ его примирить, и если когда-нибудь онъ искалъ этого примиренія, то только на практически религіозной почвѣ, въ томъ или другомъ церковномъ или *биоочеловѣческомъ* организмѣ ¹⁾).

Установивъ такимъ образомъ, путемъ внѣшняго наблюденія надъ физиологическою и соціальною жизнью, органическую связь индивидуальныхъ сферъ сознанія или то, что кн. С. Н. Тру-бецкой называлъ ихъ „взаимною проницаемостію“, онъ потомъ переходитъ къ внутреннему психологическому анализу, чтобы установить родовыя начала, связующія отдѣль-ныя сознанія между собою, и универсальныя формы, въ ко-торыхъ осуществляется абсолютное идеальное сознаніе, со-ставляющее корень всѣхъ индивидуальныхъ сознаній. Онъ старается доказать, что все субъективное и личное въ насъ, во всѣхъ областяхъ нашей душевной жизни, вырастаетъ на родовой, безличной и коллективной основѣ. Онъ пока-зываетъ это прежде всего на нашемъ чувственномъ воспріятіи вещей: всѣмъ чувственнымъ свойствамъ предметовъ—ихъ окраскѣ, твердости, пахучести, звучности и т. д. мы

1) „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. VI. 155—156 ст.

безотчетно приписываемъ совершенную реальность и не можемъ представить себѣ, чтобы эти свойства зависѣли исключительно отъ нашей субъективной, индивидуальной чувственности, отъ нашихъ глазъ и ушей. Если теперь мы понимаемъ, что все чувственное предполагаетъ нѣчто чувствующее, то ясно, что чувственность, обуславливающая вещественный міръ, не можетъ быть субъективной: признавая объективную дѣйствительность вещественнаго міра, мы должны предположить всеобщую, антропоморфную чувственность *до человека*. „Общія, основныя качества, чувственные свойства вещей—эти стихіи, изъ которыхъ сотканъ міръ, соотвѣтствуютъ основнымъ видамъ чувствованій, элементамъ чувственности. Чувственная вселенная, поскольку мы признаемъ ея объективность, предполагаетъ вселенскую чувственность, съ которой связана наша индивидуальная чувственность“¹⁾. Несомнѣнно—это одно изъ очень оригинальныхъ и интересныхъ положеній въ рассматриваемой статьѣ, къ сожалѣнію очень мало развитое авторомъ.

Далѣе онъ старается выдвинуть родовой характеръ нашего сознанія въ воспріятіи отдѣльныхъ элементовъ нашей чувственности и доказываетъ, что чувства звука, цвѣта и т. д. врождены намъ вмѣстѣ съ ихъ органами и какъ-бы спятъ въ нашей чувственности до ея пробужденія внѣшними впечатлѣніями, оправдывая въ этомъ отношеніи взглядъ Платона на познаніе, какъ на воспоминаніе. Переходя затѣмъ къ явленіямъ памяти въ собственномъ смыслѣ, кн. С. Н. Трубецкой указываетъ на ея тѣсную связь съ самыми общими и основными органическими процессами, общими всей живой природѣ²⁾. Рассматривая потомъ явленія воображенія, онъ въ рядѣ весьма тонкихъ соображеній старается подчеркнуть его произвольный, безличный и коллективный, въ смыслѣ одновременнаго участія разнообразныхъ центровъ нашей психики, характеръ³⁾. Наконецъ, онъ обра-

1) „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. VII. 23 ст.

2) Тамъ же. Кн. VII. 27—28 ст.

3) Тамъ же. Кн. VII. 28—30.

шается къ важному вопросу объ индивидуальности и субъективности сознанія вообще: лично ли сознаніе, индивидуально ли оно или всякая индивидуальность и личность есть лишь производный продуктъ, постепенно возникающій на почвѣ, въ которой нѣтъ ничего субъективнаго и личнаго? Психологическіе опыты несомнѣнно склоняютъ насъ къ послѣднему рѣшенію. Психологическія наблюденія показываютъ намъ, какъ условны человѣческія представленія о собственной личности, какъ они измѣнчивы, какъ глубоко зависятъ отъ физиологическихъ условій; иногда личность совсѣмъ забывается, хотя сознаніе остается, иногда, подъ вліяніемъ болѣзненныхъ причинъ, она удваивается, утраивается и учетверяется. Какъ помирить эти факты съ предполагаемою изначальною единоличностію сознанія ¹⁾? Самое слово „личность“ имѣетъ весьма разнообразныя значенія: личностью мы называемъ индивидуальность человѣка, какъ она является чужому наблюденію, и личностью мы называемъ ту же индивидуальность, какъ она является собственному наблюденію; подъ личностію мы разумѣемъ свое *я*, какъ необходимый субъектъ сознанія, всегда тождественный себѣ, обуславливающій единство сознанія, и подъ личностію мы понимаемъ свою душу, какъ невидимую реальную субстанцію нашей внутренней жизни.

Воспринимаемъ ли мы свою душу? Очевидно, она не можетъ быть тѣмъ, что мы знаемъ о себѣ и чувствуемъ. Она не можетъ быть только субъектомъ сознанія, потому что она существуетъ и тогда, когда мы ничего не мыслимъ и даже временно совсѣмъ теряемъ сознаніе. Тѣмъ не менѣе существованіе нѣкотораго реального субъекта воли и сознанія имѣетъ для насъ высшую субъективную достовѣрность: для каждаго изъ насъ наше собственное *я*, собственное существо, вѣрнѣе всего. Мнѣ невозможно представить, чтобы мое *я* не существовало, или чтобы оно когда-нибудь уничтожилось. Значитъ-ли это, что мы имѣемъ о своемъ

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. VII. 31—33 ст.

существо объективное, общеобязательное знание? Нѣтъ, эта достовѣрность только субъективна, мы имѣемъ о себѣ чисто субъективную идею. Къ душѣ нельзя подойти съ объективнымъ изслѣдованіемъ: единственныя объективныя психическія явленія, подлежащія научному изслѣдованію, суть психо-физическія явленія, но на самомъ дѣлѣ психо-физика изучаетъ вовсе не душу, а только физическія явленія, связанныя съ психическими процессами. Гдѣ же и при какихъ условіяхъ духъ можетъ имѣть объективную, универсальную дѣйствительность?

Самыя понятія личности и души даютъ нѣкоторыя указанія на отвѣтъ. Понятіе личности есть прежде всего нравственно-юридическое понятіе; понятіе о душѣ есть первоначальное религіозное представленіе, развившееся подъ вліяніемъ религіозной жизни народовъ. Человѣческая личность есть цѣль въ себѣ,—таково основное предположеніе нравственнаго сознанія,—а стало быть и наши ближніе должны быть не средствомъ, а цѣлью сами по себѣ, и съ другой стороны мы сами можемъ требовать отъ другихъ признанія нашего законнаго права и нашего личнаго достоинства. Это значить, что только въ обществѣ человѣкъ становится объективно-признанною, самостоятельною личностью. Человѣческой духъ объективенъ лишь въ обществѣ, въ единеніи съ разумными существами, тамъ, гдѣ онъ существуетъ истинно, не только въ себѣ и для себя, но и въ другихъ и для другихъ, и гдѣ другіе существуютъ въ немъ и для него, такъ же, какъ онъ самъ. Мое я можетъ быть объективно вполнѣ лишь въ сознаніи всѣхъ. Этимъ бросается новый свѣтъ на вопросъ: индивидуально-ли сознаніе или оно соборно? Если оно индивидуально, оно не можетъ имѣть никакой объективности, никакого универсальнаго значенія и существованія; если сознаніе—субъективное явленіе, то душа только субъективная идея. Если, напротивъ, сознаніе человѣка по существу своему соборно, то и его субъективное я можетъ обладать всеобщимъ, объективнымъ бытіемъ въ этомъ соборномъ сознаніи. Другими словами: инди-

видуалистическая психологія и субъективный идеализм ведутъ къ отрицанію индивидуальной души, наоборотъ *метафизическій социализмъ*, признаніе соборности сознанія обосновываетъ нашу вѣру въ нее ¹⁾.

Сверхличный, родовой, соборный характеръ сознанія можно считать установленнымъ. Какъ вытекаетъ изъ него логическая достовѣрность нашихъ познавательныхъ процессовъ? Доступна-ли намъ объективная истина и почему она намъ доступна? Ключъ къ отвѣту на этотъ вопросъ лежитъ уже въ томъ фактѣ, что человѣческое сознаніе не есть только субъективная, чисто-индивидуальная функція. Почему мы можемъ познавать реальность и причинность вещей? Потому что ни реальность, ни причинность не суть только наши субъективные представленія. Конечно, мы мыслимъ и представляемъ чужую реальность; но существенный признакъ всякихъ нашихъ понятій о реальности заключается въ признаніи ея независимости отъ всякихъ нашихъ представленій и мыслей. Представленіе есть лишь замѣна для моего сознанія представляемаго предмета; но реальность есть нѣчто незамѣнимое,—представленіе можетъ къ ней относиться, но она не можетъ сама превратиться въ представленіе. Поэтому, строго говоря, реальность не можетъ быть представлена, она можетъ быть только *сознана*. Именно такъ я сознаю себя, свое собственное существованіе. Но такъ же непоколебимо я сознаю и то, что есть нѣчто и кромѣ меня, есть вселенная, есть вещи и существа, совершенно отъ меня независія. Въ сущности, реальность окружающаго міра я сознаю даже раньше, чѣмъ получу ясное сознаніе о себѣ, какъ независимой и самобытной личности. Какъ же это возможно? Это пріобрѣтаетъ смыслъ только въ свѣтѣ истины и внутренней соборности нашего сознанія. Наше сознаніе вовсе не погружено въ себя и не отдѣляется отъ внѣшней дѣйствительности непроходимыми гранями; я сознаю чужую реальность такъ же, какъ собственную. Пускай

1) „Вопр. Фил. и Псих.“ VII, 33—37 ст.

это сознание не полно и ограничено моей субъективной и ограниченной точкой зрѣнія; все же я не только знаю реальность вещей, какъ внѣшнюю, я *со-знаю* ее вмѣстѣ съ нею, я *имѣю въ себѣ ея собственное возможное сознание*¹⁾. Мое сознание есть цѣлое, въ которомъ совершенно реально дано не только мое я, но и огромный міръ *не-я*.

Вполнѣ сходныя замѣчанія можно сдѣлать и о причинности вещей. Вѣдь, внѣшняя дѣйствительность только и раскрывается намъ черезъ свою причинность, черезъ свое непрерывное дѣйствіе на насъ. И сознание причинности состоитъ въ томъ, что мы за воспринимаемыми нами дѣйствіями предполагаемъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ или неизвѣстныхъ дѣятелей. Въ детальной оцѣнкѣ ихъ природы мы можемъ очень ошибаться и постоянно ошибаемся; это нисколько не устраняетъ абсолютной необходимости изъ общаго предположенія. Откуда же вытекаетъ такая необходимость? Отвѣтъ долженъ быть тотъ же, какъ и о реальности вещей: сознание причинности есть *коренное*, а не производное. Я сознаю не только свои, но и чужія дѣйствія, именно, какъ дѣйствія. А черезъ это я непосредственно сознаю, не только себя, но и внѣшнія мнѣ существа, какъ *дѣятелей*. Въ дѣйствительности я могу понимать внѣшнія событія столь же жизненно, какъ свои собственные. Я могу сочувствовать другимъ существамъ, даже любить ихъ больше себя²⁾.

Въ этомъ заключается естественный переходъ къ рѣшенію нравственной проблемы: если человѣкъ сознаетъ непосредственно реальность и дѣйственность тѣхъ существъ, съ которыми онъ вступаетъ въ общеніе, онъ тѣмъ самымъ солидаренъ съ ними; между тѣмъ любовь, лежащая въ основѣ всѣхъ нравственныхъ настроеній и поступковъ, есть только дѣятельное осуществленіе этой солидарности. Прежде чѣмъ стать сознательной и простираться на всѣхъ людей, чело-

1) „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. VII, 38—40 стр.

2) Тамъ же. Кн. VII, 41—44 ст.

вѣческая любовь имѣетъ инстинктивный и родовой характеръ. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ общественный кругозоръ человѣка расширяется, онъ *сознаетъ* общее значеніе нравственнаго добра: онъ видитъ въ любви свой *долгъ*, понимаетъ ее какъ всеобщій *законъ* и признаетъ, какъ *заповѣдь* надъ собою. Это не кантовскій формальный и абстрактный императивъ, это живой и конкретный законъ нашего отношенія къ живому человечеству и живому духовному міру.

„Нравственный законъ, въ одно и то же время внутренне присущій человѣку и внѣшній ему, живетъ въ человѣкѣ и судить его. И чѣмъ глубже входитъ человѣкъ въ свою совѣсть, тѣмъ больше проникается онъ благоговѣніемъ передъ идеальнымъ содержаніемъ этого закона и сознаетъ все свое несоотвѣтствіе, все свое противорѣчіе съ нимъ— во всякомъ дѣлѣ, внѣшнемъ или внутреннемъ, во всякомъ отношеніи. Онъ не можетъ уйти отъ закона, удовлетворить ему какимъ бы то ни было подвигомъ. И чѣмъ глубже сознаетъ человѣкъ зло своей природы, тѣмъ сильнѣй въ немъ потребность къ оправданію, искупленію и примиренію съ высшей правдой. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознаетъ, что конечнаго примиренія и оправданія онъ не можетъ достигнуть самъ собою, ибо онъ долженъ искать его лишь въ *совершенной любви*. Только совершенная любовь можетъ оправдать человѣка, — полнота всеобъемлющей любви. Но эта любовь, полная и совершенная, заключающая въ себѣ больше, чѣмъ все, не есть природный инстинктъ человѣка, или личный подвигъ его воли, а *благодать*, независимая отъ него и вмѣстѣ дающаяся ему“ ¹⁾. — „Если истинно вѣруешь въ совершенную любовь, то нельзя не любить на дѣлѣ: иначе вѣры нѣтъ. Совершенная Любовь есть единство всѣхъ въ одномъ, сознаніе всѣхъ въ себѣ и себя во всѣхъ. Но такая совершенная, божественная Любовь не можетъ быть осуществима въ какомъ-либо естественномъ человѣческомъ союзѣ: царство ея не отъ міра, она пред-

1) „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. VII, 54—55 стр.

полагаетъ *совершенное* общество, богочеловѣческой союзъ или *Церковь*.—Повѣривъ въ Любовь и въ ея искупленіе, мы должны любить вмѣстѣ съ нею. Сознавъ ея конечную цѣль, мы должны работать надъ этою цѣлью, достигаемою въ насъ,—надъ строеніемъ совершеннаго богочеловѣческаго общества“ 1).

Таково общее содержаніе статьи „О природѣ чело­вѣческаго сознанія“. Какъ могъ видѣть читатель, она представляетъ хотя и сжатый, но довольно полный набросокъ философскаго міросозерцанія кн. С. Н. Трубецкого, какъ оно сложилось въ началѣ его философскаго поприща; кромѣ того, въ ней обильно разсѣяны указанія на взгляды и мнѣнія автора по самымъ разнообразнымъ вопросамъ гносеологии, логики, психологии, біологіи, исторіи философіи и социологии. Въ ней уже получаютъ совершенно ясное выраженіе два основные пункта, въ которыхъ объединяются всѣ подробности его философской системы. Ихъ можно формулировать такъ: 1) Наше сознаніе не есть чисто субъективная, ни съ чѣмъ реальнымъ не соприкасающаяся, въ себя погруженная дѣятельность нашей души; напротивъ, нашъ духъ во всѣхъ познавательныхъ актахъ метафизически выходитъ изъ себя, возвышается надъ своей индивидуальностію и вступаетъ въ совершенно реальное взаимодействіе съ окружающимъ міромъ, воспринимая его въ его независимой отъ насъ дѣйствительности. 2) Нѣтъ объекта безъ субъекта, нѣтъ ничего чувственнаго безъ чувствующаго, нѣтъ ничего идеальнаго безъ сознанія, нѣтъ ничего логическаго безъ разума; поэтому, если существуетъ объективный, чувственный, подчиняющійся универсальнымъ законамъ міръ реальныхъ вещей, то тѣмъ самымъ, какъ его неизбѣжное условіе, долженъ имѣть вѣчную и полную дѣйствительность абсолютный разумъ, сознающій какъ себя, такъ и все другое, что причастно бытію, и должна существовать міровая душа, какъ внутренняя основа чувствен-

1) „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. VII, 55—56.

ныхъ свойствъ и чувственныхъ отношеній реальной вселенной; и наше индивидуальное сознание можетъ, въ такомъ случаѣ, лишь частично вмѣщать и отражать въ себѣ эти данныя всемірнаго разума и всемірной чувственности. Оба эти положенія тѣсно связаны между собою и въ значительной степени подразумѣваютъ одно другое. Трудно предполагать, что сознание реально воспринимаетъ внѣшнія ему вещи и даже утверждать объективность чувственныхъ качествъ наблюдаемой природы, если думать при этомъ, что внѣшняя дѣйствительность метафизически чужда познающему духу. И, наоборотъ, если видѣть въ мірѣ и его законахъ продуктъ духовной самодѣятельности единаго творческаго разума, а въ отдѣльныхъ сознанияхъ лишь частичную реализацію единой, всемірной, сознательной въ себѣ, духовной силы, то взаимное проникновеніе индивидуальныхъ сознаний между собою и ихъ реальное взаимодействие съ внѣшними вещами являются наиболѣе естественными предположеніями. Въ ученіи о реальности чувственнаго воспріятія и объективности чувственныхъ качествъ кн. С. Н. Трубецкой сблизается съ эмпириокритицистами и сторонниками имманентной философіи; хотя въ этомъ случаѣ можно говорить только о совпадении выводовъ: къ представителямъ названныхъ направлений кн. С. Н. Трубецкой относился совершенно отрицательно и не можетъ быть рѣчи о какомъ-нибудь прямомъ ихъ вліяніи на его мысль. Съ другой стороны, рѣшительно отказываясь отъ идеи о безсознательномъ абсолютѣ, который лишь постепенно приходитъ въ себя помощью человѣческихъ сознаний, и настаивая на всегдашней завершенности и вѣковѣчной сознательности во истину абсолютнаго духа, кн. С. Н. Трубецкой покидаетъ почву пантеистическаго идеализма нѣмецкой философіи и приходитъ къ своеобразному теистическому міропониманію, напоминающему античный идеализмъ Платона и Аристотеля.

Самъ кн. С. Н. Трубецкой былъ не совсѣмъ доволенъ своей статьей, по крайней мѣрѣ, въ томъ ея видѣ, какъ

онъ нансчиталъ ее. Онъ пишетъ въ это время своему брату кн. Е. Н. Трубецкому: „Въ сравненіи съ тѣмъ, что я долженъ былъ написать, даже съ тѣмъ, что я написалъ, моя статья скомкана ужасно... Поживемъ, разовью; помру—мое сѣмя и безъ меня выростеть, потому что оно, по правдѣ сказать, живое и здоровое, и я чувствую его растительную силу“. Въ особенности окончаніе статьи стоило ему трудовъ и далось ему мучительно. Тѣмъ не менѣе, онъ очень дорожилъ ею и относился къ ней, какъ къ любимому больному ребенку. Такое отношеніе понятно, если имѣть въ виду, что въ ней онъ впервые высказалъ самые задушевные свои взгляды, но въ то же время развилъ ихъ не въ той законченной полнотѣ, какъ бы ему хотѣлось. Въ самомъ понятіи соборности сознанія, въ которомъ кн. С. Н. Трубецкой положилъ ключъ къ рѣшенію всѣхъ проблемъ, заключалась извѣстная двусмысленность: отчасти оно обозначаетъ коллективность, отчасти субстанціальное единство сознаній, отчасти оно обозначаетъ только идеаль, еще подлежащій осуществленію, отчасти вполнѣ реальное свойство нашей душевной и умственной жизни. Всѣ эти значенія не достаточно различены и формулированы. Еще болѣе серьезный упрекъ можетъ вызвать попытка обратить соборность сознанія въ логическій критерій истины. У идеи „соборности“, какъ она поставлена у кн. С. Н. Трубецкого, никакъ нельзя отрицать глубокаго психологическаго и метафизическаго смысла, тѣмъ не менѣе едва-ли возможно обратить ее въ практическое мѣрило достовѣрности нашихъ отдѣльныхъ сужденій. Признавъ что-нибудь за истину, мы при этомъ, конечно, думаемъ, что *всѣ* умы при нормальныхъ условіяхъ должны признать ее; но все же изъ этого не слѣдуетъ, что мы потому только признаемъ ее, что ее признаютъ *всѣ* въ данную минуту: истина становится предметомъ нашей увѣренности прежде всего въ силу своего содержанія и въ силу своего соотвѣтствія съ требованіями мысли каждаго изъ насъ, хотя бы съ нами наши ближніе и не соглашались.

Если истина совсѣмъ недоступна для единоличнаго ума, вслѣдствіе его ограниченности и субъективности, какъ она можетъ быть открыта для личныхъ умовъ, взятыхъ вмѣстѣ ¹⁾? Эти недоумѣнія не находятъ себѣ законченнаго разрѣшенія въ разсматриваемой статьѣ.

Затрудненія, соединенныя съ понятіемъ соборности, вѣроятно, были причиною, почему это понятіе, первоначально занимавшее въ размышленіяхъ кн. С. Н. Трубецкого столь видное мѣсто, въ послѣдующихъ его философскихъ разсужденіяхъ совсѣмъ отстываетъ на второй планъ и даже вовсе перестаетъ упоминаться. Вопросъ для него постепенно переставился, — онъ выдвинулъ проблему о внутреннихъ условіяхъ познаваемости истины для всякаго сознанія вообще, все равно, выражается ли оно въ коллективной или въ личной формѣ. Этотъ вопросъ получилъ глубоко обдуманное и оригинальное рѣшеніе въ статьѣ „Основанія идеализма“, очень внимательно и талантливо обработанной. Кн. С. Н. Трубецкой говаривалъ о ней, что она принадлежитъ къ числу немногихъ его статей, которыя онъ самъ перечитывалъ съ удовольствіемъ.

III.

Статья „Основанія идеализма“ начинается съ указанія на то крушеніе, которое претерпѣлъ умозрительный идеализмъ нѣмецкой философіи во второй половинѣ XIX вѣка. Долго казалось, что въ глубинѣ человѣческаго духа, въ томъ „міровомъ узлѣ“, въ которомъ связывается мышленіе и бытіе, идеальное и реальное, субъективное и объективное, найденъ окончательный ключъ къ рѣшенію основныхъ проблемъ теоретической и практической философіи. Но потомъ настала рѣзкая реакція: умозрѣніе уступило мѣсто позитивизму, скептицизму, матеріализму. Всѣ взгляды и на познаніе и на природу, и на человѣка радикально измѣни-

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“ 90—10 стр.

Вопросы философіи, кн. 81.

лись. Что сказать объ этой реакціи? Она представляется вполне естественной и законной, поскольку она направлялась противъ явныхъ излишествъ и явной односторонности въ метафизическихъ толкованіяхъ міра у Гегеля и его предшественниковъ; но въ ней содержалось несомнѣнно несправедливое осужденіе ученія о всеобщемъ логическомъ Разумѣ, какъ условіи возможности знанія и какъ условіи возможности бытія. Идея универсальнаго разума, какъ начала объективнаго логическаго знанія и вмѣстѣ какъ мірового начала, имѣетъ общечеловѣческое значеніе и характеръ и безъ нея нельзя обойтись. Если существующее познаваемо, хотя бы только отчасти, оно, стало-быть, сообразно законамъ нашего разума, т. е. общимъ логическимъ законамъ нашей мысли. А вѣдь это можетъ только значить, что общія логическія формы и категоріи, которымъ подчинена наша мысль, суть въ то же время внутренніе законы, формы и категоріи самой реальности. Поэтому приходится думать, что метафизика не навсегда приостановила свое развитіе: за временнымъ отливомъ умозрѣнія готовится его новый приливъ. Рано или поздно надо сдѣлать послѣдовательный и рѣшительный выборъ между скептицизмомъ, т. е. логическимъ отрицаніемъ логики, которое само приводитъ себя къ абсурду, и между ученіемъ объ универсальномъ разумѣ—Логосѣ—въ той или другой формѣ. Нѣмецкій идеализмъ еще ждетъ справедливой оцѣнки. Онъ могъ во многомъ ошибаться, это не должно умалять значенія его истинныхъ открытій въ области умозрѣнія. Какъ все истинное и глубокое, эти открытія въ сущности ясны и просты. Дать имъ очеркъ и оцѣнку и составляетъ задачу статьи ¹⁾).

Идеализмъ древнихъ опирался на различныя недоказанныя метафизическія предположенія; новѣйшій идеализмъ, напротивъ того, не исходитъ изъ какихъ-либо догматическихъ данныхъ или предположеній. Его первое утвержденіе выражаетъ простой, эмпирически данный фактъ: сущее

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. XXXI, стр. 73—77.

есть то, что является. Есть ли сущее еще что-нибудь другое? Этот вопрос сначала остается открытымъ. Миръ есть явление — въ этомъ состоитъ первое положеніе философскаго идеализма. Но что же такое явление? Опять ограничиваясь опредѣленіемъ самымъ общимъ, приходится сказать: явление есть отношеніе объекта къ субъекту. Слѣдовательно, миръ, какъ явление, непременно предполагаетъ субъектъ; „какъ далеко простирается являющийся миръ, такъ далеко простирается субъектъ, которому онъ является“. Кантъ далъ глубокий смыслъ и обоснованіе этому положенію: въ своемъ цѣломъ весь нашъ опытъ, все, что воспринимается нами, обусловлено нашимъ мышленіемъ и воспріятіемъ. Что такое миръ помимо нашего мышленія и воспріятія, существуютъ ли какія-нибудь *вещи въ себѣ*? На этотъ вопросъ даже и отвѣчать нечего. Мы не можемъ себѣ представить объекта, который не былъ бы объектомъ, т.-е. не находился бы во внутреннемъ отношеніи къ субъекту, которое одно и дѣлаетъ его возможнымъ или дѣйствительнымъ предметомъ нашего опыта, чувства, мысли. *Вещь въ себѣ* есть лишь отвлеченное понятіе нашего разума, притомъ содержащее явное противорѣчіе: какъ чистая отвлеченность, возникшая въ умѣ чрезъ устраненіе всего, что намъ извѣстно и доступно, оно не имѣетъ никакой реальности внѣ нашей мысли; а между тѣмъ оно предполагаетъ именно реальность, абсолютно внѣшнюю мысли и не имѣющую къ ней никакого отношенія ¹⁾.

Какъ же это понять? Значитъ ли это, что идеализмъ превращаетъ весь миръ въ мою одиночную иллюзію, въ мозговое явление, какъ училъ Шопенгауэръ? Было бы неправильно такъ объяснять Канта, хотя онъ самъ отчасти подалъ поводъ къ такому толкованію. По Канту, внѣшній миръ существуетъ несомнѣнно внѣ моего мозга, внѣ моего личнаго я, точно такъ же, какъ внѣ меня существуютъ другія сознающія личности. Мое личное я есть само лишь явле-

1) „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. XXXI, 77—So.

ніс, какъ объектъ моего внутренняго опыта. Поэтому внѣшній міръ имѣетъ для меня, во всякомъ случаѣ, не меньшую реальность, чѣмъ мой внутренній міръ. Я знаю даже изъ самонаблюденія, что явленія моего внутренняго міра находятся въ тѣсной зависимости отъ явленій внѣшняго міра, тогда какъ обратно въ большинствѣ случаевъ сказать нельзя. „Явленія существуютъ не въ моемъ мозгу и не въ моемъ единичномъ сознаніи, а въ безпредѣльномъ пространствѣ и времени; мой мозгъ занимаетъ нѣкоторую часть этого пространства, и мое сознаніе ограничено во времени. Этимъ безусловно исключается иллюзионизмъ превращающій міръ въ субъективное представленіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ самое пространство и самое время должны быть признаны идеальными, какъ общія формы всѣхъ явленій, т. е. *формы того, что является нашему сознанію*“. Для Канта, пространство и время не суть внѣшнія реальности или вещи, ни свойства такихъ вещей. Пространство есть общая форма всѣхъ возможныхъ внѣшнихъ воспріятій, безъ которой никакой воспринимающій субъектъ не можетъ отличать отъ себя внѣшнія вещи; время есть общая форма всякаго возможнаго воспріятія, безъ которой воспринимающій субъектъ не можетъ различать двухъ послѣдовательныхъ состояній своего сознанія. Въ этомъ смыслѣ они могутъ быть названы субъективными формами воспріятія или чувственности. „Но „субъектомъ“ тутъ является не мое личное эмпирическое воспріятіе, не чувственность Сидора или Петра, а воспріятіе вообще, *чувственность какъ таковая*,—потому что безъ пространства и времени *ничто* не можетъ являться *никакому* чувствующему субъекту, т. е. *никакое чувственное воспріятіе безусловно невозможно*“ ¹⁾. Пространство и время существуютъ помимо моего мозга, помимо моего личнаго я, но не помимо чувственности вообще; сказать, что они обуславливаютъ явленія, значить признать, что они обуславливаютъ воспріятія; а сказать, что они обуславливаютъ воспріятія, озна-

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. XXXI, стр. 82.

часть признать их *психическій* характеръ, т.-е. ихъ неизбѣжное отношеніе къ чувственности. Явленія предполагаютъ чувственность; и по скольку они существуютъ въ универсальномъ, всеобъемлющемъ пространствѣ и времени, мы вынуждены предположить универсальную, всеобъемлющую чувственность. Сущее, какъ являющееся, предполагаетъ такую чувственность, которая есть субъектъ чувственныхъ явленій во времени и пространствѣ,—субъектъ времени и пространства ¹⁾).

Однородныя соображенія относятся и къ логической дѣятельности познающаго духа. Мы *мыслимъ* явленія и посредствомъ этой мысли познаемъ ихъ. Поэтому явленіе, какъ мы испытываемъ его, опредѣляется не одною чувственностью: мы сравниваемъ, связываемъ наши ощущенія и воспріятія, относимъ ихъ къ тѣмъ или другимъ причинамъ, отождествляемъ, различаемъ, считаемъ и т. д. При этомъ мы необходимо отличаемъ чувство отъ его предмета и мыслимъ этотъ предметъ независимо отъ субъективнаго чувства; и всѣ мыслимыя нами о предметахъ отношенія представляются намъ вполнѣ объективными и реальными. Черезъ это въ насъ возникаетъ идея о мірѣ, какъ закономѣрной связи явленій, причинно обусловливающихъ другъ друга, независимой отъ какихъ бы то ни было состояній нашей чувственности. Причинность есть объективный законъ вселенной, столь же реальный, какъ являющаяся намъ вселенная; но въ одинаковой мѣрѣ это законъ *идеальный*, потому что въ немъ выражается связующая дѣятельность нашей познающей мысли. Это такая же идеальная и всеобщая форма познаемаго, какъ пространство и время, но она зависитъ уже не отъ чувственности, а отъ нашей мысли, поскольку мысль отличается отъ чувственности. Дѣйствительность немыслима, пока нѣтъ объективной связи между явленіями, пока нѣтъ причинъ и дѣйствій. Опыта нѣтъ, пока я не отличаю мои ощущенія отъ ихъ причинъ и пока я

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. XXXI, стр. 84.

неспособенъ сознать объективной связи между слѣдующими другъ за другомъ явленіями. Отсюда Кантъ послѣдовательно заключилъ, что причинность есть нѣчто большее, чѣмъ простое представленіе или чисто психологическое состояніе: это логическое понятіе, безъ котораго мы абсолютно не можемъ мыслить объективную дѣйствительность. А это значить, что причинность есть общее логическое условіе дѣйствительности, или что дѣйствительность, какъ мы ее знаемъ, имѣетъ *логическое условіе*: она обусловлена логическимъ закономъ, обязательнымъ для всякаго сознанія и для всякой мысли. Къ этому сводится положительный результатъ Кантовой „критики опыта“, какъ ни колебался самъ Кантъ въ оцѣнкѣ этого результата и въ его послѣдовательномъ развитіи ¹⁾.

Дѣйствительность, объективный міръ, существующій въ безпредѣльномъ пространствѣ и времени, имѣетъ *логическое* начало. Сущее обусловлено *субъектомъ*, чувствующимъ и мыслящимъ; дѣйствительность обусловлена универсальною чувственностью и универсальною логическою мыслию. Въ этомъ заключаются огромныя открытія идеализма. Но въ то же время они кажутся такими странными и парадоксальными, съ точки зрѣнія обыкновенныхъ взглядовъ на вещи, что они очень нуждаются въ разъясненіяхъ. Вообразимъ себѣ, что органическая жизнь исчезла съ лица вселенной и осталось одно неорганическое вещество. Это вещество будетъ наполнять пространство, и его частицы по прежнему будутъ вступать въ физическое и химическое взаимодействіе между собой. Въ неорганической природѣ все будетъ протекать такъ же, какъ оно происходило въ присутствіи существъ чувствующихъ и мыслящихъ. И все-таки, если хорошенько подумаемъ, мы убѣдимся, что и въ этомъ неорганическомъ мірѣ пространство, время, причинность суть только *представленія* и *понятія* предполагаемаго чувства и мысли, предполагаемаго зрителя. Представимъ

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. XXXI, стр. 84—86.

себѣ, что такой зритель исчезаетъ, что изъ міра абсолютно исчезаетъ всякое чувство и мысль, — время, пространство и причинность *ни для кою болѣе не существуютъ*: для бездушнаго атома нѣтъ никакого „прежде“ или „послѣ“, нѣтъ ничего „внѣшняго“ и ничего внутренняго; для него нѣтъ никакого существованія, никакого внѣшняго или внутренняго дѣйствія, нѣтъ ни единства, ни множества, ни тожества съ собою, ни различія отъ другого, — словомъ, нѣтъ совсѣмъ ничего. Бездушное вещество не существуетъ ни для себя, ни для другого субъекта, такъ какъ, по сдѣланному предположенію, этого другого субъекта нѣтъ вовсе ни въ самомъ веществѣ, ни внѣ его. Между тѣмъ то, что ни въ какомъ смыслѣ не дано ни себѣ самому, ни чему-нибудь другому, очевиднымъ образомъ не имѣетъ никакой реальности. Скажутъ ли, что въ себѣ бездушный неорганической міръ существуетъ въ томъ смыслѣ, что еслибъ онъ былъ воспринятъ постороннимъ наблюдателемъ, онъ явился бы въ видѣ тѣлъ, находящихся въ движеніи? Однако это значило бы лишь уклоняться отъ вопроса: все дѣло въ томъ, въ чемъ же именно дана эта возможность и почему она дана? По представленію наивнаго реализма, пространство, время, атомы, движеніе существуютъ сами по себѣ, какъ что то абсолютное, независимо отъ какой бы то ни было мысли или чувства. Но что такое время и пространство, существующія сами по себѣ, никому не являющіяся и не наполненныя никакими явленіями? Это время, въ которомъ ничто ни за чѣмъ не слѣдуетъ, и пространство, въ которомъ ничто ни съ чѣмъ не сосуществуетъ; это ложная отвлеченность, которую невозможно и продумать послѣдовательно. Въ *абсолютномъ* пространствѣ и времени не можетъ быть никакихъ ограниченныхъ, *относительныхъ* временъ и мѣстъ, никакихъ конечныхъ величинъ, а стало быть и никакихъ явленій вещества и движенія. „Въ абсолютномъ времени и пространствѣ никакой „Ахиллесъ не догонитъ черепахи“, ни одинъ атомъ не измѣнитъ мѣста относительно другого атома, точнѣе, никакой атомъ вовсе не будетъ имѣть ника-

кого мѣста—ибо въ абсолютномъ времени и пространствѣ нѣтъ отношеній, нѣтъ ничего относительнаго“. Въ дѣйствительности есть только одно пространство и одно время, вся суть которыхъ въ явленіи и только въ явленіи, т.-е. въ идеальномъ отношеніи объекта къ субъекту. „Безъ субъекта нѣтъ ничего внѣшняго и ничего внутренняго, нѣтъ пространства внѣ чего-либо, нѣтъ времени въ чемъ-нибудь“¹⁾.

Къ понятіямъ причинности, субстанціальности, количества, тожества и т. д. прилагаются вполнѣ аналогичныя соображенія. Что такое причинность сама по себѣ, безъ отношенія къ явленію? Если мы отвлечемся отъ представленія о какомъ бы то ни было субъектѣ, лежащемъ въ основѣ мірового процесса, мы безусловно должны отвергнуть всякую мысль о какой бы то ни было реальной внутренней связи между причиной и дѣйствиємъ. Даже когда мы думаемъ о бездушномъ, чисто-матеріальномъ хаосѣ, мы невольно предполагаемъ причинность въ смѣнѣ его состояній; но это происходитъ благодаря тому только, что мы никакъ не можемъ „отмыслить прочь“ самую мысль, чувство, субъектъ вообще. Мы невольно надѣляемъ каждый атомъ, каждую силу, о которой мы думаемъ, какою-то элементарною субъективностью,—превращаемъ атомъ въ живую монаду. Лишь отъ этого мы можемъ говорить о дѣйствиіи или взаимодействіи атомовъ, о внутренне связанныхъ между собою перемѣнахъ въ веществѣ, даже объ индивидуальности предполагаемыхъ атомовъ, ихъ тожествѣ съ собою и различіи отъ другихъ. Понятіе субъекта несомнѣннымъ образомъ лежитъ въ основаніи всѣхъ этихъ представленій. Наоборотъ, если никакой внутренней, логически необходимой связи между состояніями міра не существуетъ, то та внѣшняя причинная связь, которую мы различаемъ въ слѣдованіи явленій, окажется субъективной и будетъ всецѣло сводиться къ нашему субъективному сознанію. Другими словами: если связь явленій призрачна, она приносится на-

1) „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. XXXI, стр. 88—91.

шимъ познающимъ субъектомъ извнѣ; если она реальна, она привносится изнутри субъектомъ, лежащимъ въ основаніи самихъ явленій. Но въ обоихъ случаяхъ она *идеальна*—или въ смыслѣ субъективнаго, или въ смыслѣ объективнаго, „трансцендентальнаго“ идеализма ¹⁾).

Подобнымъ же образомъ и опредѣленія количества и величины суть опредѣленія *идеальныя*, независимо отъ того, призрачны они или объективны; самъ по себѣ никакой предметъ ни великъ, ни малъ, ни единъ, ни множественъ, но получаетъ тѣ или другія количественныя опредѣленія по отношенію къ другимъ предметамъ въ нашей измѣряющей мысли. И единство, и множество, и величина вообще предполагаютъ анализъ и синтезъ, какъ свое неизбѣжное условіе. Одинаково опредѣленія тождества и различія суть также опредѣленія логическія. Въ самомъ дѣлѣ, мы приписываемъ всякому предмету тождество съ собою только въ силу абсолютной *немыслимости* противнаго. Но если мы признаемъ такое обоснованіе изъ немыслимости, мы должны тѣмъ самымъ признать, что вещи подчиняются логическимъ законамъ, или, точнѣе, что все сущее опредѣляется такими законами ²⁾). Поэтому, если уже допускать міръ вещей въ себѣ, находящейся внѣ всякихъ отношеній къ сознанию, то нужно опредѣлять его какъ *нелогичное абсолютное* и не распространять на него никакихъ логическихъ опредѣленій. Но тогда мы не только должны принципиально отказаться его какъ-нибудь мыслить, у насъ вообще не останется ровно никакихъ основаній предполагать его. Этотъ нелогичный міръ нельзя считать ни причиной, ни субстанціей наблюдаемыхъ нами явленій, онъ вообще не находится съ ними ни въ какой связи; потому что и причина, и субстанція, и связь суть логическія опредѣленія. А въ такомъ случаѣ зачѣмъ же онъ нуженъ?

Все такимъ образомъ сводится къ одному общему резуль-

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. XXXI, стр. 91—98.

²⁾ Тамъ же. Кн. XXXI, ст. 93—95.

тату: нѣтъ явленій внѣ сознанія; условіе самой возможности явленія есть прежде всего чувствующій и мыслящій субъектъ, который одинаково обуславливаетъ какъ субъективную мысль и чувство, такъ и объективный міръ во времени и пространствѣ, „и когда мы мыслимъ весь необъятный міръ явленій въ безконечной совокупности его связанныхъ между собою функций и отношеній, мы тѣмъ самымъ необходимо предполагаемъ *субъектъ* этого мірового объекта, какъ его трансцендентальное метафизическое условіе“. Этимъ совершенно упраздняется матеріалистическое ученіе съ его наивнымъ, некритическимъ реализмомъ. „Въ наши дни, послѣ вѣкового развитія критической философіи, матеріализмъ представляется столь же отжившею теоріей, какъ, напр., геоцентрическая теорія 1)“.

Изъ сказаннаго видно, что мысль объ универсальномъ субъектѣ космической чувственности и космической законмѣрности, занимающая столь важное мѣсто въ статьѣ „О природѣ человѣческаго сознанія“, возвращается и въ „Основанія идеализма“, хотя въ нѣсколько иномъ освѣщеніи. Тамъ сознанію этого всемірнаго субъекта приписывается иногда совсѣмъ абсолютный характеръ, и самъ этотъ субъектъ какъ будто не различается отъ абсолютнаго начала вещей. Здѣсь мы уже не замѣчаемъ такого сліянія. По крайней мѣрѣ въ отвѣтѣ на разборъ Б. Н. Чичерина „Основаній идеализма“, носящемъ названіе „Въ защиту идеализма“, кн. С. Н. Трубецкой рѣшительно отдѣляетъ понятіе о субъектѣ всемірной чувственности, какъ о міровой душѣ, отъ понятія о Божественномъ умѣ. Онъ прямо говоритъ: „Не становясь на точку зрѣнія пантеизма, я не считаю Божество міровымъ субъектомъ“. Но если субъектомъ трансцендентальной чувственности не является ни ограниченное чувствующее существо, ни вѣчный Духъ или безплотный Разумъ, то это еще не значитъ, чтобы такого субъекта не было вовсе. Надо прежде всего рѣшить, есть ли

1) „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. XXXI, стр. 95—96.

вселенная простой механизмъ, въ которомъ случайно образовались отдѣльные организмы, или она есть живое, одушевленное цѣлое? Есть много аргументовъ въ пользу того и другого предположенія. Я раздѣляю послѣднее, т. е. признаю мѣръ одушевленнымъ. И однимъ изъ рѣшительныхъ доказательствъ въ пользу такого предположенія представляется мнѣ открытiе Канта относительно природы времени и пространства, ибо это открытiе, сдѣланное помимо всякихъ космологическихъ или натурфилософскихъ гипотезъ, доказываетъ существованiе универсальной, мирообъемлющей *чувственности*. Если субъектомъ такой чувственности не можетъ быть ни ограниченное индивидуальное существо, ни существо абсолютное, то остается допустить, что ея субъектомъ можетъ быть только такое психофизическое существо, которое столь же универсально, какъ пространство и время, но вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно времени и пространству, не обладаетъ признаками абсолютнаго бытiя: это — *космическое существо* или мѣръ въ своей психической основѣ, — то, что Платонъ называлъ Мировою Душою¹⁾.

Сущее есть явленiе, — въ этомъ исходномъ положенiи идеализма заключается относительное оправданiе эмпирической точки зрѣнiя на вещи. Поэтому метафизика, не признающая правды эмпиризма и не обосновывающая его собою, есть ложная метафизика. Но это все-таки не значитъ, чтобы она могла остановиться на эмпиризмѣ и удовлетвориться опредѣленiемъ сущаго, какъ являющагося. Напротивъ, критика показала намъ, что такое опредѣленiе неизбѣжно предполагаетъ отношенiе объекта къ субъекту; другими словами, оно есть лишь *субъективное* опредѣленiе сущаго, данное съ точки зрѣнiя субъекта, и его нельзя признать окончательнымъ. „Чтобы возвыситься надъ такимъ субъективнымъ отношенiемъ и дать объективное опредѣленiе сущаго, метафизика должна поставить шире основной вопросъ теорiи

1) „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. XXXVII, стр. 302—303.

познанія, съ которой она нераздѣльно связана: *что такое отношеніе субъекта и объекта, и какъ оно возможно?*"¹⁾.

Какъ относится познающій духъ къ познаваемой дѣйствительности? Отвѣтъ всего чаще облекается въ дуалистическую форму; въ цѣломъ рядѣ древнихъ и новыхъ системъ мысль противопоставляется веществу, какъ самостоятельному и отличному отъ нея началу. Такое рѣшеніе, однако, совершенно не объясняетъ возможнаго соотношенія этихъ началъ: какимъ образомъ нѣчто абсолютно чуждое мысли можетъ быть воспринято и понято ею? То же самое приходится сказать о нѣкоторыхъ новѣйшихъ ученіяхъ, противопоставляющихъ субъективное сознаніе внѣшней ему, непознаваемой реальности. Какимъ образомъ нѣчто абсолютно чуждое, внѣшнее всякому чувству и мысли можетъ служить основою чувственного и мыслимаго нами міра?

Въ отвѣтъ на эти неразрѣшимыя недоумѣнія являются различныя „системы тождества“, начиная отъ стоиковъ, пытавшихся примирить дуализмъ Платона и Аристотеля, и кончая ученіемъ Шеллинга и Гегеля. Во взаимодействіи познающаго ума и познаваемой природы мы имѣемъ осуществленіе внутренняго *единства субъекта и объекта*. Такое единство необходимо предполагается во всякомъ познаніи, во всякомъ актѣ логическаго мышленія. Поэтому Шеллингъ признаетъ „тождество субъекта и объекта“ основаніемъ всей философіи: безъ такого основнаго, существеннаго тождества нельзя понять, какимъ образомъ разумъ можетъ согласоваться съ природой. Кантъ смотрѣлъ на дѣло нѣсколько иначе; онъ думалъ, что разумъ, познавая міръ опыта, тѣмъ самымъ создаетъ его, что онъ налагаетъ на этотъ міръ свои субъективныя формы и понятія и тѣмъ дѣлаетъ возможною природу, какъ мы ее знаемъ. Однако, съ точки зрѣнія логическаго идеализма, такой отвѣтъ едва ли достаточенъ. Если бы наше познаніе заключалось только въ томъ, что нашъ разумъ роковымъ образомъ накладыва-

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. XXXI, стр. 96—97.

еть свои субъективныя понятія на совершенно чуждый имъ внѣшній матеріаль, тогда оно было бы мнимымъ и призрачнымъ, *не—логичнымъ* въ самомъ своемъ корнѣ. „Ибо для того, чтобы логично налагать на вещи тѣ или другія понятія, мы должны имѣть на то положительное основаніе въ самихъ вещахъ“. И вотъ Шеллингъ вышелъ за предѣлы „субъективнаго“ идеализма Канта. Для него міръ явленій не есть результатъ взаимодействія нашего субъекта съ *вещами въ себѣ*. Наши субъективныя представленія и понятія могутъ быть согласны съ независимою отъ нихъ объективной природой лишь постольку, поскольку они имѣютъ основаніе въ самихъ вещахъ; нашъ разумъ логически мыслить явленія въ своихъ понятіяхъ только потому, что соотвѣтствующія этимъ понятіямъ отношенія реально обуславливаютъ природу. Иначе сказать, самая форма объективнаго бытія, самый объектъ, самая природа внутренне тождественна съ духомъ, съ познающимъ субъектомъ ¹⁾.

Окончательное развитіе этому ученію придалъ Гегель: тождество субъекта и объекта опредѣляется имъ какъ логическая мысль. Все сущее, все являющееся, все чувственное опредѣляется мыслию и понимается ею же. Безъ нея нѣтъ ни тождества, ни различія, ни бытія, ни небытія. „Основное начало философіи Гегеля сводится къ самоочевидному положенію: *безъ мысли и внѣ мысли ничто не мыслимо. Отсюда сущее опредѣляется какъ объективная мысль, или идея*“. Такое опредѣленіе проще, чѣмъ кажется, и свободно отъ предвзятыхъ догматическихъ предположеній. „Сущее“ во всякомъ случаѣ есть понятіе нашего ума, независимо отъ того, соотвѣтствуетъ этому понятію какая-нибудь реальность внѣ мысли или нѣтъ. Но Гегель пошелъ въ своихъ выводахъ гораздо дальше: для него никакая реальность внѣ мысли немислима; всякая реальность, все существующее извѣстно намъ только какъ мыслимое нами,—включая сюда и то, что мы чувствуемъ и воспринимаемъ,—потому что

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. XXXI, стр. 97—101.

все есть возможный, дѣйствительный или необходимый предметъ нашей мысли. Мысль не знаетъ „вещей въ себѣ“: вѣдь и „вещь въ себѣ“ есть только отвлеченное понятіе нашего ума и ничего больше. Внѣ мысли нѣтъ никакого бытія ¹⁾).

Такимъ образомъ у Гегеля общій принципъ всѣхъ метафизическихъ опредѣленій, изъ котораго всѣ они логически вытекаютъ, есть необходимая, логическая мысль, — абсолютная идея, заключающая въ себѣ единство субъекта и объекта въ вѣчномъ процессѣ мышленія. Каждое изъ частныхъ опредѣленій, полагаемыхъ ею въ ея саморазвитіи, взятое само по себѣ, ложно въ своей односторонности и находится во внутреннемъ противорѣчii съ прочими логическими опредѣленіями; но въ цѣломъ мысли всѣ эти опредѣленія органически связаны между собою, взаимно примиряются и пополняютъ другъ друга. Въ смѣнѣ моментовъ противоположенія и примиренія между отдѣльными логическими опредѣленіями и состоитъ, по Гегелю, вся жизнь міра. Поэтому система Гегеля есть панлогизмъ, вселогическая философія, поскольку въ ней Логось, логическій принципъ знанія, является абсолютнымъ началомъ существующаго. И тѣмъ не менѣ эта универсальная метафизика потерпѣла полное крушеніе предъ судомъ послѣдующей философіи и науки. Какъ же могла эта насквозь логическая система оказаться логически несостоятельною? ²⁾

Все существующее сводится къ логической идеѣ, — таковъ смыслъ Гегелевскаго положенія: „все существующее разумно“; дѣйствительный міровой процессъ долженъ быть объясненъ какъ разумный, логическій процессъ. Если логическій принципъ нашего знанія есть принципъ абсолютный, то онъ обосновываетъ собой все сущее и въ то же время идеально заключаетъ въ себѣ всю систему возможнаго знанія. Поэтому провѣрка этого принципа, въ качествѣ дѣйствительно безусловнаго и всеобщаго, должна состоять

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. XXXI, стр. 101—103.

²⁾ Тамъ же. Кн. XXXI, стр. 105—106.

въ логической дедукціи изъ него всей системы нашихъ знаній. Природа и исторія должны быть выведены изъ него и построены логически a priori, потому что только такое построение можетъ быть подлиннымъ воспроизведеніемъ ихъ дѣйствительнаго происхожденія и развитія. Гегель совершенно серьезно поставилъ себѣ такую задачу, и вотъ объ нее-то и разбились всѣ его усилія.

Прежде всего пала пресловутая „натурфилософія“, надъ которой такъ много потрудились и Шеллингъ, и Гегель. Всѣ попытки вывести природу изъ понятій чистаго разума оказались тщетными. „На самомъ дѣлѣ философы ничего и не выводили: они строили изъ ветхаго и крайне непрочнаго матеріала, подгоняя свои естественно-историческія познанія подъ рамки своей логической системы. Но ихъ наука о природѣ была вопіющимъ анахронизмомъ уже въ ихъ эпоху. И въ то самое время, какъ они все болѣе и болѣе запутывались въ своей метафизической паутинѣ, создавая призрачный міръ,—научное естествознаніе двигалось впередъ, открывая подлинныя міры посредствомъ усовершенствованныхъ методовъ и орудій опыта и наблюденія“. Въ области исторіи человѣческаго духа строительный методъ Гегеля имѣлъ несомнѣнно большій успѣхъ, благодаря его обширнымъ историческимъ познаніямъ и необычайному дару историческаго пониманія. Но все-таки исторія, какъ и природа, не можетъ быть „раціонализована“: „въ исторіи, какъ и въ природѣ, реальный процессъ не совпадаетъ съ логическимъ и потому не строится историкомъ a priori, но изучается и объясняется имъ a posteriori. Иначе историкъ не былъ бы ограниченъ однимъ прошедшимъ и притомъ только извѣстною ему небольшою частью прошедшаго: онъ могъ бы логически „строить“ будущее, предсказывать его съ безусловною достовѣрностью“. Недостаточный въ области естествознанія и исторіи принципъ Гегеля оказался столь же недостаточнымъ и въ психологіи: человѣческая душа не есть исключительно вещь мыслящая,—она есть также и *волящая, и чувствующая* вещь. „Попытка

свести волю, чувство и чувственность къ мышлению, психологическое къ логическому, была столь же неудачной, какъ и обратная попытка противоположной Гегелю школы психологовъ—свести мышление къ чувству и волѣ, или логику къ психологii“.

Такимъ образомъ между „панлогизмомъ“ Гегеля и эмпирическою наукою существуетъ несомнѣнная антиномiя; и зависить она не отъ частныхъ ошибокъ Гегеля и не отъ простыхъ недочетовъ въ его естественно-научныхъ познанiяхъ. „По-настоящему такихъ познанiй вовсе и не требовалось бы, если бы отвлеченная дедукцiя могла замѣнять ихъ собою“. Эмпирическая наука противорѣчитъ логическому идеализму въ самомъ принципѣ: природу, исторiю, человѣческую душу нельзя свести къ логическимъ категорiямъ. *Сущее не сводится къ логической идее* ¹⁾.

Философiя Гегеля не была тою абсолютною и окончательною системою, какою она представлялась своему создателю; она была лишь однимъ изъ моментовъ развитiя философской мысли, моментомъ крайняго отвлеченнаго рационализма; этотъ рационализмъ, по тому самому закону диалектическаго развитiя, который впервые былъ формулированъ Гегелемъ, вызвалъ другую противоположность въ сферѣ умозрѣнiя—философiю иррациональнаго, или безсознательнаго. Наиболѣе крупнымъ представителемъ этой философiи явился Шопенгауэръ. Однако уже въ собственныхъ ученiяхъ Шеллинга и Гегеля заключались сѣмена иррационалистическихъ тенденцiй. У Шеллинга абсолютное тождество субъекта и объекта или природы и духа, понимаемое какъ *безразличiе*, представляетъ собою начало, чуждое идеализму; въ своемъ отвлеченномъ тождествѣ съ природою духъ перестаетъ отъ нея различаться, т. е. перестаетъ быть духомъ; это уже не субъектъ, а совершенно неопредѣленная, безсознательная сила, которая путемъ какого-то непостижимаго самораздвоенiя можетъ пробудиться къ творче-

1) „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. XXXII, стр. 226--229.

ству и самосознанию. Съ другой стороны, въ системѣ Гегеля переходъ отъ абсолютной идеи, съ ея вѣчными, всегда въ ней примиренными опредѣленіями, къ реальной чувственной природѣ съ ея текучими и случайными процессами оказывается непонятнымъ скачкомъ, ирраціональнымъ и непостижимымъ отпаденіемъ идеи отъ себя самой. Такимъ образомъ, отвлеченный идеализмъ Гегеля, признававшій въ основѣ сущаго чисто логическій процессъ, вынужденъ предположить нѣчто, по существу не только противоположное, но и противорѣчащее своему коренному смыслу,—вполнѣ ирраціональное возникновеніе всего реального міра. И нетрудно видѣть, что такое предположеніе являлось неизбѣжнымъ: если все существующее, какъ мыслимое, опредѣляется понятіями разума, „то самое *бытіе*, самая *дѣйствительность* того, что соотвѣтствуетъ этимъ понятіямъ, не опредѣляется никакими понятіями или, точнѣе, не сводится къ понятію“. Пусть сто талеровъ въ моемъ карманѣ, по своему понятію, не отличаются отъ ста талеровъ, существующихъ въ умѣ философа: первые все-таки отличаются отъ вторыхъ своимъ реальнымъ *бытіемъ*, и его никакъ изъ ихъ логическихъ признаковъ отвлеченно вывести нельзя. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что все существующее, все дѣйствительное—*не разумно*, т.-е. сверхлогично, ирраціонально, поскольку оно дѣйствительно существуетъ. Такое положеніе отчасти уже защищалъ Шеллингъ въ послѣдній періодъ своей философіи; еще рѣзче его развивали пессимисты Шопенгауэръ и Гартманъ, у которыхъ ирраціональность жизни сливалась съ ея полнымъ безсмысліемъ ¹⁾.

Однако, когда рѣчь идетъ объ отношеніи нашей мысли къ дѣйствительности, приходится говорить не только объ ирраціональности *бытія* этой послѣдней. Реальное отличается отъ мысли еще своею *конкретною индивидуальностью* и *чувственностью*. Наша мысль всегда обща и отвлеченна; понимается и мыслится только общее; напротивъ, дѣйстви-

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“. Кн. XXXII, стр. 231—233.

тельно существуютъ лишь единичныя конкретныя существа. Поэтому никакая реальность не покрывается и не растворяется въ своемъ понятіи; реальное существо есть нѣчто большее, чѣмъ простая мыслимая возможность. Миръ отличныхъ отъ насъ живыхъ существъ и вещей не сводится къ нашей мысли и чувству и, стало-быть, не можетъ быть выведенъ изъ нихъ путемъ какого-либо умозаключенія. Реальность не объяснима безъ реальности. И съ другой стороны, предположеніе такой реальности есть необходимое предположеніе всей нашей мысли: безъ него наша мысль не имѣла бы никакого возможнаго содержанія.

Такимъ образомъ, антиномія между логическимъ идеализмомъ и эмпиризмомъ лежитъ глубже философіи Гегеля. Корень ея заключается въ самой человѣческой мысли, во внутреннемъ противорѣчій, присущемъ всѣмъ нашимъ понятіямъ, потому что всякое понятіе, взятое въ своей отвлеченности, содержитъ въ себѣ извѣстное противорѣчіе съ тою конкретною дѣйствительностью, отъ которой оно отвлекается. Если бы отвлеченная мысль могла быть абсолютнымъ принципомъ философіи, система Гегеля была бы абсолютной системой. Но на самомъ дѣлѣ наша мысль истинна и положительна только въ своемъ возможномъ или дѣйствительномъ отношеніи къ сущему, которое дано ей или *неизбѣжно предполагается* ею. Въ такого отношенія, мысль будетъ только ложнымъ, расплывающимся призракомъ дѣйствительности. „Внѣ мысли ничто не мыслимо“, но, съ другой стороны, сама мысль въ своей отвлеченности противоположна сущему.

А это все значить, что и второе изъ достигнутыхъ нами общихъ опредѣленій сущаго столь же недостаточно, какъ и первое: сущее не есть идея, точно такъ же какъ оно не есть только явленіе; оно не исчерпывается ни тѣмъ, ни другимъ опредѣленіемъ. Мысль непременно предполагаетъ нѣкоторую данную дѣйствительность. „Отвлеченное понятіе не существуетъ нигдѣ, кромѣ нашего субъективнаго разума: оно относительно въ двоякомъ смыслѣ: по своему

отношенію къ мыслящему разуму и по своему отношенію къ конкретнымъ вещамъ, къ субъекту и къ объекту“. Никакія понятія нельзя принимать безотносительно: мысль, какъ таковая, логически относится къ данному или предполагаемому существу. Поэтому даже самыя общія понятія нашего ума, такъ называемыя логическія категоріи, суть только основныя типы отношенія мысли къ своему предмету. Категоріи мысли логичны не потому, что онѣ суть продуктъ чистой дѣятельности разсудка, какъ о нихъ думалъ Кантъ, а потому, что онѣ имѣютъ достаточное основаніе въ сущей дѣйствительности; онѣ истинны не потому, что разумны, но разумны потому, что онѣ истинны ¹⁾).

Даже основныя логическія законы, которыми опредѣляется сама наша мысль,—законы тождества, противорѣчія, достаточнаго основанія и исключеннаго третьяго — раскрываются лишь въ отношеніи этой мысли къ существу. Безъ такого отношенія къ данной реальности не было бы ни различія, ни тождества, и никакая мысль не имѣла бы никакого логическаго основанія. Подобнымъ образомъ и категоріи представляются намъ логическими лишь черезъ это отношеніе: онѣ прилагаются къ вещамъ по логическимъ законамъ, т.-е. по достаточному основанію; я не долженъ понимать многое какъ единое, или необходимое какъ случайное; я долженъ видѣть причинность, взаимодействіе, множество, единство и т. д. только тамъ, гдѣ я имѣю на то основаніе въ самихъ явленіяхъ. Поэтому всѣ категоріи могутъ быть логически выведены и построены изъ возможнаго отношенія мысли къ существу ²⁾).

Сущее опредѣляется мыслью согласно законамъ тождества и различія: 1) какъ тождественное себѣ; 2) какъ отличное отъ мысли; 3) какъ внутренне тождественное съ мыслию въ различіи и различное въ тождествѣ (сущее тождественно съ мыслию, поскольку оно ее наполняетъ и ею наполняется,

1) „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. XXXII, стр. 234—240.

2) Тамъ же. Кн. XXXII. Стр. 240—241.

и оно различно отъ нея, поскольку оно обосновываетъ мысль и поскольку оно не только *мыслится*, но *есть*). Отсюда вытекають дальнѣйшія опредѣленія сущаго по категоріямъ *качества* и *количества*. По категоріямъ *качества*, которыя соотвѣтствуютъ умственнымъ актамъ утвержденія, отрицанія и ограниченія, сущее опредѣляется въ своемъ отношеніи къ мысли: 1) какъ положительное, пребывающее, *реальное сущее*,—все равно, будь то реальность, тождественная съ мыслящимъ духомъ, или отличная отъ него матерія, сила или какой-нибудь другой объектъ мысли; 2) оно опредѣляется чисто *отрицательно*,—какъ противоположность мысли, какъ реальность, отъ нея отличная, — что мы наблюдаемъ, напр., въ системахъ матеріализма, субъективнаго идеализма и т. п.; 3) оно опредѣляется какъ ограниченное, относительное сущее, что видимъ, напр., въ системахъ эмпиризма или релятивизма. Наконецъ, 4) сущее опредѣляется какъ абсолютная реальность, т.-е. такая, которая, въ противоположность всему ограниченному и конечному, понимается какъ всеобъемлющая полнота бытія, тождественная въ различіяхъ, какъ положительная безконечность, потенциально заключающая въ себѣ все конечное. Такъ опредѣляется сущее въ цѣломъ рядѣ умозрительныхъ ученій ¹⁾. По взгляду князя С. Н. Трубецкого, каждое изъ приведенныхъ опредѣленій можетъ быть развито въ цѣлое философское ученіе. И такъ смотритъ онъ на всѣ логическія категоріи вообще: въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ показываетъ, какъ разнообразно выступали отдѣльныя логическія категоріи въ исторіи мысли, а также и то, къ какимъ неизбѣжнымъ противорѣчіямъ приводитъ ихъ безотносительное отвлеченное признаніе за полную истину. Въ связи съ этимъ онъ очень высоко ставитъ Гегелевское воззрѣніе на исторію философскихъ идей, какъ на внутренне-необходимую смѣну общихъ логическихъ опредѣленій существующаго ²⁾.

1) „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. XXXII, стр. 249—250.

2) Тамъ же. Кн. XXXII, стр. 247—248.

По категориямъ *количества*, сущее опредѣляется, какъ *единое*, какъ *многое* и какъ *все* или *всеединое*. Въ своей отвлеченной идеѣ оно неизбежно понимается какъ единое: еще Парменидъ показалъ, что въ отвлеченномъ понятіи сущаго, равнаго только себѣ самому, отрицается все, что отъ него отлично, и такимъ образомъ остается лишь отвлеченное единство. Но мысль не можетъ застыть на такомъ единствѣ хотя бы по той причинѣ, что во всякомъ актѣ мысли заключается какъ бы раздвоеніе между субъектомъ и объектомъ, между предметомъ и мыслию о немъ, которое должно выразиться и въ нашихъ понятіяхъ. Въ отношеніи мысли къ сущему и въ ихъ основномъ различіи заключается, слѣдовательно, потенциальное *множество* идеальныхъ опредѣленій. Можно сказать, что въ отношеніи мысли къ сущему и въ тождествѣ и различіи между ними дано и мыслимое единство, и раздвоеніе, и конкретное единство во множествѣ. Соотвѣтственно этому, и сущее опредѣляется какъ *единое*—въ своей общей идеѣ, какъ *не-единое*—въ своемъ отличіи отъ мысли или идеи, какъ *многое*—въ совокупности своихъ реальныхъ отношеній и мыслимыхъ опредѣленій, и какъ всеобщее или *всеединое*—въ идеальномъ синтезѣ этихъ опредѣленій и признаковъ ¹⁾.

Далѣе, сущее понимается нами по закону достаточнаго основанія, какъ то, что обосновываетъ свои опредѣленія. „Отношеніе основанія къ тому, что имъ обуславливается, опредѣляется по категориямъ отношенія, какъ реальная зависимость субстанціальности или причинности, т.-е. какъ отношеніе признака къ субстанціи или слѣдствія къ причинѣ“. Сущее въ своемъ тождествѣ самому себѣ мыслится какъ субстанція своихъ признаковъ или опредѣленій; въ своемъ различіи отъ мыслящаго и воспринимающаго субъекта оно опредѣляется какъ *причина* относительнаго и обусловленнаго бытія,—явленій въ насъ; съ другой стороны, самый субъектъ или мыслящій разумъ понимается какъ

1) „Вопр. Фил. и Псих.“. Кн. XXXII, стр. 251—252.

дѣйствующая причина по отношенію къ внѣшней реальности. Сущее, какъ ограниченное, которому противолежитъ другое, также ограниченное сущее, мыслится во взаимодействіи съ нимъ: явленія понимаются какъ результатъ взаимодействия многихъ частныхъ причинъ, а въ послѣднемъ основаніи—какъ результатъ взаимодействия субъекта и объекта. Наконецъ, сущее опредѣляется какъ безусловное начало, поскольку оно мыслится какъ абсолютное основаніе своихъ опредѣленій, въ отличіе отъ всего обусловленнаго ¹⁾).

Одинаково изъ отношенія мысли къ существующему вытекаютъ и всѣ категоріи *модальности*. Сущее опредѣляется въ своемъ самомъ общемъ и отвлеченномъ отношеніи къ мысли, какъ *возможное* или просто *мыслимое*. Съ другой стороны, въ своемъ отличіи отъ чисто мыслимой возможности оно понимается какъ *дѣйствительное*. Но это дѣйствительное не есть что-нибудь абсолютно чуждое мысли, оно нами *понимается*, и поскольку оно нами понято во внутренней связи своихъ наличныхъ состояній, оно сознается какъ *необходимое*: міръ представляется намъ какъ связанная совокупность вещей или существъ и какъ необходимая причинная связь явленій, подчиненныхъ общимъ законамъ и единому порядку ²⁾).

Систематическое изложеніе такихъ основныхъ отвлеченныхъ опредѣленій сущаго составляетъ элементарную метафизику или формальную науку о способахъ пониманія сущаго. Одно изъ самыхъ распространенныхъ возраженій противъ такой метафизики заключается въ томъ, что она отвлеченна. „Это возраженіе банально потому, что метафизика, несомнѣнно, должна быть отвлеченна и притомъ въ высшей степени: недостатокъ отдѣльныхъ метафизическихъ построеній, исходящихъ изъ тѣхъ или другихъ частныхъ концепцій или опредѣленій, состоитъ не въ томъ, что они отвлечен-

---

1) „Вопр. Фил. и Псих.“. Кн. XXXII, стр. 254.

2) Тамъ же. Кн. XXXII стр. 257—258.

ны, а въ томъ, что они недостаточно отвлеченны и общи, что они ложнымъ образомъ исключаютъ мыслимость противоположныхъ опредѣленій,—мыслимость, доказанную умозрѣніемъ и историческимъ опытомъ... Критическая метафизика должна быть сознательно отвлеченной: исходя изъ самаго отвлеченнаго опредѣленія сущаго, она должна сознать границы отвлеченной мысли“¹⁾).

Но этимъ всѣмъ неизбѣжно ставится новый вопросъ: исчерпывается ли метафизика такими чисто формальными опредѣленіями? Въдѣ сущее предполагается нами, какъ нѣчто отличное отъ этихъ мыслимыхъ опредѣленій, какъ ихъ общее конкретное подлежащее и основа, а въ такомъ случаѣ оно, очевидно, не покрывается ими и должно имѣть свои особыя *реальныя опредѣленія*, которыя, повидимому, не могутъ быть доступны ни нашей отвлеченной мысли, ни нашей субъективной чувственности. До сихъ поръ мы не выходили изъ предѣловъ нашей мысли и чувства, и могло казаться, что они доставляютъ намъ вполнѣ достаточныя данныя для пониманія дѣйствительности; но теперь для насъ все болѣе выясняется та истина, что сущее лежитъ внѣ ихъ и представляетъ нѣчто совершенно самобытное по отношенію къ нимъ. Что же? Существуетъ ли какое-нибудь „непосредственное воспріятіе“ этого реальнаго сущаго, какъ особый, третій источникъ познанія на ряду съ разумомъ и чувственностью? Если оно существуетъ, то какъ оно относится къ этимъ первымъ двумъ источникамъ знанія? И наконецъ, чѣмъ является сущее для такого непосредственнаго воспріятія²⁾?

Мое чувство ограничено мною, „моей кожей“, какъ выражался Кондильякъ; съ другой стороны, моя мысль, взятая отвлеченно, также не содержитъ въ себѣ достаточнаго основанія для перехода къ дѣйствительно существующему путемъ какого-либо онтологическаго умозаключенія. Допу-

1) „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. XXXII, стр. 259—261.

2) Тамъ же. Кн. XXXII, стр. 262—263.

стимъ, что всякое субъективное состояніе предполагаетъ реальное воздѣйствіе извнѣ; допустимъ, что и самая мысль неизбѣжно подразумѣваетъ отношеніе къ реальному существу, какъ это было показано раньше. Все это еще не объясняетъ того, откуда мы знаемъ о такой реальности, какимъ образомъ она дается нашему духу и сознается какъ данная. Пускай мысль и чувство суть отношенія; чтобы понять отношеніе, мы должны знать соотносящіеся термины. Если въ нашемъ сознаніи намъ данъ лишь одинъ терминъ, какимъ образомъ намъ можетъ быть открытъ другой терминъ,—то реальное, что есть внѣ нашего сознанія? ¹⁾

Реальность міра или внѣшнихъ мнѣ существъ столь же несомнѣнна для меня, какъ и моя собственная реальность. Эта вѣра обуславливаетъ мою мысль во всѣхъ ея категоріяхъ; она обуславливаетъ весь мой опытъ, т.-е. внутренній міръ и внѣшній міръ, какъ онъ сознается мною. Вѣра въ этомъ смыслѣ имманентна всему моему сознанію, насколько оно относится къ существу. И если я никакъ не могу отрѣшиться отъ этой вѣры, то приходится допустить, что само сущее метафизически обосновываетъ эту мою вѣру, а съ нею вмѣстѣ мою мысль и чувство,—все мое познаніе, какъ и весь являющийся міръ. Каковы физическія условія такого воспріятія реальности, это намъ совершенно неизвѣстно, подобно тому, какъ для насъ окружена тайной и та связь, которая соединяетъ отправленія нашей нервно-мозговой системы съ нашею психическою дѣятельностью. Одно безспорно: я не могу отдѣлаться отъ предположенія реальности, независимой отъ моей мысли, данной ей, существующей внѣ ея или до нея. Такое предположеніе, рассматриваемое съ точки зрѣнія психологіи или теоріи познанія, есть актъ вѣры, а не одной мысли или чувства. Поэтому можно сказать, что все наше знаніе и опытъ, поскольку они относятся къ реальному существу, предполагаютъ вѣру, какъ непосредственный актъ по-

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. XXXIII, стр. 406—407.

знающаго духа, не сводимый ни къ чувству, ни къ мысли ¹⁾).

Въ самомъ дѣлѣ, рассматривая наши познавательные процессы, мы убѣждаемся въ томъ, что вѣра дѣйствительно служитъ факторомъ всего нашего познанія, будучи имманентна и мышленію, и чувству. Такъ относительно познанія природы ясно, что въ немъ участвуютъ всѣ три способности нашего духа: посредствомъ чувствъ я воспринимаю послѣдовательныя явленія, посредствомъ мысли я познаю ихъ въ объективно-логической связи, посредствомъ вѣры я понимаю эту связь какъ реальную и независимую отъ моего сознанія. Можно подумать, что иначе обстоитъ дѣло съ собственной жизнью нашей души: когда мы понимаемъ тѣ или другія явленія какъ дѣйствія нашего собственнаго я, то реальная причина этихъ дѣйствій, повидимому, дана намъ непосредственно въ нашемъ самосознаніи. Однако достаточно всмотрѣться внимательнѣе въ процессъ нашего самосознанія, чтобы убѣдиться, что и здѣсь не все ограничивается нашею мыслию и нашимъ чувствомъ. Наше я, какъ реальный субъектъ нашей внутренней жизни, очевидно, не есть простой *объектъ* мысли и чувства, а нѣчто большее. Конечно, мы знаемъ объ этомъ субъектѣ лишь постольку, поскольку онъ такъ или иначе *объективируется* въ нашемъ сознаніи; но именно потому и приходится сказать, что наше самосознаніе или отвлеченно, или ограниченно, и что мы вынуждены отличать душу отъ ея явленій въ сознаніи. Далѣе, если я могу относить свои состоянія къ прошедшему и будущему, свои настоящія представленія къ прошлымъ событіямъ, которыхъ нѣтъ уже, или къ будущимъ, которыхъ нѣтъ еще, то это одно показываетъ намъ, что духъ нашъ не ограниченъ никакими временными фактами сознанія, а заключаетъ въ себѣ сознаніе того пребывающаго, сверхвременнаго субъекта всѣхъ нашихъ душевныхъ состояній, который обуславливаетъ собою все,

1) „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. XXXIII, стр. 407—409.

что мы сознаемъ. Это я, или субъектъ всѣхъ нашихъ психическихъ актовъ, не есть, очевидно, ни особое состояніе сознанія, ни какое-либо обобщеніе или абстракція подобныхъ состояній, а представляетъ изъ себя ихъ общее внутреннее условіе. И непосредственное признаніе этого реального субъекта, обуславливающего всю жизнь нашего сознанія, иначе трудно опредѣлить, какъ понятіемъ вѣры. Сознаніе времени, воспоминаніе о нашемъ реальномъ прошломъ и ожиданіе будущаго доказываютъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что я не только знаю свое существованіе и прямо чувствую его, но и вѣрю въ него, насколько по крайней мѣрѣ дѣло идетъ о прошломъ и будущемъ: вѣдь въ себя, какъ пережившаго прошедшія событія или должствующаго пережить будущія, можно только вѣрить, но его нельзя воспринять, какъ что-то наличное; а съ другой стороны, одно настоящее, оторванное отъ всякаго прошлаго, въ своей безконечной мгновенности для сознанія неуловимо ¹⁾.

Итакъ, сущее въ самомъ нашемъ самосознаніи опредѣляется не только какъ предметъ понятія и представленія, но и какъ предметъ вѣры. И наоборотъ, когда станемъ на точку зрѣнія отвлеченнаго эмпиризма или на точку зрѣнія отвлеченнаго рационализма, существованіе реального субъекта нашего сознанія тотчасъ же получаетъ проблематическій видъ. Эмпирическая психологія силится искусственно обособить явленіе отъ его субъекта и превратить всю душевную жизнь въ непрерывную цѣпь безсубъектныхъ состояній. Подобнымъ же образомъ и рационалистическій критицизмъ признаетъ этотъ субъектъ лежащимъ не только за предѣлами всякихъ явленій, но и за предѣломъ отвлеченныхъ понятій, а поэтому и всякаго знанія ²⁾.

Но самое рѣшительное доказательство въ пользу самостоятельнаго значенія вѣры въ познаніи субъекта представляетъ наше убѣжденіе въ реальности другихъ субъек-

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. XXXIII, стр. 410—414.

²⁾ Тамъ же. Кн. XXXIII, стр. 416—417.

товъ, отличныхъ отъ нашего и существующихъ для себя самихъ. Въ признаніи реальности такихъ субъектовъ отъ насъ не слѣдуетъ видѣть простой постулатъ „практическаго разума“ или внушеніе „нравственнаго чувства“, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые послѣдователи Канта ¹⁾. Нравственные чувства стыда, жалости, справедливости предполагаютъ въ насъ убѣжденіе въ существованіи нашего собственнаго субъекта и другихъ субъектовъ различныхъ порядковъ,—низшихъ меня, равныхъ мнѣ, высшихъ меня. Но не нравственность порождаетъ это убѣжденіе, а скорѣе, наоборотъ, она обусловливается имъ. „Я признаю существованіе другихъ людей не потому, что я сознаю свои обязанности передъ ними, а, наоборотъ, я признаю обязанности по отношенію къ нимъ потому, что вижу въ нихъ нѣчто большее, чѣмъ мои представленія, сознаю въ нихъ реальные субъекты, „цѣли въ себѣ“. Я имѣю къ нимъ нравственное чувство, поскольку въ самомъ имманентномъ воспріятіи чужогаго существа *предположено* мое сознаніе солидарности съ нимъ“. Реальные существа не суть только объекты мысли и представленія, т.-е. не суть простые объекты другого, отличнаго отъ нихъ субъекта,—такое отрицательное опредѣленіе сушаго, какъ предмета нашей непосредственной вѣры. Какое же ея положительное содержаніе? Въ нашемъ внутреннемъ опытѣ, въ нашемъ самосознаніи сущее сознается нами какъ субъектъ. Нельзя ли логически обобщить это опредѣленіе и распространить его за предѣлы нашего самосознанія на сущее вообще, т.-е. на другія существа, поскольку они составляютъ предметъ нашей вѣры? Вѣдь тогда выйдетъ, что вѣра—этотъ третій факторъ нашего знанія—приводитъ насъ къ нѣкоторому новому пониманію внутренняго тождества объектовъ съ субъектомъ. Сущность вѣры не состоитъ ли въ признаніи независимой отъ нашей мысли универсальной духовной силы? ²⁾

1) Здѣсь князь С. Н. Трубецкой имѣетъ въ виду теорію проф. А. И. Введенскаго, изложенную имъ въ его статьѣ „О предѣлахъ и признакахъ одушевленія“.

2) „Вопр. Фил. и Псих.“. Кн. XXXIII, стр. 418—419.

Если мы станемъ разсматривать различныя формы *вѣры религиозной*, начиная отъ самыхъ грубыхъ и до самыхъ возвышенныхъ, мы не найдемъ въ ней другого содержанія, кромѣ вѣры въ конкретную духовную силу, выражающуюся въ дѣйствительномъ явленіи, но, тѣмъ не менѣе, не исчерпывающуюся имъ. Это будетъ одинаково справедливо и о фетишизмѣ первобытныхъ народовъ, и о современномъ утонченномъ протестантскомъ піэтизмѣ — этой наиболѣе стерилизованной формѣ религіи. Слѣдовательно, на религиозной вѣрѣ приведенное опредѣленіе совершенно оправдывается. Но, повидимому, вѣра, какъ неизбѣжный элементъ нашего чувственного и рациональнаго познанія, имѣетъ уже другой предметъ, отличный отъ духа: она убѣждаетъ насъ въ реальности внѣшняго міра, внѣшнихъ предметовъ, — въ реальности *не-я*, отличнаго отъ нашей мысли и чувства. Однако во что же мы въ этомъ случаѣ вѣримъ? Что есть реальнаго во внѣшнихъ предметахъ? На послѣдній вопросъ существуетъ очень много различныхъ отвѣтовъ: въ вещахъ реальны атомы, матерія, центры силъ, энергія и т. д. Но никто не рѣшится сказать, что моя вѣра въ реальность внѣшняго міра относится въ дѣйствительности къ атомамъ или силамъ, его составляющимъ. Стоитъ въ видѣ опыта перенести нашу вѣру на эти атомы или силы, какъ они тотчасъ же обратятся въ ничто. Не только до сихъ поръ не существуетъ теоріи вещества, которая могла бы притязать на общее признаніе, но можно считать положительно доказаннымъ критическою философіей, что всякая теорія, принимающая матерію въ абсолютномъ смыслѣ, т.-е. какъ безотносительную реальность, есть *ложная* теорія. Итакъ, во что же мы вѣримъ въ внѣшнемъ мірѣ? Мы вѣримъ не въ атомы, составляющіе видимый нами предметъ, напр., столъ, а въ самый этотъ видимый предметъ, — не въ атомы, силы и энергіи, составляющіе видимое нами голубое небо, а въ самое голубое небо. Между тѣмъ эти видимые образы совершенно нереальны, они представляютъ изъ себя только чувственныя формы, не существующія помимо на-

шего воспріятія. И оказывается, мы вѣримъ въ объективную реальность именно этихъ чувственныхъ формъ, зрительныхъ, осязаемыхъ и другихъ, въ реальность свѣта, звука, красокъ и т. д. Такъ какъ всѣ эти чувственныя формы суть лишь психическіе факты, то выходитъ, что я вѣрю въ объективную, независимую отъ меня реальность психическихъ фактовъ. Очевидно, моя вѣра въ объективность чувственныхъ воспріятій можетъ быть истинною лишь въ томъ смыслѣ, что эти чувственныя формы существуютъ не только для меня, но и для всѣхъ другихъ чувствующихъ существъ, и такимъ образомъ являются достояніемъ не только моей субъективной, но и всемірной чувственности. Напротивъ, вѣра въ безотносительную, т.-е. никакимъ субъектомъ не обусловленную реальность внѣшняго міра, въ реальность абсолютной матеріи, не выдерживаетъ никакой философской критики 1).

Однако матеріальный міръ не представляетъ ли въ нашихъ глазахъ чего-то большаго, чѣмъ простую видимость или миражъ чувствующихъ субъектовъ? Что же мы еще въ него влагаемъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, обратимся къ той формѣ вѣры, которая оказывается безусловно истинной, къ нашей вѣрѣ въ свою собственную реальность, какъ сознающихъ и чувствующихъ существъ, и въ реальность одушевленныхъ существъ внѣ насъ. Во что мы вѣримъ, когда утверждаемъ бытіе внѣшнихъ намъ и отъ насъ независимыхъ сознающихъ и чувствующихъ тварей? Вѣримъ ли мы просто въ ихъ чувственную форму, въ ихъ внѣшнюю видимость, въ ихъ тѣло? Довольно легко замѣтить, что нѣтъ; доказательствомъ этому можетъ служить хотя бы тотъ фактъ, что мы способны вѣрить и въ посмертное существованіе нашихъ ближнихъ, когда ихъ тѣло умерло и разрушилось. Или мы вѣримъ въ ихъ нематеріальную душу? Но многіе люди вовсе отрицаютъ понятіе души и все-таки вѣрятъ въ своихъ ближнихъ. Что же служить

1) „Вопр. Фил. и Псих.“. Кн. XXXIII, стр. 419—423.

предметомъ вѣры въ данномъ случаѣ? Вѣра относится къ тому же самому, къ чему относится наша вѣра въ нашу собственную реальность; мы вѣримъ въ предполагаемую внутреннюю индивидуальность подобныхъ намъ существъ, въ ихъ чувство, мысль, волю и въ реальный субъектъ этой мысли, воли и чувства. „Вѣра относится не къ отвлеченному принципу и не къ чувственному явленію, а къ самой реальности чужого существа, которое существуетъ для себя такъ же, какъ я для себя существую, т.-е. къ его мыслящей, чувствующей, дѣйствующей силѣ, къ его *являющейся индивидуальности*, или субъекту, и ни къ чему другому“¹⁾).

Это бросаетъ свѣтъ и на вопросъ о томъ, во что мы вѣримъ во внѣшнемъ мірѣ вообще. „Единственная реальность, которая дана непосредственно моему сознанию, есть реальность моего субъекта, и потому я естественно понимаю всякую другую реальность черезъ эту и по аналогіи этой“. Понятіе о реальномъ существѣ имѣетъ корень въ представленіи о живомъ существѣ, т.-е. о психической силѣ въ ея явленіи,—объ „энергіи“, какъ выражался Аристотель. Вначалѣ между одушевленнымъ и неодушевленнымъ, между существомъ и вещью вовсе не кладется различія: все, что сознается реальнымъ, тѣмъ самымъ олицетворяется. Объ этомъ свидѣтельствуютъ психологія, антропологія, языкъ всѣхъ народовъ. Лишь постепенно человѣкъ научается различать вещь, какъ фиктивное существо, отъ дѣйствительнаго индивидуальнаго существа. Но все же, какъ бы ни силились мы возможно яснѣе провести границу между существомъ и вещью, мы не въ состояніи обойтись безъ нѣкоторой индивидуализаціи, олицетворенія, разъ мы признали данную вещь реальной. Все то, что не есть простой объектъ, который существуетъ только для какого-нибудь субъекта,—существуетъ и *для себя*, т.-е. будучи объектомъ, есть въ то же время *субъектъ*. Поэтому если мы видимъ въ ма-

1) „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. XXXIII, стр. 423—425.

теріи нѣчто большее, чѣмъ простой объектъ сознанія, мы по необходимости признаемъ, что она существуетъ не только для насъ, но и для себя самой, т.-е. не только какъ объектъ, но и какъ *субъектъ*. „И въ такомъ случаѣ мы можемъ мыслить этотъ признаваемый нами субъектъ во всевозможныхъ категоріяхъ сущаго: какъ единый универсальный субъектъ; какъ одну міровую силу, являющуюся нашему сознанію; какъ множество отдѣльныхъ взаимодействующихъ субъектовъ—монадъ или живыхъ центровъ силъ, или какъ множество такихъ относительныхъ центровъ, объединенныхъ въ одномъ субъектѣ высшаго порядка“ 1).

Такимъ образомъ между религіозной вѣрой и той вѣрой, которая является основнымъ началомъ нашего познанія, не лежитъ никакой бездны: предметъ и той, и другой есть сущее, какъ реальный, являющій себя, невещественный субъектъ, иначе сказать, какъ духъ. И только такая вѣра въ сущее, какъ духовное начало, имѣетъ въ себѣ внутреннее оправданіе: какъ реальное, подлинное воспріятіе сущаго, вѣра мыслима лишь въ томъ случаѣ, если это сущее есть нѣчто сродное нашей подлинной реальности, т.-е. нашему духовному существу. Во внутренней духовности сущаго получаютъ свое настоящее обоснованіе раньше рассмотрѣнныя нами его опредѣленія, какъ являющагося и какъ мыслимаго. Міръ, какъ явленіе и какъ идея, предполагаетъ чувствующій и мыслящій субъектъ; и съ другой стороны, лишь сродное мысли и чувству, т.-е. лишь объектъ, тождественный по существу съ своимъ субъектомъ, могутъ быть объективно мыслимы и чувствуемы. Поэтому только духовное можетъ быть воспріято и понято духомъ, и только оно можетъ составить предметъ конкретнаго, объективнаго знанія 2).

Но разъ вѣра даетъ намъ непосредственное воспріятіе сущаго, то не лежитъ ли въ ней самостоятельный источникъ абсолютнаго вѣдѣнія, какъ то признавали мистики

1) „Вопр. Фил. и Псих.“ Кн. XXXIII, стр. 425—427.

2) Тамъ же. Кн. XXXIII, стр. 427—429.

различныхъ временъ и народовъ? Не должны ли мы развивать въ себѣ исключительно эту способность непосредственнаго воспріятія истинно сущаго, постепенно умерщвляя свою чувственность и приводя въ молчаніе самую мысль свою? „Не должны ли мы отвлечься отъ внѣшняго воспріятія, отъ самой мысли нашей, чтобы въ нѣдрахъ нашего духа найти „самость“, абсолютный субъектъ сущаго, его „атманъ“, какъ выражаются Упанишадъ?“ Этимъ мы приходимъ къ *мистическому идеализму*, который всрѣчается въ различныхъ формахъ у многихъ мыслителей XIX столѣтія, исходившихъ изъ критики отвлеченнаго рачіонализма и искавшихъ въ вѣрѣ и откровеніи восполненія расудочной философіи ¹⁾.

Переходя къ критикѣ мистическаго идеализма, князь С. Н. Трубецкой даетъ блестящій очеркъ мистическихъ ученій о познаніи абсолютнаго, приводя чрезвычайно интересныя цитаты изъ Упанишадъ, Нѣмецкой Теологіи, Мейстера Эккарта и др. ²⁾ Онъ показываетъ, какъ глубоко были убѣждены мистики всѣхъ временъ въ томъ, что въ состояніи экстаза и отрѣшенности отъ всего конечнаго душа ихъ, погружаясь въ основу собственнаго существа, тѣмъ самымъ сливается съ Божественной основой всѣхъ вещей. Онъ отказывается рѣшать вопросъ о томъ, дѣйствительно ли подвижники, погруженные въ мистическое созерцаніе, пріобрѣтаютъ высшія способности ясновидѣнія въ пространствѣ и времени, которыя имъ такъ часто приписывались. Тѣмъ не менѣе онъ не считаетъ возможнымъ безусловно отвергать существованіе такихъ способностей. На это одинаково не имѣютъ права ни истинный эмпирикъ, не знающій ничего внѣ относительной сферы явленій нашего ограниченнаго сознанія, ни идеалистъ, признающій абсолютный духъ въ основѣ всѣхъ отношеній между отдѣльными существами. Въдъ трансцендентальныя условія чувственности, ставящія

1) „Вопр. Фил. и Псих.“. Кн. XXXIII, стр. 429.

2) Тамъ же. Кн. XXXIV.

границы въ пространствѣ и времени для нашего нормальнаго эмпирическаго сознанія, не имѣютъ въ себѣ ничего абсолютнаго и во всякомъ случаѣ ихъ власть не можетъ распространиться на абсолютнаго духа. Между тѣмъ всякое объективное, относительное существованіе обусловливается въ концѣ концовъ абсолютнымъ сверхвременнымъ и сверхпространственнымъ субъектомъ, и поэтому для отдѣльнаго сознанія не исключается возможность имѣть, чрезъ посредство своей сверхчувственной основы, апіорное и внутреннее воспріятіе отношеній между вещами, которое возвышается надъ условіями и законами обычнаго эмпирическаго воспріятія ¹⁾).

Но какъ бы мы ни смотрѣли на природу тѣхъ психологическихъ фактовъ, съ которыми связано мистическое созерцаніе вещей, это не устраняетъ коренныхъ недостатковъ мистицизма, какъ міровоззрѣнія, заявляющаго притязаніе на обладаніе полною и исключительною истиною. Ища Божественной сущности въ отрѣшеніи отъ чувственнаго воспріятія, въ отказѣ отъ мысли, въ погашеніи своей индивидуальности и своего я, полагая, что только этимъ путемъ можно достигнуть сліянія съ нею, мистики тѣмъ обращали самую эту сущность въ нѣчто лишенное всякаго я, всякой мысли и всякаго чувства,—въ безсознательный вѣчный покой, въ нирвану. Абсолютное изъ законченной полноты реальности у нихъ превращается въ совершенное отрицаніе реальности. Соотвѣтственно этому и міръ, въ ихъ глазахъ, оказывался обманчивымъ призракомъ, закрывающимъ отъ насъ истинную основу бытія. Но провозгласить призрачность міра не значитъ еще объяснить его. Откуда міръ возникъ и зачѣмъ? Допустимъ, что онъ—простой призракъ, но вѣдь не призракъ та мысль, которая его стремится познать и имъ обманывается; что мы въ самомъ дѣлѣ думаемъ, этого у насъ никто отнять не можетъ. На всѣ эти недоумѣнія мы не находимъ у сторонниковъ мистическаго ученія

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“. Кн. XXXIII, стр. 564—565.

Вопросы философіи, кн. 81.

никакого дѣйствительнаго отвѣта. Мистики всѣхъ временъ и народовъ сходятся довольно близко въ той части своего ученія, которая возводитъ насъ къ непосредственному созерцанію абсолютнаго; но попытки понять природу и мірозданіе изъ абсолютнаго представляютъ у нихъ самый пестрый хаосъ противорѣчивыхъ мнѣній и фантастическихъ положеній. А между тѣмъ каждый изъ мистиковъ претендуетъ на внутреннее, полное пониманіе вещей въ ихъ истинномъ существѣ. Не ясно ли, что они принимаютъ за откровеніе истины субъективныя порожденія своей фантазіи и что только въ рациональной философской и научной критикѣ можетъ заключаться выходъ изъ этого заколдованнаго царства мнимаго знанія ¹⁾?

Въ своихъ окончательныхъ выводахъ мистическое умозрѣніе приводитъ къ нирванѣ индійскаго пантеизма. Что же заставляетъ мысль отказаться отъ подобнаго результата, признать его одностороннимъ и перейти къ болѣе конкретнымъ формамъ идеализма? „Дѣйствительность, познаваемая умомъ и чувствомъ и предполагающая разумъ и чувство,—конкретное сознаніе, которое противорѣчитъ отвлеченному мистицизму въ области опыта, умозрѣнія, нравственности, самой религіи. Въ этомъ конкретномъ сознаніи, слѣдовательно, и нужно искать критерій знанія“ ²⁾.

Источника истиннаго знанія слѣдуетъ искать въ нашемъ конкретномъ сознаніи. Эмпирики искали его въ чувственномъ опытѣ, отрицая всякія апріорныя, логическія основанія этого опыта; рационалисты искали его въ чистомъ отвлеченномъ мышленіи, мистики—въ непосредственномъ имманентномъ воспріятіи сущаго. „И недостатокъ этихъ трехъ общихъ представленій о природѣ человѣческаго познанія заключается не въ томъ, что они признаютъ, а въ томъ, что они игнорируютъ или отрицаютъ“. Отрицая въ нашемъ познаніи присутствіе универсальнаго логическаго начала,

1) „Вопр. Фил. и Псих.“. Кн. XXXI, стр. 575—576.

2) Тамъ же. Кн. XXXI, стр. 577.

эмпиризм искажает действительную природу опыта и приводит въ своемъ послѣдовательномъ развитіи къ „логическому отрицанію логики“, т.-е. къ чистому скептицизму. Равнымъ образомъ и отвлеченный раціонализмъ, принимая чистую мысль или чистое понятіе за нѣчто безотносительное, на самомъ дѣлѣ лишаетъ мысль ея реально-логическаго основанія, ставитъ ее въ противорѣчіе съ дѣйствительностью и приводитъ къ своей противоположности—къ философіи ирраціональнаго, безсознательнаго и непознаваемаго. Наконецъ, и мистицизмъ не обосновываетъ конкретнаго познанія дѣйствительности, а скорѣе упраздняетъ всякую дѣйствительность; онъ приводитъ къ *акосмизму*, къ міроотрицанію и наполняетъ мѣсто исчезнувшей дѣйствительности грезами фантазіи ¹⁾).

На самомъ дѣлѣ источникъ нашего знанія о сущемъ лежитъ въ конкретной дѣятельности нашего чувствующаго, мыслящаго, волящаго духа, и нельзя искать его въ какой-нибудь одной его способности. Нашъ дѣйствительный опытъ обусловленъ а priori универсальными законами нашего воспріятія и нашей мысли, которая въ свою очередь обусловлена своимъ внутреннимъ имманентнымъ отношеніемъ къ истинно сущему; всякое иное пониманіе опыта неизбежно ведетъ насъ къ иллюзионизму. Наша мысль не порождаетъ познаваемую дѣйствительность, а имѣетъ въ ней свое основаніе, — при всякомъ другомъ пониманіи она перестаетъ быть логичной и не можетъ быть органомъ реального познанія. Наконецъ, наша вѣра есть объективное условіе реального воспріятія сущаго въ мышленіи и опытѣ: она заключаетъ въ себѣ сознаніе реальности мыслимыхъ и воспринимаемыхъ нами существъ, соотносящихся съ нашимъ собственнымъ существомъ; съ другой стороны, это соотношеніе нашего существа къ другимъ существамъ никогда не могло бы быть создано, еслибъ оно не выражалось въ чувствѣ и мысли. Такимъ образомъ, эмпиризмъ, раціонализмъ

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“. Кн. XXXV, стр. 733—734.

и мистицизмъ являются намъ какъ условныя, отчасти искусственныя точки зрѣнія, на которыя мы становимся при рѣшеніи основной проблемы познанія, отвлекаясь отъ живой полноты отношеній нашего сознанія къ конкретной дѣйствительности ¹⁾).

„Основнымъ даннымъ нашего сознанія является универсальная соотносительность сущаго“. Между тѣмъ ни эмпиризмъ, ни рационализмъ, ни мистицизмъ не только не даютъ ей объясненія, но нерѣдко прямо ей противорѣчатъ. Въ этомъ же заключается недостатокъ всякой ложной метафизики, напримѣръ, матеріализма, дуализма, отвлеченнаго монизма, монадологіи. Во всѣхъ этихъ ученіяхъ либо признается множество субстанцій, независимыхъ другъ отъ друга, при чемъ соотношеніе ихъ является совершенно необъяснимымъ, либо же признается единая субстанція, въ которой теряется различіе соотносящихся вещей, а слѣдовательно и не можетъ быть никакого соотношенія. То же повторяется и въ тѣхъ метафизическихъ теоріяхъ, которыя выросли на почвѣ критики разума Канта, потому что и въ нихъ либо отрицаются какія бы то ни было отношенія внѣ нашего субъективнаго сознанія, либо самый субъектъ нашего сознанія или даже самая мысль наша признаются безотносительными.

На дѣлѣ нѣтъ ни безотносительной мысли, ни безотносительныхъ, чистыхъ состояній сознанія, ни безотносительнаго воспріятія, ни чистаго опыта. Въ дѣйствительности все соотносится, и *быть* значитъ относиться. Бытіе безъ отношеній, чистое *безотносительное* бытіе равняется небытію. Все, что есть, существуетъ въ какомъ-нибудь отношеніи, и что ни въ какомъ отношеніи не существуетъ, то не имѣетъ никакого бытія. „Не даромъ самый глаголь „быть“ имѣетъ значеніе связи; и тамъ, гдѣ мы употребляемъ его самостоятельно, гдѣ мы утверждаемъ про какую-нибудь вещь, что она *есть* вообще, не опредѣляя, какъ и что она есть, мы утвер-

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“. Кн. XXXV, стр. 734—737.

ждаемъ лишь общее отношеніе къ дѣйствительности, неопредѣленную безконечность ея отношеній къ совокупности вещей. Отношеніе есть основная категорія нашего сознанія и основная категорія сущаго¹⁾.

Соотносительность, обуславливающая всѣ формы нашего сознанія и познаванія, заключаетъ въ себѣ и критерій нашего знанія: „критерій отдѣльныхъ нашихъ убѣжденій, понятій, представленій, воспріятій заключаетъ въ ихъ соотношеніи, въ соотношеніи нашего познающаго субъекта ко всей совокупности познаемаго сущаго“. Очень важнымъ моментомъ такого соотношенія является наше согласіе съ другими разумными существами: субъективное представленіе существуетъ для меня одного; объективное — существуетъ для всѣхъ и черезъ это получаетъ обязательный характеръ²⁾.

Философія есть раціональная переработка данныхъ сознанія. Между тѣмъ основнымъ даннымъ сознанія является соотносительность нашего существа съ другими существами; поэтому коренной вопросъ теоретической философіи есть вопросъ о томъ, что такое соотношеніе между существами, въ чемъ оно состоитъ, какъ оно возможно и какъ оно познается нами? Всякая философія, стремящаяся понять міръ, какъ цѣлое, пытается объяснить универсальную связь вещей въ ея соотношеніи къ нашему разуму, или къ нашему сознанію. Одна изъ наиболѣе распространенныхъ попытокъ объяснить эту связь заключаетъ въ ученіи о единой субстанціи, лежащей въ основаніи всѣхъ вещей. Своего классическаго выраженія это ученіе достигло въ системѣ Спинозы. Однако, изъ односторонняго и абстрактнаго предположенія о чистомъ единствѣ и неизмѣнномъ пребываніи абсолютной субстанціи не объясняется множество и различіе отдѣльныхъ вещей, не объясняется ихъ конкретное соотношеніе другъ къ другу и къ нашему сознанію, не объясняется міръ явленій во времени и про-

1) „Вопр. Фил. и Псих.“. Кн. XXXV стр. 737—739.

2) Тамъ же. Кн. XXXV, стр. 741—742.

странствѣ. Въ теоріяхъ спинозическаго типа субстанція оказывается условнымъ и даже отрицательнымъ понятіемъ, она обращается въ простую *потенцію* явленій и отношеній и тѣмъ самымъ перестаетъ быть абсолютной; при этомъ самая возможность для нея быть такою *потенціей* множественности формъ жизни представляется гадательной и необоснованной. Но если понятіе единой субстанціи является непригоднымъ, то какъ объяснить связь вещей или существъ, связь *я* и *не-я*,—субъекта и объекта ¹⁾?

Какъ мы уже знаемъ, эта связь прежде всего обусловлена формами нашей чувственности и нашей мысли: явленія протекаютъ въ чувственныхъ формахъ пространства и времени; они подчиняются универсальнымъ законамъ, благодаря которымъ каждая вещь получаетъ свою конкретную опредѣленность въ совокупности другихъ вещей. Съ другой стороны, эта связь является намъ какъ реальное взаимодѣйствіе силъ, въ основаніи котораго мы вынуждены допустить реальное единство, которое дѣйствительно заключаетъ въ себѣ живую мощь всѣхъ отношеній и всѣхъ различій. Такое абсолютное всеединство не есть чисто-логическій синтезъ, изъ котораго нельзя было бы объяснить реального взаимодѣйствія вещей. И въ то же время абсолютное всеединство не есть простое единство субстанціи, въ которомъ упраздняются всѣ конкретныя различія между существами. Понятно поэтому возникновеніе ряда попытокъ примирить понятіе абсолютной субстанціи, какъ пребывающей основы всѣхъ вещей, съ понятіемъ *субъекта*, какъ дѣятельнаго начала, обусловливающего дѣйствительное объективное существованіе въ разнообразіи его данныхъ отношеній. Въ этомъ смыслѣ ученіе объ универсальной соотносительности сущаго нашло себѣ обоснованіе въ „абсолютномъ идеализмѣ“ нѣмецкихъ философовъ, — въ признаніи тождества субъекта и объекта.

Это ученіе, получившее въ системѣ Гегеля столь яркое

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“. Кн. XXXV, стр. 743, 748—750.

выраженіе, пало жертвой своей ложной отвлеченности. Но отвлеченность нѣмецкаго идеализма не должна мѣшать намъ видѣть его основную правду. Реально - логическая связь вещей, внѣ которой ничто не можетъ быть мыслимо и ничто не можетъ существовать, предполагаетъ реально-логическое единство. Взаимодѣйствіе духа и природы, субъекта и объекта предполагаетъ основное единство въ ихъ различіи, универсальное всеединство духа съ его противоположною, мысли съ реальнымъ бытіемъ. Таковъ естественный и законный результатъ нѣмецкаго идеализма послѣ Канта. Но однимъ этимъ общимъ результатомъ ограничиться нельзя; „требуется раскрыть опредѣленія абсолютнаго и доказать его изъ него самого, т. е. показать въ немъ истинное универсальное основаніе *всего* сушаго, *всей* дѣйствительности во всемъ ея объемѣ“. Вотъ этой-то задачи нѣмецкій идеализмъ и не выполнилъ: онъ превращалъ абсолютное въ *отвлеченное* начало, противоположное дѣйствительности и безсильное объяснить индивидуальное содержаніе живого міра ¹⁾.

Что же нужно для истиннаго конкретнаго опредѣленія абсолютнаго? Требуется найти такое его опредѣленіе, которое могло бы обосновывать дѣйствительность, т. е. міръ существъ и вещей въ ихъ актуальномъ отличіи отъ абсолютнаго. Абсолютное не есть ни только субстанція, ни только субъектъ. Если оно обосновываетъ нѣчто, отъ него отличное, — *свое другое*, — то слѣдовательно, оно существуетъ не только *о себѣ* (an sich) и *для себя* (für sich), но и *для всего другого*. Безъ отношенія субъекта къ опредѣленному объекту нѣтъ ни воли, ни мысли, ни чувства, ни сознанія, — нѣтъ актуальнаго, дѣйствительнаго субъекта. Поэтому „только въ своемъ *альтруизмѣ*, т. е. какъ бытіе *для всего другого*, абсолютное есть универсальное и *актуальное* абсолютное, обнимающее въ себѣ полноту бытія... Въ этомъ существенномъ бытіи для другого, въ этомъ альтруизмѣ абсолютнаго

1) „Вопр. Фил. и Псих.“. Кн. XXXV, стр. 750—752.

заключается внутреннее, положительное основаніе его безусловности“. Вслѣдствіе этого *другое* абсолютнаго, или міръ рядомъ съ Богомъ, не можетъ служить для него границей или отрицаніемъ. Наоборотъ, потенція этого другого есть на самомъ дѣлѣ безконечная мощь творческаго самоопредѣленія, внутренняя свобода Божества, не ограниченнаго своей самостью и имѣющаго въ себѣ начало всѣхъ возможныхъ отношеній. Поэтому и дѣйствительный міръ конечныхъ существъ, въ своемъ отношеніи къ абсолютному или Богу, есть лишь раскрытіе его безпредѣльной свободы и мощи, его *всемощества*.

Изъ этого ясно, что „бытіе для другого“ не составляетъ исключительнаго опредѣленія относительной и обусловленной дѣйствительности: оно представляетъ внутреннее опредѣленіе сущаго, какъ такого; про абсолютное нельзя сказать ни того, что оно по своему бытію относительно, ни того, что оно безотносительно,—оно сверхотносительно, потому что въ немъ источникъ всякихъ отношеній для всего, что существуетъ. Абсолютное не ограничивается ничѣмъ, оно не можетъ ограничиваться и какими-нибудь отвлеченными опредѣленіями собственнаго существа. Поэтому истинное его опредѣленіе является въ тоже время конкретнымъ. Абсолютный субъектъ, сущій не только для себя, но и для всего другого, перестаетъ быть отвлеченною самостью: это конкретный, себя объективирующій и опредѣляющій духъ, носящій въ самомъ себѣ абсолютное начало своего самоопредѣленія. Въ нашемъ собственномъ субъектѣ и въ единствѣ нашего сознанія мы имѣемъ образъ и подобіе этого универсальнаго духовнаго всеединства ¹⁾.

Абсолютное, какъ самоопредѣляющійся субъектъ, есть *лицо* или безконечный личный духъ. Понятіе личности въ приложеніи къ абсолютному не только не заключаетъ въ себѣ внутренняго противорѣчія, но прямо вытекаетъ изъ его общаго опредѣленія, какъ утверждающаго себя субъ-

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“. Кн. XXXV, стр. 753—757.

екта, существующаго для себя и для другаго, (т. е. опредѣленнаго субъекта). Далѣе абсолютное, какъ реальный и конкретный самоутверждающійся субъектъ, по необходимости есть субъектъ *волящій*. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы абсолютное могло опредѣляться, какъ чистая, безотносительная воля: дѣйствительная воля существуетъ лишь тамъ, гдѣ она имѣетъ предметъ воленія или полагаетъ себѣ такой предметъ. Воля предполагаетъ въ субъектѣ отношеніе къ другому, и это другое либо дано ему извнѣ, либо полагается имъ самимъ. Но абсолютному ничто извнѣ дано быть не можетъ, поэтому свое другое, міръ относительныхъ вещей, оно неизбѣжно полагаетъ отъ себя. „Если конечный, ограниченный субъектъ можетъ въ дѣятельности своей воли эгоистически утверждать свое „я“, отрицая все то, что его ограничиваетъ, то въ абсолютномъ подобное эгоистическое „самоутвержденіе воли“ представляется логически невысказаннымъ: ибо, во-первыхъ, ничто „другое“ не можетъ ограничивать абсолютнаго, а, напротивъ того, служить его раскрытію; во вторыхъ, *отрицаніе* другаго означало бы въ абсолютномъ отрицаніе всякой опредѣленной воли, *всякой* воли вообще, не говоря уже о свободной, универсальной, сверхотносительной волѣ“. Иначе сказать, абсолютное утверждаетъ себя лишь въ своемъ альтруизмѣ, — оно полагаетъ въ себѣ *возможность* міра и раскрывается въ его дѣйствительности, какъ конкретная, всесильная и вмѣстѣ всеблагая свободная воля. Съ другой стороны, оно идеально содержитъ въ себѣ всѣ мыслимыя отношенія дѣйствительности и въ самомъ себѣ имѣетъ начало своей идеи, своего Логоса, т. е. смысла своего бытія; оно есть начало и объектъ мысли и для себя и для всего другаго: это значитъ, оно есть разумъ. Объединяя это опредѣленіе съ намѣченными раньше, мы получимъ: абсолютный духъ есть живой, личный творческій разумъ ¹⁾.

По мнѣнію князя С. Н. Трубецкаго, такое понятіе объ

1) „Вопр. Фил. и Псих.“. XXXV, стр. 757—760.

абсолютномъ, какъ бы ни казалось оно парадоксальнымъ для однихъ, простымъ и естественнымъ для другихъ, заключаетъ въ себѣ разрѣшеніе основныхъ проблемъ философіи и теоріи познанія. И прежде всего оно обосновываетъ эмпирическое познаніе природы, оправдывая предположеніе о необходимой и закономерной связи явленій дѣйствительности. Міръ явленій есть дѣйствительность, отличная отъ абсолютнаго и все же обусловленная имъ; этимъ объясняется всеохватывающій детерминизмъ, господствующій надъ ея явленіями, и вмѣстѣ относительный характеръ ея реальности въ формахъ времени и пространства. Въ свѣтѣ конкретнаго опредѣленія абсолютнаго такое относительное существованіе должно быть понято, какъ дѣйствительное *инобытіе*, какъ *другое* абсолютнаго, какъ его видимая противоположность, а не какъ простая эманация или излученіе его существа. Время, пространство, внѣшняя необходимость, внѣшнее взаимодействіе объясняются именно какъ формы *инобытія* или относительности міра, въ его отличіи отъ Всеединого Сущаго, которое въ себѣ сверхвременно, сверхпространственно и абсолютно свободно. Этимъ устанавливается совершенно самостоятельная область эмпирическаго изученія природы и исторіи ¹⁾).

Но, съ другой стороны, самый эмпиризмъ, въ критическомъ сознаниі своихъ границъ, не долженъ отрицать возможности сверхъопытнаго, раціональнаго познанія сущаго. Эмпиризмъ въ послѣдовательномъ своемъ развитіи даже приводитъ къ метафизикѣ и предполагаетъ ее. „Всеобщая соотносительность являющагося предполагаетъ универсальное сверхъотносительное основаніе и начало всѣхъ отношеній“. Существованіе конечныхъ вещей не имѣетъ въ себѣ признаковъ бытія абсолютнаго и постольку предполагаетъ такое абсолютное бытіе, въ которомъ оно имѣетъ свое основаніе. И вотъ въ конкретномъ опредѣленіи абсолютнаго мы находимъ дѣйствительное объясненіе реальности

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“. Кн. XXXV, стр. 761.

міра, а слѣдовательно и обоснованіе раціональной метафизики и теоріи познанія. Намъ становится понятнымъ, какимъ образомъ сущее вообще можетъ быть объектомъ мысли и какимъ образомъ оно можетъ и логически, и реально опредѣляться идеей. Слѣдовательно, въ этомъ опредѣленіи заключается основаніе *конкретнаго идеализма* и принципъ идеалистическаго мірообъясненія ¹⁾

Конкретное опредѣленіе абсолютнаго устанавливаетъ реальное различіе между дѣйствительностью и ея абсолютнымъ началомъ, которое понимается не только какъ ея основа или причина, но и какъ ея идеаль, — то, для чего она существуетъ. Это значить, что такое опредѣленіе включаетъ въ себѣ логическое обоснованіе нравственной философіи и соотвѣтствуетъ требованіямъ религіознаго сознанія. Оно устраняетъ *дуализмъ*, разрывающій между Богомъ и міромъ непроходимую пропасть, и *пантеизмъ* съ его смѣшеніемъ абсолютнаго и относительнаго бытія. Оно соотвѣтствуетъ вѣрѣ въ личнаго Бога и нравственной идеѣ Бога, какъ безконечной любви, потому что признаетъ альтруизмъ метафизическимъ опредѣленіемъ абсолютнаго существа. Оно открываетъ путь къ пониманію вселенной въ ея универсальномъ детерминизмѣ и вмѣстѣ въ свободѣ ея внутренняго самоутвержденія. Изъ всего этого ясно, что конкретный идеализмъ „есть необходимый постулатъ опыта и умозрѣнія, точно такъ же, какъ и религіознаго вѣры“ ²⁾.

IV.

Такъ кончаются „Основанія идеализма“. Я очень сожалѣю, что и безъ того очень обширные размѣры моей статьи не позволяютъ мнѣ внимательно рассмотреть другихъ философскихъ статей князя С. Н. Трубецкаго. Мое изложеніе слишкомъ затянулось. Въ свое оправданіе я долженъ со-

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“. Кн. XXXV, стр. 761—763.

²⁾ Тамъ же. Кн. XXXV, стр. 764—765.

слаться на чрезвычайную важность именно статей „О природѣ человѣческаго сознанія“ и „Основанія идеализма“ для пониманія философскихъ взглядовъ покойнаго. Въ нихъ вылилось все его философское міровоззрѣніе въ его цѣломъ, какъ оно развилось въ періодъ его научной зрѣлости и съ тѣми переменами, которыя произошли въ его идеяхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ его наиболѣе интенсивнаго умозрительнаго творчества. Между тѣмъ появились эти статьи уже давно и отдѣльно напечатаны не были. Притомъ по своему содержанію онѣ могутъ показаться трудными для читателей неспеціалистовъ по своей отвлеченности и сложности построенія. Вотъ почему, въ виду общаго напряженнаго интереса ко всему, что касается личности князя С. Н. Трубецкого, я рѣшился подробно изложить ихъ, придавъ въ то же время возможно болѣе простую форму егоразсужденіямъ. Конечно, можно было бы ограничиться суммарной передачей его окончательныхъ заключеній, но въ такомъ случаѣ многое въ нихъ, пожалуй, показалось бы непонятнымъ и загадочнымъ.

Изъ остальныхъ философскихъ статей покойнаго особенно выдѣляются „Детерминизмъ и нравственная свобода“ и „Вѣра въ безсмертіе“. Въ первой статьѣ авторъ обосновываетъ свободу воли изъ возможности для нашего дѣятельнаго „я“ возвышаться надъ всякими частными, индивидуальными и чувственными мотивами и всецѣло подчиняться идеальнымъ побужденіямъ, внушеннымъ мыслию о нравственномъ долгѣ. Вторая представляетъ наиболѣе изящное философское изслѣдованіе князя С. Н. Трубецкого. Проблема въ немъ рѣшается чрезвычайно своеобразно: для безсмертія души нѣтъ ни эмпирическихъ, ни умозрительныхъ доказательствъ; вѣра въ него вытекаетъ исключительно изъ присущаго намъ нравственнаго сознанія вѣковѣчнаго значенія и достоинства каждой отдѣльной личности. Замѣчательно при этомъ, что самъ князь С. Н. Трубецкой былъ убѣжденъ въ истинѣ безсмертія самымъ непоколебимымъ и конкретнымъ образомъ. Помню мой одинъ разговоръ съ нимъ

на эту тему. На мой вопросъ, вѣрить ли онъ въ личное безсмертіе, онъ отвѣтилъ: „Я не могу даже сказать, что въ него вѣрю, я просто о немъ *знаю*. Знаю такъ же, какъ знаю, что есть Америка и разные города въ ней, хотя я никогда тамъ не бывалъ“.

Что сказать объ общемъ философскомъ міросозерцаніи князя С. Н. Трубецкого? Оно очень оригинально и очень содержательно. Оно даетъ не только новыя формулы для давно сложившихся, общепринятыхъ взглядовъ,—оно рисуетъ свою собственную, во многомъ совсѣмъ новую картину дѣйствительности. Система князя Трубецкого есть идеалистическій спиритуализмъ, но съ ясно замѣтнымъ колоритомъ панлогизма; мысль о томъ, что все причастно опредѣленіямъ разума и только черезъ нихъ получаетъ свою наличную реальность, возвращается у него такъ часто и облекается въ такія разнообразныя формы, что это иногда порождало представленіе о немъ, какъ о послѣдователѣ Гегеля, хотя все предшествующее изложеніе можетъ служить доказательствомъ, насколько невѣрна такая характеристика. Вообще, въ признаніи истинной дѣйствительности только за бытіемъ универсальнымъ и въ воззрѣніи на все индивидуальное и частное, какъ на простое явленіе всемірнаго духа, у князя Трубецкого сказывается несомнѣнная пантеистическая тенденція. Но въ окончательномъ итогѣ его пониманія абсолютнаго существа получается отчетливо выраженный *теизмъ*, согрѣтый теплымъ религіознымъ чувствомъ. Въ нѣкоторыхъ взглядахъ онъ очень сближается съ Вл. Соловьевымъ, напр., въ ученіи о мірѣ, какъ *другомъ* абсолютнаго, въ ученіи о формахъ міроваго бытія,—пространствѣ, времени, внѣшней необходимости,—какъ превращенныхъ въ свою противоположность опредѣленій Божества,—его всеединства, вѣчности, свободы,—въ ученіи о міровой душѣ и т. д. Впрочемъ, отождествляя душу міра съ трансцендентальнымъ субъектомъ нашей и всеобщей чувственности въ смыслѣ Капта, князь С. Н. Трубецкой отличается отъ Соловьева, для котораго понятіе міровой души имѣло не

столько гносеологическое, сколько метафизическое и космологическое значеніе.

Что касается отношенія къ славянофиламъ, то я уже раньше отмѣтилъ, что князь Трубецкой въ своихъ „Основаніяхъ идеализма“ очень значительно эмансипировался отъ ихъ первоначальнаго вліянія. Тѣмъ не менѣе основное понятіе его гносеологіи,—посредство вѣры,—общее у него съ ними. Можно, однако, думать, что въ дальнѣйшей разработкѣ своихъ взглядовъ онъ едва ли остался бы при этомъ понятіи въ томъ его видѣ, какой оно получило въ „Основаніяхъ идеализма“, подобно тому, какъ онъ пересталъ говорить о „сборности сознанія“, хотя она въ статьѣ „О природѣ человѣческаго сознанія“ является главнымъ принципомъ объясненій. Въ самомъ дѣлѣ, понятіе вѣры въ „Основаніяхъ идеализма“ замѣтно колеблется въ своемъ смыслѣ: оно означаетъ то непосредственное и прямое воспріятіе независимой отъ насъ реальности, то вѣру, въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. убѣжденіе въ существованіи такой дѣйствительности, которая прямо намъ не дана, то, наконецъ, первоначальное и непосредственное единство познающаго духа и познаваемой реальности, которое существуетъ раньше всякаго сознанія, а въ сознаніе переходитъ только въ формѣ чувства и мысли. По преимуществу вызываетъ сомнѣніе тезисъ, что вѣра есть особый, третій источникъ познанія, рядомъ съ чувственностью и разумомъ. Этотъ тезисъ безспорно находится въ нѣкоторомъ разногласіи съ положеніемъ, по которому нашъ сознающій субъектъ въ каждомъ проявленіи своей жизни и въ каждомъ актѣ познанія метафизически выходитъ изъ себя и совершенно реально соприкасается съ независимой отъ него дѣйствительностью. Если это такъ, то характеристика, даваемая нашей чувственности и разуму сторонниками иллюзіонизма и феноменализма, просто невѣрна и съ нею незачѣмъ считаться. Тогда и чувственность, и разумъ имѣютъ дѣло съ реальными данными, а не съ субъективными призраками; тогда если и существуетъ въ нашей душѣ внутреннее мистическое

воспріятіе чужой духовности, оно не можетъ признаваться *единственнымъ* условіемъ реальности нашего знанія. Возможно также, что въ дальнѣйшемъ развитіи системы нѣсколько иначе опредѣлилось бы отношеніе собственной гносеологіи князя Трубецкого къ теоріи познанія Канта: въ изложенныхъ нами статьяхъ онъ, пожалуй, больше кантіанецъ, чѣмъ это дозволяли послышки его міросозерцанія. Разъ онъ разсматривалъ всѣ логическія категоріи, какъ результатъ отношенія мысли къ реальности, разъ онъ считалъ аксіомы мысли разумными лишь потому, что онѣ обладаютъ объективной истиной, разъ онъ вообще признавалъ субъективно-идеалистическую теорію Канта о наложеніи чистыхъ формъ чувственности и разсудка на чуждый имъ матеріаль принципіально-ложною, — у него оставалось мало общаго съ Кантомъ.

Но, конечно, не въ этихъ недочетахъ и недомолвкахъ заключается внутренній интересъ философскихъ идей князя С. Н. Трубецкого: ихъ сила въ томъ, что онѣ слагались въ необыкновенно ясный и возвышенный взглядъ на смыслъ жизни. Духовность и разумность всего реальнаго въ его истинной сути и реализація во всей видимой природѣ универсальныхъ законовъ космическаго Логоса, изначальное господство законовъ любви и солидарности надъ всѣми отношеніями живыхъ существъ, вселенское верховенство чловѣка и чловѣчества, какъ органовъ идеала нравственной правды, наконецъ признаніе самой Божественной основы міра за безконечную творческую любовь, — таковы не теоретическія только предположенія, но убѣжденія и вѣрованія покойнаго князя С. Н. Трубецкого, которыми онъ жилъ. Подобно идеалистамъ древности, онъ чуялъ во всѣхъ явленіяхъ вдохновляющее присутствіе разумной, дружественной силы, неудержимо влекущей къ добру и красотѣ. Небо казалось ему свѣтлымъ и чистымъ, зовущимъ къ свободной творческой работѣ и безкорыстнымъ подвигамъ, а не хмурымъ и жуткимъ, отпугивающимъ своею загадочностью и пустынностью и внушающимъ одну мысль о лютой борь-

бѣ за свое ничтожество. Въ душѣ его жила гармонія, и онъ видѣлъ несокрушимую, Божественную гармонию во всемъ живущемъ.

Въ существѣ своихъ воззрѣній князь С. Н. Трубецкой былъ мистикъ. На мистиковъ принято смотрѣть, какъ на людей чуждыхъ жизни, лишнихъ въ ней, отвернувшихся отъ нея ради своихъ темныхъ субъективныхъ фантазій. И вотъ на нашихъ глазахъ прошли два друга: Вл. С. Соловьевъ и князь С. Н. Трубецкой. Оба они были несомнѣнные мистики, оба глубоко вѣрили въ то, надъ чѣмъ большинство современныхъ людей высокомерно смѣется. А какія это были крупныя общественныя силы, какъ много они боролись, какъ много они дали, какъ много зажгли сердецъ хорошимъ, гуманнымъ огнемъ! Какимъ ослѣпительно свѣтлымъ представляется пройденный ими жизненный путь! Отчего же это? Отвѣтъ, мнѣ кажется, коротокъ: между мыслию и дѣятельностью у нихъ не было никакого разрыва; они жили, какъ вѣрили, а вѣра ихъ была высокая и вдохновляющая.

Они твердо и замѣчательно конкретно вѣрили въ то, о чемъ другіе если и мечтаютъ, то все же считаютъ это только за мечту. Почему же на ихъ долю досталось такое счастье? Потому что если искренно и серьезно усвоенное міросозерцаніе человѣка отражается на его характерѣ, на его настроеніяхъ и поступкахъ, на всей его жизни, то и обратно въ самомъ этомъ міросозерцаніи выражается глубочайшій складъ его личности. Это не значить, что въ усвоеніи своихъ вѣрованій и воззрѣній мы повинuemся исключительно внушеніямъ своихъ субъективныхъ склонностей и вкусовъ, наперекоръ голосу разума и объективнаго логическаго разсужденія. Но человѣкъ въ окружающихъ его вещахъ думать о томъ, что ему представляется интереснымъ и важнымъ. Кому хочется все ненавидѣть или кто ищетъ въ своихъ наблюденіяхъ и думахъ лишь оправданія для превращенія своей собственной особы въ предметъ всеобщаго культа, пойметъ жизнь, конечно, иначе, нежели человѣкъ, который

въ нее всматривается съ внимательнымъ и скорбнымъ сочувствіемъ. Такое соотвѣтствіе между міровоззрѣніемъ и личностью сказывается особенно рельефно у натуръ цѣльныхъ и сильныхъ. Именно такую натурою обладалъ князь С. Н. Трубецкой. Это былъ человѣкъ необыкновенно простой, дѣтски ясный, чистый и жизнерадостный и въ то же время глубокой и чрезвычайно чуткой ко всему, что въ жизни есть самаго важнаго, строгаго и серьезнаго. Его философія воплотила въ себѣ эти высокія черты его характера. Онъ не могъ видѣть мечту въ томъ, что было для него самымъ главнымъ на свѣтѣ. Онъ не могъ жить, не вѣря въ глубокой смыслъ жизни,—отъ того въ его глазахъ Богъ, нравственная правда и безсмертіе не были пустыми мечтами.

Л. Лопатинъ.

Памяти князя С. Н. Трубецкого.

(Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества
7-го октября 1905 г.).

Безвременная, трагическая кончина кн. С. Н. Трубецкого произвела тяжелое, потрясающее впечатлѣніе въ болѣе широкихъ кругахъ русскаго общества и повергла въ отчаяніе насъ, учениковъ его, близко къ нему стоявшихъ и горячо къ нему привязанныхъ. Въ лицѣ дорогого и незабвеннаго Сергѣя Николаевича мы потеряли не только выдающагося общественнаго дѣятеля, публициста и ученаго, но также искренно расположеннаго къ намъ чловека, руководителя и друга. Говорю: друга, потому что, несмотря на всю разницу положенія, возраста и познаній, С. Н. въ своемъ обращеніи съ нами всегда умѣлъ оставаться для насъ какъ бы старшимъ товарищемъ. Уже съ перваго момента появленія его на каѳедрѣ въ университетѣ между нимъ и нами завязывались совсѣмъ своеобразныя, задушевныя отношенія. Происходило это оттого, что въ самомъ его существѣ было что-то молодое, свѣтлое, располагающее къ довѣрію, а первая слова его вступительной лекціи тотчасъ же еще усиливали это прекрасное впечатлѣніе: въ нихъ онъ съ особеннымъ, проникновеннымъ чувствомъ говорилъ объ университетѣ, о его великомъ просвѣтительномъ значеніи, о наукѣ и тѣхъ отношеніяхъ взаимнаго уваженія, въ которыя, по его убѣжденію, мы должны были стремиться вступить съ нашими преподавателями. Въ простыхъ и ясныхъ, но въ то же время чрезвычайно

убѣдительныхъ выраженіяхъ призывалъ онъ насъ любить науку и университетъ, несмотря на многія стѣснительныя условія его внутренней жизни. Хорошо сознавая существенные недостатки нашего академическаго строя, онъ тѣмъ не менѣе съ большимъ воодушевленіемъ привѣтствовалъ наше вступленіе въ Московскій университетъ, говорилъ о важности этого момента въ нашей жизни и характеризовалъ его какъ освобожденіе отъ гнетущихъ условій, въ которыхъ мы находились въ средней школѣ. Здѣсь онъ особенно оживлялся и съ глубокимъ возмущеніемъ и скорбію разоблачалъ передъ нами всѣ мрачныя стороны и вредъ нашего гимназическаго преподаванія; онъ дѣлился съ нами собственными воспоминаніями о времени своего пребыванія въ гимназіи, говорилъ какъ самому ему, по выходѣ изъ этого „почтеннаго заведенія“, пришлось всему переучиваться сначала. Онъ хотѣлъ и умѣлъ пробудить въ насъ вѣру въ наши силы и энергично призывалъ насъ къ самостоятельному труду; онъ требовалъ, чтобы въ нашихъ университетскихъ занятіяхъ мы старались, по возможности, держаться на собственныхъ ногахъ и были всецѣло преданы дѣлу науки. Затѣмъ онъ говорилъ о вредѣ преждевременной спеціализаціи и настаивалъ на необходимости для каждаго изъ насъ пріобрѣсти широкое историческое образованіе. Характерно, что онъ предостерегалъ даже отъ излишняго увлеченія философіей. „Тѣ изъ васъ,—говорилъ онъ,—кто пожелалъ бы сдѣлать философію предметомъ спеціальнаго изученія, не должны забывать о значеніи для нихъ общаго историческаго образованія; философію вы будете изучать всю жизнь, а недостатокъ общаго образованія вамъ трудно будетъ пополнить впоследствии, если здѣсь вы не обратите на это должнаго вниманія“. И еще много другихъ цѣнныхъ совѣтовъ и указаній давалъ онъ своимъ юнымъ ученикамъ, и въ каждомъ его словѣ звучала такая неподдѣльная искренность, такая вѣра въ свое дѣло и любовь къ наукѣ и молодежи, что впечатлѣніе отъ его рѣчи было необычайное. Свою лекцію онъ заканчивалъ обыкновенно повтореніемъ

указанія на значеніе университета, какъ культурнаго и просвѣтительнаго центра, столь необходимаго въ наше смутное и тяжелое время. Съ глубокимъ волненіемъ въ голосъ онъ горячо убѣждалъ насъ беречь университетъ и не забывать, чѣмъ всѣ мы ему обязаны, и какъ велика его роль въ предстоящемъ освободительномъ движеніи русскаго народа.

Сергѣй Николаевичъ всегда особенно серьезно относился къ своей вступительной лекціи, справедливо признавая за ней большое педагогическое значеніе. Каждый разъ придавалъ онъ этимъ лекціямъ новую форму, и онѣ всегда привлекали громадное число слушателей, а въ послѣдніе 2 года вызывали цѣлую бурю восторга.

Я намѣренно упомянулъ объ этихъ вступительныхъ лекціяхъ покойнаго профессора, потому что съ ними для многихъ связано дорогое воспоминаніе о первой встрѣчѣ съ Сергѣемъ Николаевичемъ, и потому, что уже здѣсь, на этихъ лекціяхъ, ярко и полно выражались и его взгляды на университетскую жизнь, и его всегдашнее участіе къ студентамъ, къ ихъ нуждамъ и интересамъ.

Но какъ ни благотворно было вліяніе Сергѣя Николаевича на всю массу студентовъ, на ихъ отношеніе къ наукѣ и университету,—еще гораздо больше сдѣлалъ онъ для своихъ ближайшихъ учениковъ, для тѣхъ, на чью долю выпало счастье работать подъ его руководствомъ въ области науки, соприкасаться съ сферою его спеціальныхъ изслѣдованій и интересовъ.

Въ особой прекрасной обстановкѣ встрѣчались мы съ нимъ, и для насъ онъ былъ тѣмъ, какимъ не знали его другіе; мы видѣли его вдохновеннымъ, увлеченнымъ чистой идеей, далекимъ отъ всего, что такъ возмущало его благородное сердце и что свело его въ столь преждевременную могилу. Передъ нами раскрывалъ онъ свои обширныя познанія и съ нами щедро дѣлился ими. Какъ никто умѣлъ онъ увлечь своихъ учениковъ и поощрить ихъ къ строгому научному изслѣдованію. Стоя самъ на высотѣ современ-

наго научнаго знанія, онъ стремился поднять до этого положенія и своихъ учениковъ, побуждая ихъ не только изучать философскіе памятники, но и слѣдить, по возможности, за современной философской литературой. Всѣ иностранныя журналы, всевозможныя, даже самыя незначительныя монографіи и диссертациі онъ внимательно читалъ и изучалъ и, кажется, не было случая, чтобы, даже по самому спеціальному вопросу, затруднился онъ указать— когда кто-нибудь изъ насъ обращался къ нему за совѣтомъ— цѣлый рядъ сочиненій, которымъ онъ тутъ же, по памяти, давалъ сравнительную характеристику и оцѣнку. Мало того, не только по исторіи древней философіи, но и по исторіи древней литературы и культуры онъ всегда былъ готовъ назвать цѣлый рядъ руководящихъ сочиненій, которыя ближе характеризовали бы изучаемую философскую эпоху или даже только какой-нибудь отдѣльный моментъ ея. Какъ въ своихъ лекціяхъ и частныхъ бесѣдахъ со студентами, такъ и здѣсь, въ болѣе тѣсномъ кругу своихъ учениковъ, онъ всегда стремился къ тому, чтобы расширить кругозоръ своихъ слушателей и предостеречь ихъ отъ слишкомъ широкихъ и поспѣшныхъ обобщеній. Твердые принципы и строгіе научные методы внушалъ онъ намъ и въ то же время никогда не дѣлалъ своего преподаванія сухимъ и педантичнымъ. Въ его манерѣ говорить, въ его отношеніяхъ къ намъ, во всей его личности было что-то освобождающее и бодрое.

Строгіе результаты отвлеченнаго философскаго мышленія онъ умѣлъ поставить въ самую интимную связь съ жизнью и съ извѣстной идеей воскрешалъ передъ нами въ живыхъ образахъ и всю историческую обстановку, въ которой она возникла и получила силу. Кто бывалъ на его лекціяхъ, и особенно на его практическихъ занятіяхъ, никогда не забудетъ того искренняго воодушевленія и захватывающаго, проникновеннаго паѳоса, съ которымъ онъ говорилъ объ основныхъ моментахъ развитія античной философской мысли и характеризовалъ ея величайшихъ

представителей. Въ высшей степени обладалъ онъ даромъ конкретнаго изображенія и всегда являлся передъ нами не только тонкимъ отвлеченнымъ мыслителемъ, но также историкомъ и психологомъ. Кто слушалъ его, тому навсегда будутъ памятны его замѣчательныя характеристики Гераклита, софистовъ, Сократа, Антисѣена, Аристиппа, Платона, Аристотеля и другихъ, менѣе значительныхъ героевъ греческой философіи. При этомъ попутно онъ въ яркихъ краскахъ раскрывалъ передъ нами различныя стороны греческой общественной жизни съ ея своеобразными условіями и отношеніями.

Я уже не говорю о болѣе спеціальному курсѣ „Греческой религіи въ связи съ археологіей“, который онъ одно время читалъ параллельно съ курсомъ древней философіи и, какъ онъ самъ выражался, въ дополненіе къ нему. Даже о необыкновенномъ ярко-синемъ густомъ воздухѣ Греціи онъ умѣлъ говорить такъ, что на мгновеніе казалось, что видишь передъ собой этотъ воздухъ. Не даромъ онъ говорилъ, что четыре дня въ недѣлю живетъ съ греками. И насъ онъ училъ быть философами, не переставая быть историками.

Всѣ эти особенности его преподаванія, это совмѣщеніе строгой научности въ области спеціальнаго изученія съ даромъ конкретнаго изображенія, широтою кругозора и разнообразіемъ интересовъ сдѣлали его центромъ, вокругъ котораго группировались многочисленные слушатели и отдѣльныя работники. Изъ послѣднихъ тѣ, которымъ удавалось оставаться въ его обществѣ и пользоваться его руководствомъ болѣе продолжительное время, скоро дѣлались его горячими послѣдователями и постепенно образовали школу, которая сознательно поставила *своимъ идеаломъ* строгое историко-философское изученіе произведеній древней философской литературы и которая всегда будетъ гордиться именемъ и свято хранить память своего основателя.

Такъ плодотворна была дѣятельность кн. Сергѣя Николаевича, какъ профессора и преподавателя; но онъ не огра-

ничился ею. Его энергичная натура, разносторонний просвѣщенный умъ и пламенная любовь къ родному университету и молодежи влекли его все дальше и дальше. Горько скорбя о постоянныхъ нестроенияхъ нашей университетской жизни, серьезно опасаясь за судьбу науки въ Московскомъ университетѣ и хорошо понимая, какъ трудно требовать отъ студентовъ правильныхъ занятій при отсутствіи элементарныхъ условій академической свободы, онъ рѣшился, наконецъ, чтобы, какъ онъ самъ выражался, „спасти науку въ Московскомъ университетѣ отъ полной гибели“, основать при немъ на совершенно свободныхъ товарищескихъ началахъ такое Общество изъ профессоровъ и студентовъ, въ которомъ научныя занятія могли бы развиваться свободно, безъ всякой правительственной регламентаціи и несогласныхъ съ достоинствомъ науки стѣсненій и циркуляровъ. Благодаря своему авторитету и вліянію, а главное, колоссальному труду, затраченному имъ на это дѣло, ему, наконецъ, удалось достигнуть своей цѣли, и осенью 1902 г. было основано и 6-го октября торжественно открыто „Студенческое Историко-Филологическое Общество“ съ свободнымъ уставомъ, которое должно было преслѣдовать, на почвѣ тѣснаго общенія студентовъ съ профессорами, цѣли не только научнаго, но и общественнаго развитія и объединенія студенчества. Такъ, исключительно благодаря самоотверженнымъ усиліямъ покойнаго, возникло это своеобразное Общество, этотъ „вечерній университетъ“, какъ называлъ его С. Н. Несмотря на многія недоразумѣнія и взаимное недовѣріе студенческихъ партій, Общество это просуществовало до самаго послѣдняго времени и функционировало еще въ осеннемъ семестрѣ прошлаго академическаго года. У этого Общества, какъ у всякаго совсѣмъ новаго дѣла, были свои враги, но оно несомнѣнно сослужило московскому студенчеству великую службу: въ теченіе 4-хъ семестровъ въ немъ по всѣмъ его отдѣленіямъ кипѣла энергичная научная работа и происходилъ живой обмѣнъ мнѣній по самымъ разнообразнымъ вопросамъ общественной жизни, много спо-

собствовавший болѣе тѣсному объединенію студентовъ и подготовкѣ ихъ къ совмѣстной работѣ и дѣятельности при новыхъ условіяхъ университетской автономіи и академической свободы. С. Н. въ теченіе цѣлаго года, до самаго отъѣзда своего за границу, былъ предсѣдателемъ этого Общества и тратилъ на него буквально все свое время и всѣ свои силы. Много разъ онъ улаживалъ въ немъ внутреннія недоразумѣнія и неоднократно спасалъ его отъ внѣшней гибели, переживая въ связи съ этимъ много непріятностей и серьезныхъ волненій. Онъ, однако, не падалъ духомъ и, не щадя своего уже тогда пошатнушагося здоровья, продолжалъ энергично работать на благо науки и университета. Никогда онъ не думалъ о себѣ и никогда ни въ чемъ не отказывалъ другимъ, служа исключительно и беззавѣтно интересамъ университетскаго дѣла, въ которое онъ вѣрилъ и которому былъ такъ безусловно преданъ.

Но и основаніе „Студенческаго Историко-Филологическаго Общества“, и самоотверженные труды въ немъ С. Н. были только моментомъ въ его безкорыстной и безпримѣрной дѣятельности на благо родного университета, въ его подвижническомъ служеніи дѣлу просвѣщенія. По возвращеніи изъ-за границы, кромѣ другихъ важныхъ плановъ и дѣлъ, связанныхъ съ нравственной необходимостью принять то или иное участіе въ великихъ общественныхъ событіяхъ нашихъ дней, С. Н., какъ одному изъ самыхъ выдающихся представителей совѣта Московскаго университета и члену цѣлаго ряда комиссій, предстояла долгая и упорная борьба за университетскую автономію, необходимость которой для упорядоченія университетской жизни стала теперь болѣе настоятельной и неотложной, чѣмъ когда-либо. Уже въ концѣ осенняго семестра прошлаго академическаго года всѣ университеты въ странѣ были закрыты, и дѣлу просвѣщенія, для С. Н. всегда самому дорогому изъ всѣхъ, угрожала величайшая опасность. Можно представить себѣ поэтому, съ какой энергіей, съ какимъ напряженіемъ всѣхъ чувствъ и силъ долженъ былъ отдаться онъ этой борьбѣ

за лучшіе идеалы всей своей жизни и дѣятельности. А къ этому присоединилась еще другая борьба за болѣ общіе интересы, за политическую свободу, за благо и существованіе всей Россіи. Казалось, одному человѣку почти непосильно участіе въ столь разнообразныхъ сферахъ жизни, но кн. С. Н. проявлялъ и тамъ и здѣсь одинаковую энергію и въ обоихъ направленіяхъ дѣйствовалъ съ одинаковымъ изумительнымъ успѣхомъ. Съ теченіемъ времени становилось все болѣе очевиднымъ, что въ борьбѣ съ темными силами какъ нашей общественной, такъ и университетской жизни побѣда склоняется на сторону князя С. Н. и той партіи, которая шла подъ его мирнымъ знаменемъ. При такихъ условіяхъ выборъ его, при представившейся возможности, на должность ректора Московскаго университета былъ естественнымъ, почти неизбѣжнымъ фактомъ. С. Н. не могъ не сознавать этого и, несмотря на совѣты врачей и настоянія родныхъ, несмотря на плохое состояніе здоровья, самоотверженно, но послѣдовательно подчинился рѣшенію автономнаго совѣта Московскаго университета.

Послѣ 20-тилѣтняго мрака и униженія, въ которые были повергнуты всѣ университеты страны, С. Н. сталъ первымъ выборнымъ ректоромъ старѣйшаго и славнѣйшаго изъ русскихъ университетовъ. Онъ былъ теперь на вершинѣ своей славы, но и положеніе его стало отвѣтственнымъ и труднымъ, какъ никогда. Съ каждымъ днемъ осложняющіяся политическія условія снова поставили, теперь уже автономный, Московскій университетъ на самый край пропасти и снова заставляли лицъ, стоящихъ во главѣ его управленія, напрячь всѣ силы для его спасенія. Но силы человѣческія не безконечны, и ихъ не хватило у самоотверженнаго, но уже совсѣмъ больного и измученнаго волненіями Сергѣя Николаевича. И вотъ, не желая считаться ни съ чѣмъ, кромѣ сознанія долга, онъ умеръ на своемъ посту за наше общее дорогое дѣло, умеръ такой благородной и возвышенной смертью, какая только можетъ быть дана въ удѣлъ человѣку. И только теперь, когда онъ ушелъ отъ насъ, мы ясно

поняли, чѣмъ онъ былъ для насъ, какую свѣтлую надежду олицетворялъ онъ собой и какимъ лучезарнымъ явленіемъ прошелъ онъ по мрачному фону нашей неумолимой дѣйствительности. Какія же чувства должны мы сохранить въ своемъ сердцѣ для этого благороднаго человѣка, какой благодарностью обязаны мы ему? Единственный возможный способъ выразить ему наше благоговѣніе и нашу безконечную признательность — это продолжать начатую имъ борьбу за „свободу науки и родины“, за торжество свѣтлыхъ силъ надъ мракомъ невѣжества и гнетомъ произвола. И мы будемъ поступать такъ, и въ этотъ страшный часъ, когда его уже нѣтъ посреди насъ, тѣмъ живѣе и могущественнѣе пусть встаетъ въ насъ стремленіе непреклонно стоять за его идеалы, за все, чему онъ такъ безкорыстно и неустанно служилъ. Его доблестный примѣръ, его дорогой и незабвенный образъ будетъ намъ въ этомъ поддержкой, а его проникновенный голосъ будетъ звучать намъ одобреніемъ, когда придетъ и наша очередь исполнить свой долгъ такъ же, какъ исполнилъ его онъ, не страшась ничего и не думая о себѣ.

Борисъ Фохтъ.

Памяти князя С. Н. Трубецкого.

Имя князя Сергѣя Николаевича Трубецкого, ставшее за послѣднее время столь близкимъ каждому русскому человеку, благодаря его широкой политической и публицистической дѣятельности, гдѣ онъ смѣло и твердо выступалъ защитникомъ проявленій свободнаго духа, имѣеть для насъ, его учениковъ, болѣе глубокое и важное значеніе—учителя въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Та дѣятельность, которая прославила его и доставила ему широкую популярность въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ общества, являлась только необходимымъ слѣдствіемъ его болѣе глубокихъ убѣжденій, его общаго философско-религіознаго міросозерцанія. Это міросозерцаніе, доступное другимъ только въ формѣ безжизненнаго печатнаго слова, открывалось намъ въ личномъ общеніи и живой бесѣдѣ. Въ нашихъ совмѣстныхъ занятіяхъ мы не только могли отвлеченно понимать тѣ или иныя философскія положенія, но вполне конкретно переживать ихъ.

Основной чертой покойнаго Сергѣя Николаевича была необыкновенная чуткость и отзывчивость ко всѣмъ явленіямъ жизни, отзывчивость, заставлявшая его не жить, а горѣть. Это свойство души Сергѣя Николаевича сообщало необыкновенную теплоту его отношеніямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и послужило главной причиной его ранней смерти. Согласно общему характеру Сергѣя Николаевича и его философскіе взгляды, и интересы были направлены на основной и конечный вопросъ всякаго философскаго умозрѣнія: „Имѣеть

ли какой-нибудь разумный смысл человеческая жизнь, и если да, то въ чемъ онъ заключается? Имѣеть ли разумный смыслъ и разумную цѣль вся человеческая дѣятельность, вся исторія человечества и въ чемъ этотъ смыслъ или цѣль? Имѣеть ли, наконецъ, разумную цѣль весь міровой процессъ, имѣеть ли смыслъ существованіе вообще?" Твердо убѣжденный въ положительномъ отвѣтѣ на эти основные и необходимые вопросы человеческого духа, Сергѣй Николаевичъ въ своихъ трудахъ стремился выяснитъ этотъ отвѣтъ и раскрыть его содержаніе.

Основнымъ убѣжденіемъ Сергѣя Николаевича являлось то положеніе, что правильная философская мысль обнаруживаетъ свою подлинную истинность въ постепенномъ историческомъ развитіи. Такъ какъ тѣ жизненные вопросы, которые составляли основной стимулъ всей философской дѣятельности Сергѣя Николаевича, могутъ быть выяснены только при томъ условіи, что метафизическое творчество можетъ быть обоснованнымъ и является законнымъ проявленіемъ человеческого духа, то уже въ первомъ своемъ трудѣ Сергѣй Николаевичъ доказывалъ, при помощи историко-философскаго изслѣдованія твореній древнихъ философовъ, логическую законность и необходимость метафизической мысли. Во второмъ крупномъ трудѣ — ученіи о Логосѣ, Сергѣй Николаевичъ обосновывалъ не только возможность метафизики, но посредствомъ того же историко-философскаго метода доказывалъ истинность основной метафизической идеи.

Философское творчество не должно постоянно начинаться сызнова, иначе оно рискуетъ стать работой Пенелопы. Для того чтобы двигаться дальше, мы должны хорошо изучитъ то, что было сдѣлано до насъ. Самое изученіе философскихъ произведеній пробуждаетъ мысль и даетъ ей толчокъ для самостоятельнаго развитія. Полное и детальное изученіе философскихъ системъ можетъ послужить основаніемъ вполне своеобразнаго философскаго творчества. Вполнѣ изучивъ систему какого-нибудь фило-

софа, мы чувствуемъ необходимость выйти изъ тѣхъ рамокъ, которыя налагаетъ на самое гениальное произведение ограниченность индивидуальнаго человѣческаго духа, и двигаться къ достиженію абсолютной истины по тѣмъ путямъ, которые намъ указываютъ великіе творцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если въ самомъ развитіи философскихъ идей существуетъ извѣстная логическая необходимость, то мы изъ изученія исторіи философіи постоянно получаемъ убѣжденіе въ законности философскихъ стремленій. Этому учить исторія философіи.

Но тѣсныя рамки академическаго преподаванія не позволяютъ такъ тщательно прослѣдить всю исторію философскаго развитія, эти рамки заставляютъ ограничиться изученіемъ только нѣкоторыхъ системъ. По мнѣнію Сергѣя Николаевича, наиболѣе удобными авторами для такого изученія являются Платонъ и Кантъ, такъ какъ они вмѣстѣ съ глубиной мысли соединяютъ и рѣзкія противорѣчія. Вслѣдствіе этого изученіе системъ названныхъ философовъ и можетъ научить если не философіи, то философствовать.

Въ своемъ преподаваніи Сергѣй Николаевичъ ограничился областью древней философіи, и потому на его семинаріяхъ главнымъ образомъ разбирались и изучались діалоги Платона. Для всѣхъ участниковъ семинарія эти занятія навсегда останутся однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній ихъ жизни. Уходя изъ университета послѣ семинарія, каждый изъ участниковъ выносилъ бодрое настроеніе духа и живое стремленіе къ труду и дальнѣйшему изученію. Такое настроеніе несомнѣнно обусловливала самая личность Сергѣя Николаевича. Въ своихъ письмахъ Платонъ говоритъ, что философіи научить нельзя, что философская идея рождается отъ постояннаго общенія двухъ душъ въ стремленіи къ истинѣ. Но, именно, какъ трудно достигнуть такого общенія! Для этого необходимо перейти тѣ предѣлы, которые намъ ставитъ узкая ограниченность нашего эгоизма, только горячая любовь къ истинѣ и лю-

дямъ можетъ служить твердой почвой для такого общенія. А эта любовь и составляла основную черту характера Сергѣя Николаевича.

Эта любовь была источникомъ вдохновенія и того чисто платоновскаго паэоса, которыми отличались вдохновенныя импровизаціи Сергѣя Николаевича по поводу удачнаго или даже, еще чаще, неудачнаго реферата его учениковъ. Живо чувствующій жизнь во всей ея полнотѣ, Сергѣй Николаевичъ не ограничивался отвлеченнымъ изученіемъ логическихъ схемъ діалоговъ и анализомъ развитія ихъ мысли. Тонкій знатокъ древности, по поводу разбираемаго діалога онъ доставлялъ своимъ ученикамъ чрезвычайное разнообразіе историческихъ свѣдѣній и тѣмъ способствовалъ проникновенію въ самый интимный характеръ философской системы. Платонъ, Сократъ, софисты, аѣинянинъ конца V-го вѣка являлись для учениковъ Сергѣя Николаевича живыми личностями, ярко обрисованными въ ихъ наиболѣе типичныхъ чертахъ. Самый духъ философіи Платона съ ея возвышеннымъ паэосомъ лично переживался учениками Сергѣя Николаевича, благодаря его конгеніальности изучаемому философу. Помимо чисто-философскаго интереса, который представляютъ діалоги Платона, они являются высокимъ художественнымъ произведеніемъ; обратить вниманіе на эту сторону сочиненій Платона, дать почувствовать художественную красоту его твореній на ряду съ глубиной философской мысли всегда являлось одной изъ задачъ Сергѣя Николаевича, и никто не могъ бы сдѣлать этого болѣе удачно, чѣмъ онъ. Такое всестороннее изученіе несомнѣнно должно было будить мысль учениковъ, и занятія на семинаріяхъ Сергѣя Николаевича должны были составлять эпоху въ духовномъ развитіи даже тѣхъ лицъ, которыя не думали посвятить свою жизнь изученію философіи.

Но на ряду съ талантами ученаго и педагога всегда чувствовалась глубоко обаятельная личность Сергѣя Николаевича. Каждый изъ насъ вспоминаетъ съ чувствомъ невыразимой признательности свою первую встрѣчу съ Сер-

гѣмъ Николаевичемъ. Молодые и неопытные первокурсники, вчерашніе гимназисты, привыкшіе къ суровому казенному режиму гимназій съ ихъ безучастнымъ отношеніемъ къ духовной личности ученика, для которыхъ университетъ являлся, на первыхъ порахъ, чѣмъ-то чуждымъ и непонятнымъ, встрѣчали въ Сергѣѣ Николаевичѣ опытнаго и чуткаго руководителя, который сразу указывалъ правильный путь для научныхъ занятій. Каждый, кто къ нему приходилъ, быстро терялъ это чувство одиночества и затерянности, такъ какъ видѣлъ въ немъ учителя, готоваго сдѣлать все возможное для ученика и проникнутаго горячимъ стремленіемъ не дать заглухнуть пробудившимся интересамъ. Это первое впечатлѣніе глубокаго довѣрія и признательности постоянно усиливалось и росло, по мѣрѣ того какъ продолжалось знакомство съ нимъ, и переходило въ чувство сильнѣйшей привязанности, такъ какъ Сергѣй Николаевичъ не только былъ руководителемъ научныхъ занятій, но готовъ былъ горячо откликнуться на всякую нужду, на всякій запросъ ищущаго, хотя бы онъ и выходилъ изъ сферы чисто научныхъ интересовъ.

Основнымъ условіемъ правильныхъ научныхъ занятій является ихъ полная свобода. Одной изъ привлекательныхъ чертъ занятій на семинаріяхъ Сергѣя Николаевича являлось то, что они были не обязательны для большинства ихъ участниковъ. Сюда приходили люди, которыхъ влекъ только чистый интересъ къ наукѣ. Но этого нельзя сказать про университетское преподаваніе въ его цѣломъ. Глубоко чувствуя это необходимое условіе правильности и плодотворности научныхъ занятій и сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что университетъ при современномъ состояніи не отвѣчаетъ этимъ условіямъ, Сергѣй Николаевичъ всегда былъ ревностнымъ защитникомъ идеи автономности университета и свободы преподаванія. Но Сергѣю Николаевичу казалось невозможнымъ откладывать эту насущную потребность до тѣхъ поръ, пока правительство сознаетъ ея необходимость. Если нельзя преобразовать университетъ, то нужно создать

на ряду съ нимъ вполне свободный разсадникъ научной мысли, который могъ бы отвѣчать самымъ разнообразнымъ стремленіямъ студентовъ, безъ тѣхъ ограниченій, которыя налагаютъ на университетское преподаваніе дѣленіе на факультеты и курсы. И вотъ, появляется Историко-Филологическое Общество, основателемъ, первымъ вдохновителемъ и руководителемъ котораго былъ Сергій Николаевичъ. Вечеромъ университетскія аудиторіи переполняются студентами и въ нихъ ведутся оживленныя пренія по поводу рефератовъ, написанныхъ на самыя разнообразныя темы.

Но свободный университетъ не можетъ существовать въ политически безправной странѣ. При такихъ условіяхъ невозможны спокойныя занятія наукой. Историко-Филологическое Общество испытало на себѣ общія роковыя условія русской жизни и его руководители принуждены были его закрыть ¹⁾. Вскорѣ затѣмъ началась наша несчастная война, которая такъ ясно показала глубокія язвы нашего политическаго строя и тѣмъ послужила началомъ освободительнаго движенія. Чуткая отзывчивая душа Сергія Николаевича не могла остаться безучастной зрительницей этого движенія. Вскорѣ онъ сталъ однимъ изъ главныхъ его выразителей и руководителей. Но уже надорванные силы не выдержали той напряженной нервной дѣятельности, которой требовали отъ него обстоятельства. И вотъ, его не стало въ ту минуту, когда русское общество особенно нуждается въ вождяхъ, которые сумѣли бы направить пробудившееся общественное самосознаніе въ надлежащее русло.

Чувство невыносимаго одиночества охватываетъ душу при мысли, что мы навсегда потеряли Сергія Николаевича, что мы никогда больше его не увидимъ и не услышимъ его вдохновенной рѣчи. Вся его жизнь, вся его личность была отвѣтомъ на тѣ вопросы, которые ему задавала его философская мысль. Вѣдь всякое произведеніе человѣческой

---

1) Самъ Сергій Николаевичъ въ это время былъ за границей.

мысли, всякое чисто логическое построение бывает далеко недостаточнымъ отвѣтомъ на тѣ запросы, которые становятся передъ постоянно тревожной совѣстью. Только въ такихъ людяхъ, какъ Сергѣй Николаевичъ, намъ открываются безусловная цѣнность и смыслъ жизни. Только такіе люди могутъ служить намъ отвѣтомъ на гнетущія сомнѣнія. Среди общаго распространенія унынія, когда люди почти рождаются стариками и тревожно ставятъ себѣ вопросъ, когда мы мертвые проснемся? — Сергѣй Николаевичъ олицетворялъ собой вѣчную молодость и жизнь, постоянно борющуюся съ торжествомъ смерти, печать которой мы видимъ на слишкомъ многихъ лицахъ. Своимъ личнымъ примѣромъ, своей твердой вѣрой въ безусловное добро онъ поучалъ еще болѣе, чѣмъ своей чисто научной дѣятельностью. Чѣмъ былъ для насъ въ этомъ отношеніи Сергѣй Николаевичъ, мы могли вполне постигнуть только съ его утратой, такъ какъ вмѣстѣ съ его смертью что-то замерло и въ насъ...

М. Поливановъ.

Князь С. Н. Трубецкой и московское студенчество.

„Любимцы боговъ умирають въ молодости“.

Геродотъ.

Тяжело вспоминать, еще труднѣе писать сейчасъ воспоминанія о кн. Трубецкомъ. Русское общество живетъ въ настоящее время не десятками лѣтъ и не годами, а мѣсяцами, часто недѣлями. Событія смѣняются событіями, и каждый новый день приноситъ новыя точки зрѣнія не только на наше будущее, но и на прошлое. Оцѣнка всякаго человѣка, всякаго явленія исходитъ теперь отъ даннаго, мимолетущаго момента и часто смѣняется другой—иногда близкой, иногда совсѣмъ противоположной,—едва новое событіе перемѣститъ планы въ современной перспективѣ русской дѣйствительности. Напряженное состояніе, повышенное настроеніе, въ большей или меньшей мѣрѣ переживаемое теперь всѣми, дѣлаетъ эти оцѣнки въ то же время крайне безусловными, придаетъ имъ исключительный, фанатически-нетерпимый характеръ. Люди, держащіеся различныхъ мнѣній по одному и тому же вопросу, смотрятъ другъ на друга, какъ на глупцовъ или преступниковъ. Такое положеніе вещей дѣлаетъ крайне тяжелой хотя бы частичную характеристику человѣка, при жизни высоко поднимавшагося надъ преходящими интересами настоящаго и даже ближайшаго будущаго и все же силою жизненныхъ условій связаннаго съ ними самыми тѣсными и многообразными нитями. Каждая изъ современныхъ общественныхъ группъ отказывается видѣть въ С. Н. Трубецкомъ что-либо, кромѣ того, чѣмъ до-

рогъ или ненавистень былъ онъ ей, какъ выдающійся общественный дѣятель, активно реагировавшій на всѣ стороны текущей русской дѣйствительности. Смотрять съ своихъ точекъ зрѣнія и мало задаются трудомъ выяснить его взгляды его міровоззрѣніе, далеко оставляющее за собой самыя предѣльныя грани партійныхъ программъ, самыя высокія ихъ чаянія и цѣли. При такомъ отношеніи не можетъ быть и рѣчи о пониманіи человѣка, а слѣдовательно и объ объективной и единственно возможной его характеристикѣ. Мало того. Исключительно партійное отношеніе къ человѣку со стороны общества, преслѣдуя его по смерти, и часто полное у его противниковъ ликующаго злорадства, не можетъ не растревлять тоски, рожденной вмѣстѣ съ его утратой. Теперь, когда и слѣва и справа, отовсюду идутъ убійство и смерть, когда люди съ улыбкой умираютъ и со смѣхомъ убиваютъ другихъ, жизнь отдѣльной личности, жизнь, взятая сама по себѣ, перестала имѣть какую-либо цѣну, какое-либо самостоятельное значеніе. Выбываютъ изъ списковъ числа, буквы, нумера, подводятся все новые, холодные цифровые итоги, дѣлаются статистическіе подсчеты съ той и съ другой стороны. О томъ, что это уходятъ изъ жизни цѣлые самостоятельные міры, отдѣльныя индивидуальности, не имѣющія себѣ цѣны, — ибо онѣ были вызваны къ жизни только одинъ разъ и никогда нигдѣ болѣе не повторятся, — рѣдко кто чувствуетъ и еще рѣже кто-либо понимаетъ. Между тѣмъ, думая о смерти С. Н. Трубецкого, нѣтъ силъ отдѣлаться отъ мысли о томъ, что нѣтъ *его*, именно *его*, — не ректора, не профессора, не оратора въ депутаціи 6-го іюня, а просто опредѣленной личности — человѣка, индивидуальность котораго не можетъ быть исчерпана или покрыта какими либо именами и названіями, какъ бы широки и гибки ни были понятія, ими выражаемая.

I.

Я мало зналъ С. Н. Трубецкого какъ профессора—ученаго. Свои систематическіе общіе курсы онъ началъ читать въ

ту пору, когда мнѣ, какъ студенту-историку, пришлось заниматься по своей спеціальности, довольствуясь заранѣе и не у него прослушанными лекціями по исторіи древней философіи. Приходилось посѣщать его урывками, случайно. Знакомство наше началось на иной почвѣ. Въ концѣ девяностыхъ годовъ при историко-филологическомъ факультетѣ, подъ эгидой практическихъ занятій по философіи исторіи, существовалъ одно время кружокъ, состоявшій изъ самага незначительнаго числа студентовъ и лицъ, оставленныхъ при университетѣ. Въ немъ читались и обсуждались рефераты на темы, не укладывавшіяся въ узкія рамки спеціальныхъ факультетскихъ требованій, и, такимъ образомъ, имъ преслѣдовались скорѣе цѣли самообразования молодежи и свободнаго общенія студенчества съ профессорами, чѣмъ задачи подготовки ученыхъ спеціалистовъ. Предсѣдательствовали въ кружкѣ П. Г. Виноградовъ и С. Н. Трубецкой (нѣкоторое время и П. Н. Милуковъ). Собранія происходили въ университетѣ, но подъ покровомъ тайны, по вечерамъ; новые члены принимались только „по знакомству“. Въ ту пору даже существованіе такой маленькой и тѣсно замкнутой профессорско-студенческой корпораціи считалось необычайной вольностью и разсматривалось, какъ великодушное попустительство начальства. Всякая попытка сближенія между учащими и учащимися разсматривалась, какъ достойная замѣчанія новизна. Помню, въ концѣ ноября 1898 года студенты-депутаты отъ историко-филологическаго факультета, поднесившіе адресъ проф. Герье по поводу 40-лѣтія его научно-общественной дѣятельности, были приглашены на обѣдъ въ колонный залъ Эрмитажа. Смущенные, не зная куда себя дѣвать, мы бродили кучкой съ мѣста на мѣсто и не скоро освоились среди окружавшихъ насъ профессоровъ. Послѣ обѣда къ намъ подошелъ К. А. Тимирязевъ. „Сегодняшній день очень и очень знаменателен“, сказалъ онъ. Мы спросили: почему? чѣмъ?—„А тѣмъ,—отвѣчалъ профессоръ,—что сегодня въ первый разъ послѣ введенія устава 84 года студенты сидѣли съ профессорами за однимъ сто-

ломъ. Главное, есть теперь прецедентъ. Если, въ случаѣ чего, это когда-нибудь повторится и вздумаютъ спросить: „на какихъ основаніяхъ“?—скажемъ: „да вѣдь такъ было еще на юбилей Герье!“ Какъ разъ всего черезъ какую-нибудь недѣлю послѣ этого разговора мнѣ пришлось снова очутиться за однимъ столомъ съ профессоромъ, и именно съ С. Н. Трубецкимъ, въ вышеупомянутомъ маленькомъ факультетскомъ кружкѣ. Читался и обсуждался рефератъ на тему о воззрѣніяхъ древнихъ грековъ на загробную жизнь по какимъ-то памятникамъ археологіи. С. Н. Трубецкого трудно было сразу отличить отъ общей массы участвовавшихъ въ собраніи студентовъ и оставленныхъ при университетѣ: такъ просто держалъ онъ себя и непосредственно сближался съ остальными. Своимъ искреннимъ воодушевленіемъ и активностью онъ заражалъ другихъ и былъ самымъ молодымъ изъ окружающихъ его юношей. Онъ привлекалъ и располагалъ къ себѣ съ перваго взгляда. Весной того же академическаго года начались беспорядки, и кружокъ болѣе не собирался съ тѣхъ поръ.

II.

Въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ я мало сталкивался съ Сергѣемъ Николаевичемъ: это были или случайныя посѣщенія его лекцій, или случайныя встрѣчи у общихъ знакомыхъ. Беспорядки, съ новою силой разразившіеся послѣ друхлѣтнаго перерыва въ февралѣ 1901 года и возобновившіеся на сей разъ непосредственно съ осени того же года, опять свели меня съ кн. Трубецкимъ и съ той поры, до самаго окончанія мной университета и по окончаніи его, завязавшіяся отношенія не прерывались.

Студенческія волненія только что указаннаго періода приняли, по сравненію съ прежними годами, нѣсколько исключительный характеръ. Если до тѣхъ поръ университетская молодежь временами возвышала свой протестующій голосъ, то протестъ этотъ сводился, главнымъ образомъ, къ указанію на недостатки самаго университетскаго строя и къ

требованію исправленія уродливыхъ сторонъ того быта, который непосредственно касался и больно задѣвалъ учащуюся массу, какъ таковую. Начиная съ 1901 года, въ студенческихъ беспорядкахъ начали проявляться съ все большею ясностью, даже рѣзкостью, двѣ новыя характерныя черты, которыя впослѣдствіи стали отличительными типическими признаками всѣхъ студенческихъ волненій въ Россіи: съ одной стороны, молодежь, на ряду съ требованіями академическихъ,—проще говоря, чисто университетскихъ,—реформъ, стала выставять требованія чисто политическія, съ другой—беспорядки упорно грозили принять характеръ явленія хроническаго, превратиться въ сплошную забастовку. Къ тому времени уже довольно значительная часть русскаго студенчества пришла къ выводу, что бесполезно и напрасно добиваться университетской реформы при существующемъ политическомъ строѣ, что нужно сначала измѣнить послѣдній, что только на основѣ этого измѣненія возможно перестроить самый университет. Несомнѣннымъ стало для этой части молодежи и то, что уступки этимъ требованіямъ общей реформы мыслимо добиться у правительства, только вызвавъ цѣлый рядъ глубокихъ кризисовъ въ жизни общества, задавленнаго долгой реакціей. Съ этой точки зрѣнія каждый студентъ долженъ былъ стать лишь активнымъ отрицателемъ существующаго политическаго строя и силъ, его создающихъ и поддерживающихъ, университетъ же становился однимъ изъ наиболѣе удобныхъ мѣстъ для пропаганды въ обществѣ этихъ идей. На фонѣ всеобщей подавленности, безсильной злобы и робости интеллигенціи и тупого молчанія народныхъ массъ призывный голосъ этой группы учащихся звучалъ диссонансомъ необычности и заманчивой, но страшной новизны. Мыслящая и активная часть молодежи заволновалась, увидѣвъ передъ собою цѣльную, опредѣленную и рѣзко обоснованную программу будущихъ дѣйствій значительной партіи активнаго студенчества; пассивная масса насторожилась и пуіумолкла. Убіеніе Боголѣпова, совершившееся

тогда, было первым обнаруженіемъ новыхъ теченій въ средѣ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и разъ навсегда вывело изъ состоянія равновѣсія мысли и чувства молодежи. Вопросъ о будущемъ университетовъ и студенчества былъ поставленъ ребромъ, и смутно сознававшіе себя, находившіеся еще въ состояніи броженія молодые умы увидѣли себя передъ необходимостью теперь же отвѣтить на него и разобраться въ окружающемъ. Разъѣхавшись на лѣто 1901 г., студенчество затаило въ себѣ рядъ тяжелыхъ недоумѣній: началась усиленная внутренняя работа молодежи надъ собой. Каждый понималъ, что стѣбитъ жизни поставить еще одинъ вопросъ, создать еще одно двусмысленное положеніе, какъ придется обнаружить передъ собою и другими свое истинное отношеніе къ дѣлу университета и даже болѣе—русскаго образованія во всей его широтѣ. И всѣ, кому такое состояніе неопредѣленности казалось мучительнымъ, напряженно и лихорадочно ожидали этого момента. Достаточно было самага незначительнаго повода, чтобы студенчество тотчасъ же поспѣшило высказаться по цѣлому ряду самыхъ серьезныхъ и глубокихъ проблемъ университетской жизни и русской дѣйствительности вообще, со всею горячностью и пыломъ наболѣвшей и изстрадавшейся души. Этотъ поводъ былъ найденъ въ ничтожной и пошлой статьѣ *Гражданина* о взаимоотношеніи между мужской и женской учащейся молодежью, напечатанной въ одномъ изъ осеннихъ его номеровъ. Самой статьи громадное большинство не читало: слышали ея содержаніе въ общихъ чертахъ отъ другихъ, но при тогдашнихъ обстоятельствахъ довольно было и этого. Знали только, что одинъ изъ самыхъ ненавистныхъ представителей реакціи оскорбилъ учащуюся молодежь въ самыхъ лучшихъ сторонахъ человѣческаго существа, а больше и знать ничего не хотѣли. Почти по всей Россіи высшія учебныя заведенія были охвачены беспорядками: студенты и курсистки требовали удовлетворенія отъ... кн. Мещерскаго.

Въ Москвѣ дѣло осложнилось. На высшихъ женскихъ

курсахъ учащіяся не только осудили своего директора профессора В. П. Герье за то, что онъ не протестоваль въ печати противъ статьи *Гражданина*, но и потребовали, чтобы онъ сдѣлалъ это. Возникли разногласія; курсистки апеллировали къ непосредственно знакомому имъ студенчеству, и въ университетѣ родилась мысль объ „освистаніи“ проф. Герье. Мы, филологи-историки, хорошо зная Владимира Ивановича, какъ своего профессора, рѣшительно возстали противъ этого: насъ возмущало въ этой попыткѣ смѣлое желаніе во что-бы то ни стало оскорбить челоуѣка, всей своей предшествующей дѣятельностью доказавшаго свое глубоко-положительное отношеніе къ вопросамъ русскаго женскаго образованія,—за то лишь, что въ этомъ частномъ вопросѣ онъ оказался мыслящимъ и дѣйствующимъ несогласно съ массой взволнованной молодежи. Нанесеніе оскорбленія проф. Герье мы считали позоромъ для московскаго студенчества и университета и употребили всѣ силы, чтобы отвести надвигавшуюся грозу. Въ день ¹⁾ и часъ готовившейся демонстраціи даже въ той же самой большой словесной аудиторіи, гдѣ читаль Владимиръ Ивановичъ, мы устроили чествованіе В. О. Ключевскаго, поднеся ему адресъ по поводу его ученаго юбилея. Громоотводъ подѣйствовалъ: сотни студентовъ, переполнявшихъ залу, слились въ одномъ порывѣ горячаго и искренняго привѣта замѣчательному русскому историку. Но тучи не расходились. Не сегодня, такъ завтра „освистаніе“ проф. Герье могло состояться. Всѣ хорошо понимали это, и профессора не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ мы, хотѣли рѣшительно покончить съ этимъ. Въ этотъ же день, послѣ лекцій, С. Н. Трубецкой пригласилъ въ малую словесную студентовъ, желающихъ поговорить съ нимъ по дѣлу проф. Герье, и обратился къ нимъ съ рѣчью ²⁾.

„Къ сожалѣнію я слышалъ,—говорилъ онъ,—что среди студентовъ всѣхъ курсовъ и факультетовъ господствуетъ до-

¹⁾ 25 октября 1901 года.

²⁾ Передаю по стенограммѣ, дѣлая незначительные пропуски.

вольно интенсивное возбужденіе. Всякіе студенческіе безпорядки крайне меня тревожатъ, всегда горячо принимаешь ихъ къ сердцу: волнуешься за судьбу университета, за то, что многіе пострадаютъ за результаты фактически. Но здѣсь я не знаю... Больно за наше студенчество, потому что въ самомъ дѣлѣ, какъ предположить такой недостойный студентовъ поступокъ. Человѣкъ, который съ университетской скамьи шелъ одной прямой дорогой, поддерживая честь университета, отстаивая его автономію, отстаивая корпоративныя права студентовъ и заступаясь за старый „Союзный совѣтъ“, человѣкъ, котораго чуть не выставляли за это заступничество, который никогда не мѣнялъ своихъ убѣжденій,—и вдругъ за что же его такъ незаслуженно оскорблять? Неужели за то, что онъ не сталъ полемизировать съ однимъ изъ самыхъ гнусныхъ органовъ?.. Нельзя забыть заслугъ Владиміра Ивановича и передъ женскимъ образованіемъ, которыя во всякомъ случаѣ громадны. Вы не можете представить себѣ, какая агитація ведется противъ курсовъ и какіе пустые иной разъ поводы выставяеть правительство къ ихъ закрытію. Въ этомъ отношеніи на В. И. Герье падала тяжелая обязанность отстаивать ихъ, и многія дѣйствія Владиміра Ивановича вызываються вѣчнымъ страхомъ за ихъ существованіе. Мнѣ кажется, что наша прямая обязанность помѣшать готовящейся демонстраціи. Я увѣренъ, что, будь это въ рукахъ студентовъ филологическаго факультета, большинство было бы за него, хотя у многихъ изъ нихъ есть сердце противъ Владиміра Ивановича. Когда-то и я былъ студентомъ и у меня были очень крупныя столкновенія съ нимъ, изъ за чего я даже ушелъ съ историческаго отдѣленія. Но потомъ я оцѣнилъ его. Не знаю, что я готовъ былъ бы сдѣлать, чтобы помѣшать скандалу для Московскаго университета, и я увѣренъ, что большинство филологовъ, не только тѣ, которые здѣсь, но и всѣ бывшіе питомцы нашего факультета, насъ за него осудятъ. Дѣло въ томъ, что студенты другихъ факультетовъ часто совершенно не имѣютъ понятія ни о

В. И. Герье, ни о его дѣятельности. Мнѣ кажется, надо дѣйствовать въ томъ направленіи, чтобы знакомить студенчество съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ. Скажу прямо, у человѣка этого не было ни разу случая, чтобы онъ измѣнилъ своему университетскому дѣлу—вѣдь не у всѣхъ профессоровъ такая достойная репутація. Но онъ не только не измѣнялъ, — онъ никогда не былъ индифферентенъ, онъ всегда шелъ во главѣ,—и вдругъ студенты собираются осрамить на старости лѣтъ этого человѣка. Объ этомъ даже тяжело подумать“.

„Противъ кого же хотять протестовать—противъ Мещерскаго или противъ Герье? Нельзя смѣшивать двѣ такія противоположныя личности: Герье и Мещерскій! Есть лица, съ которыми нельзя полемизировать. Я себя спрашивалъ, будь я на мѣстѣ Герье, какъ бы я поступилъ? Можетъ быть, если бы у меня были слушательницы, которыя просили бы меня объ этомъ, я бы и уступилъ, но самъ по себѣ я этого бы не сдѣлалъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, вы, вѣроятно, не читаете „Гражданина“? Полемизировать же съ нимъ все одно, что полемизировать съ „Московскими Вѣдомостями“ по университетскому вопросу. И не нападете же вы на cadaго изъ насъ за то, что мы съ ними не полемизируемъ, потому что тамъ каждый день чортъ знаетъ что пишутъ. Я не осудилъ бы В. И. Герье, если бъ онъ, уступая требованіямъ, написалъ въ опроверженіе Мещерскаго, но это доказывало бы нехорошее: человѣкъ долженъ дѣлать то, въ чемъ убѣжденъ, а вѣдь это насиліе. Мнѣ кажется, что студенчество можетъ избрать другой способъ: заявить протестъ Мещерскому. И это было бы естественно. Если есть внушительная организація, которая дѣйствуетъ въ этомъ направленіи, то съ ней, мнѣ кажется, должно бороться и обратиться теперь же къ отдѣльнымъ профессорамъ: пусть они говорятъ со своими слушателями, пусть обсудятъ вмѣстѣ съ ними этотъ вопросъ“.

Подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ этой рѣчи Сергѣя Николаевича тотчасъ же сьорганизовалась группа

студентовъ, поставившихъ себѣ цѣлью предотвратить готовящуюся демонстрацію, прививъ студенчеству свой взглядъ на дѣло Герье. Всѣ слѣдующіе дни ходили по аудиторіямъ на сходки и говорили о недопустимости оскорбленій по отношенію къ Владиміру Ивановичу и о необходимости протеста только противъ Мещерскаго. Борьба была трудная и упорная. Сторонники демонстраціи играли на чувствѣ возбужденныхъ массъ и дѣйствовали явно вопреки требованіямъ простаго смысла. „Мы нисколько не сомнѣваемся, — говорили они ¹⁾ — въ искренности идеаловъ господъ защитниковъ Герье. Но развѣ насъ можетъ подкупить то, что они являются безкорыстно правой рукой инспекціи. Мы не призываемъ васъ, товарищи, къ демонстраціи противъ Герье: это дѣло совѣсти каждаго. Но, спрашивается, имѣемъ ли мы право вмѣшиваться въ это дѣло? Говорятъ о честности Герье. Положимъ, даже это правда. Но дѣло здѣсь гораздо глубже: демонстрація должна явиться коллективнымъ негодованіемъ студентовъ противъ реакціонной клики кн. Мещерскаго. Герье не хочетъ быть выразителемъ этого негодованія. Тѣмъ хуже для него: мѣшая протесту противъ реакціи, онъ долженъ вызвать протестъ противъ себя. Кто изъ васъ считаетъ себя поклонникомъ *Гражданина*, тотъ имѣетъ право мѣшать демонстраціи“. Такія и подобныя имъ рѣчи приходилось слышать повсюду: въ нихъ было и немного инсинуаціи, и полная передержка фактовъ, и нарушеніе элементарныхъ правилъ логики. Тѣмъ не менѣе онѣ производили импонирующее впечатлѣніе на взволнованныя массы, и если не возымѣли окончательнаго успѣха, то только благодаря дружному и энергичному воздѣйствію популярнѣйшихъ профессоровъ, непосредственно отъ себя обращавшихся къ студентамъ. Недовольство направилось въ другое русло и привело къ выработкѣ на курсовыхъ, специально разрѣшенныхъ тогда совѣщаніяхъ единодушнаго требованія про-

¹⁾ Изъ литературы памфлетовъ того времени.

теста со стороны университета и даже министерства по адресу Мещерскаго. Для руководства курсовыми совѣщаніями была организована, тоже спеціально разрѣшенная, профессорская комиссія подъ предсѣдательствомъ П. Г. Виноградова, которая и занялась, совмѣстно съ выборными представителями отъ студенчества, выработкой такого требованія.

Послѣднее было оставлено министерствомъ безъ удовлетворенія, и положеніе дѣлъ въ университетѣ не улучшилось, но еще хуже осложнилось и обострилось. Для профессоровъ, надѣявшихся при разумной поддержкѣ министерства ввести студенческія волненія въ узко-университетское русло и современемъ совершенно исключить ихъ возможность въ академической жизни путемъ рациональнаго и прямого удовлетворенія требованій реформы высшихъ учебныхъ заведеній, становилось ясно, что и отъ новаго министра Ванновскаго нечего ждать въ области легальнаго разрѣшенія университетскаго вопроса. Моральный авторитетъ профессорской коллегіи былъ грубо поколебленъ въ лицѣ выше указанной комиссіи: довѣріе студенчества къ профессорамъ подорвано было въ корнѣ, когда надежды на нормальное разрѣшеніе дѣла съ Мещерскимъ, возбуждавшіяся и поддерживавшіяся ими въ студенществѣ, оказались обманчивою фантазмагоріей. Такое положеніе вещей, въ связи съ другими осложнявшими дѣло фактами, въ концѣ концовъ заставило П. Г. Виноградова, предсѣдательствовавшего въ комиссіи, оставить Московскій университетъ и выѣхать за границу ¹⁾. Незадолго передъ своимъ отъѣздомъ, выясняя мнѣ необходимость оставленія имъ кафедры, онъ говорилъ, что скоро въ университетѣ останется мѣсто для борьбы только двухъ крайнихъ партій,—правительства и революціонеровъ: всѣ, кто надѣется на легальное разрѣшеніе университетскаго вопроса, будутъ лишены поддержки и справа, и слѣва, и будутъ одинаково ненавистны и

---

¹⁾ 21 декабря 1901 года.

тѣмъ и другимъ. Онъ видѣлъ университетъ наканунѣ величайшаго кризиса и не находилъ словъ для осужденія тактики правительства, слѣпо или сознательно роющаго могилу будущей русской культурѣ. Въ такомъ же состояніи находился С. Н. Трубецкой. Онъ буквально метался, не находя себѣ мѣста: ѣздилъ къ П. Г. Виноградову, уговаривалъ его не уходить, наконецъ, самъ собирався, въ отчаяніи и тоскѣ, бросить университетъ... и все-таки остался. Въ послѣдствіи онъ не разъ говаривалъ мнѣ, что Павелъ Гавриловичъ, съ его точки зрѣнія, не долженъ былъ оставлять кафедръ, но оставаться въ университетѣ „до конца“.

III.

Дѣло Герье—Мещерскаго, какъ я уже сказалъ, было для московскаго студенчества только поводомъ къ окончательному выясненію всѣми и каждымъ своего отношенія къ университетскому вопросу, взятому въ цѣломъ. Разногласіе профессорской комиссіи съ Ванновскимъ, пріѣхавшимъ тогда въ Москву, слухи объ уходѣ П. Г. Виноградова,—все заслонило тогда напряженной внутренней жизнью студенчества, продолжавшей развиваться въ университетѣ: въ средѣ молодежи началась партійная дифференціація — вѣрнѣйшій показатель того факта, что учащіяся массы постепенно начинали приходиться къ сознанию своего положенія. Въ связи съ этимъ и сама профессорская комиссія перешла къ обсужденію обще-университетскихъ вопросовъ и задачъ правильной студенческой организаціи. Ея руководству на будущее время были поручены получившія окончательное разрѣшеніе курсовыя совѣщанія. Лекціи отошли на второй, если не на послѣдній планъ. Университетъ кишѣлъ какъ муравейникъ. Тогда на фонѣ всеобщаго броженія, путаницы мнѣній и внутренняго замѣшательства выдѣлилась организація, давшая себѣ названіе „Исполнительнаго Комитета“ и выставившая свою рѣзко очерченную программу. Во главѣ угла этой программы стояло сгедо той части

студенчества, которая, считая бесполезнымъ дальнѣйшія требованія чисто университетскихъ реформъ, выставляла требованія политическія и призывала, если можно такъ выразиться, къ революціонной тактикѣ. На ряду съ этимъ „Комитетъ“ объявлялъ себя общестуденческимъ исполнительнымъ органомъ. Среди полнѣйшей дезорганизациі студенчества и при абсолютной непривычкѣ его къ солидарной и самостоятельной общественной работѣ, при неудавшейся попыткѣ профессоровъ достигъ спокойнаго и правильнаго соглашенія съ министерствомъ по самому незначительному вопросу, взволновавшему молодежь, голосъ „Исполнительнаго Комитета“ звучалъ увѣренно, авторитетно и обнаруживалъ великую притягательную силу. Всѣ повернули головы на его призывъ и съ глубокимъ вниманіемъ и интересомъ прислушивались къ каждому его слову. Политическая программа части студенчества грозила превратиться въ общестуденческую.

На старшихъ курсахъ нашего факультета, только что объединившихся въ нѣкоторой свей части и сьорганизовавшихся по дѣлу Герье, появленіе „Исполнительнаго Комитета“ произвело обратное впечатлѣніе. Одни изъ насъ хорошо еще помнили старый „Исполнительный Комитетъ“ 1899 года, дѣйствительно являвшійся объединяющимъ органомъ и выразителемъ мнѣній всего активнаго студенчества и состоявшій изъ представителей земляческихъ и факультетскихъ организацій, другіе принципиально не соглашались съ программой политическаго характера, какъ выражающей взгляды всей корпорациі учащихся. Моментъ былъ слишкомъ серьезнымъ, мы не нашли возможнымъ и нужнымъ молчать и рѣшили вступить на путь партійной организаціи. Въ нашей средѣ составилаь „Партія сторонниковъ университетской свободы“ и 15 ноября вышелъ 1-й ея „бюллетень“. Ставя своею цѣлью „борьбу академическими средствами на академической почвѣ за университетскую свободу“, она скоро сдѣлалась извѣстной среди всего русскаго студенчества подъ именемъ партіи „академистовъ“ или

„академической“ и стала пользоваться, особенно въ Московскомъ университетѣ, значительнымъ вліяніемъ. Отрицая за „Исполнительнымъ Комитетомъ“ значеніе общестуденческой организаціи, она указывала на необходимость предварительнаго выясненія взглядовъ всего студенчества на современное положеніе университета и роль студенческихъ движеній. Этому она надѣялась достигнуть съ одной стороны при помощи правильной факультетски - курсовой организаціи студенчества, съ другой—путемъ зарожденія и развитія опредѣленныхъ студенческихъ партій. Съ своей стороны, она высказывалась противъ объединенія студенчества на почвѣ политической программы, находя такое объединеніе во-первыхъ, фактически невозможнымъ въ виду крайней разнородности социальныхъ элементовъ, изъ представителей которыхъ составляется университетская среда, во-вторыхъ, принципиально несомвѣстимымъ съ ролью и значеніемъ университета, какъ силы культурно - просвѣтительной. Развивая свою точку зрѣнія, партія предлагала студенчеству сьорганизоваться и объединиться во имя *борьбы академическими средствами*, т.-е. исключительно силами профессоровъ и студентовъ, *на академической почвѣ*, т.-е. только за интересы университета, *въ защиту университетской свободы, какъ единственнаго средства къ осуществленію культурно-просвѣтительной роли университета*. Подъ университетской свободой партія понимала: 1) „Право университета на независимое отъ административныхъ воздѣйствій разрѣшеніе возникающихъ въ его средѣ въ связи съ академической жизнью вопросовъ, 2) свободу студенческихъ организаціи на академической почвѣ и 3) свободу преподаванія“. Культурно - просвѣтительная роль университета истолковывалась партіей не только со стороны распространенія имъ научнаго знанія и возбужденія стремленія къ самостоятельному исканію научной истины, но и съ точки зрѣнія „выработки цѣльнаго общественнаго міровоззрѣнія“. Въ слѣдующихъ бюллетеняхъ партія съ одной стороны подробнѣе развивала и обосновывала свою программу, съ другой по-

лемизировала съ нападавшими на нее группами студенчества. Подчеркивая культурно-просвѣтительную роль университета, какъ единственно истинную его задачу, она указывала на роковые для этой задачи результаты попытокъ правительства и политическихъ партій взять въ свои руки университетъ и сдѣлать его средствомъ борьбы другъ противъ друга. Она высказывала увѣренность, правда не особенно солидно обоснованную, что „улучшеніе условій академической жизни возможно, даже если оно пойдетъ въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ государственной политики“ и что, оставаясь на академической почвѣ, студенчество будетъ пользоваться въ своей борьбѣ поддержкой общественнаго мнѣнія ¹⁾. Возражая группѣ „Протестъ“, выпустившей прокламацію, направленную противъ партіи, „Сторонники университетской свободы“ принуждены были снимать съ себя цѣлый рядъ инсинуирующихъ обвиненій вродѣ того, что они борются съ „Исполнительнымъ Комитетомъ“, какъ организаціей нелегальной (какъ будто сами „академисты“ были партіей легальной и не должны были бѣгать изъ одного конца Москвы въ другой, чтобы устроить собраніе или напечатать прокламацію), или что они „инспекціонисты“, политика которыхъ близка къ политикѣ охраннаго отдѣленія. Партія рѣшительно указывала, что она отнюдь не уклоняется отъ самыхъ многообразныхъ способовъ активной борьбы, начиная съ забастовки и кончая уличной демонстраціей. По этому поводу она писала: „Иногда чувство протеста, вызванное въ студенчествѣ усиленіемъ въ университетѣ полицейскаго режима или дѣйствіями власти, слишкомъ ярко подчеркивающими ненормальное положеніе нашихъ университетовъ, не можетъ найти иного исхода, кромѣ забастовки, и тогда она, какъ крайнее средство, допустима. Когда передъ нами запирають ворота университета и гоняють насъ на улицу, студенческое волненіе по необходимости принимаетъ характеръ уличной демон-

¹⁾ Бюллетень 2-й (съ 27 ноября 1901 года.

страции. Невозможность дѣйствовать инымъ путемъ оправдываетъ эти приемы борьбы, и мы протестуемъ лишь противъ употребленія ихъ при всякомъ случаѣ и по всякому поводу: отсутствіе такта не можетъ порой окупиться ни избыткомъ энтузіазма, ни готовностью жертвовать собой“. На ряду съ предложеніемъ студенчеству своей программы партія создала и свой проектъ партійной организаціи. Во главѣ былъ поставленъ совѣтъ девяти — по три представителя отъ трехъ первыхъ группъ, объединившихся подъ именемъ „Сторонниковъ университетской свободы“.

Въ дальнѣйшемъ каждая новая группа, присоединявшаяся къ партіи, посылала въ него по одному представителю. На обязанности совѣта лежала подготовка вопросовъ для обсужденія ихъ въ групповыхъ собраніяхъ и объединеніе ихъ рѣшеній путемъ подсчета голосовъ членовъ группъ.

Проектъ этотъ не имѣлъ реального успѣха и вліяніе партіи на ходъ студенческаго движенія обусловливалось почти исключительно бюллетенями ея, вырабатывавшимися въ средѣ всѣхъ первоначальныхъ ея организаторовъ. Въ началѣ декабря ей удалось даже этимъ путемъ отклонить общую сходку, которую предлагалъ собрать „Исп. Ком.“ по поводу харьковскихъ событій. Рождественскія вакаціи 1901 г. не внесли, да и не могли внести успокоенія въ возбужденную среду учащихся массъ. 30 декабря были опубликованы знаменитыя „Временныя правила организаціи студенческихъ учрежденій“, сочиненныя министерской канцеляріей Ванновскаго, и студенчество возвратилось съ праздниковъ въ университеты въ еще болѣе раздраженномъ состояніи. Въ Москвѣ среди студентовъ и профессоровъ только и было разговора, что объ этихъ „Временныхъ правилахъ“, и повсюду, гдѣ ни заходила о нихъ рѣчь, слышалось единодушное и рѣзкое ихъ осужденіе. Разсмотрѣвъ ихъ, совѣтъ университета единогласно призналъ ихъ практическую непригодность. Поспѣшила высказаться по этому вопросу и партія „Сторонниковъ университетской свободы“: 30-го января 1902 г. она выпустила свой пятый бюллетень, которымъ

показывала, что и въ ея средѣ начался поворотъ въ новомъ направленіи, въ связи со все болѣе выяснявшеюся дѣятельностью министерства. Въ немъ говорилось, что тактика партій, до сихъ поръ носившая характеръ выжидательный и даже стремившаяся сохранить спокойствіе въ университетѣ, какъ необходимое условіе для проведенія объявленной правительствомъ „коренной реформы“, теперь неминуемо должна измѣниться послѣ того, какъ министерство сдѣлало, наконецъ, первый шагъ къ практическому осуществленію этой реформы. „Что опубликованныя „Правила“ совершенно не отвѣчаютъ интересамъ и истиннымъ потребностямъ студенчества, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія писалось въ бюллетенѣ партіи. — Постоянный контроль инспекціи, перенесеніе функцій полицейскаго характера на профессоровъ и даже студентовъ (§ 15), мелочная регламентація и полное игнорированіе существующихъ организаций (курсовыхъ и земляческихъ). — Эти основныя черты „Правиль“ дѣлаютъ излишней критику ихъ деталей. Совѣтъ уже высказался противъ примѣненія „Правиль“ въ нашемъ университетѣ и высказался единогласно. Студенчество только можетъ привѣтствовать такое рѣшеніе, такъ какъ компромиссъ въ данномъ случаѣ недопустимъ. Выжидательная тактика не привела ни къ чему. Остается добиваться легальныхъ организаций путемъ активной борьбы, организуясь нелегально“. Слова проф. Виноградова о томъ, что сторонникамъ мирнаго и нормальнаго разрѣшенія университетскаго вопроса скоро нечего будетъ дѣлать въ университетѣ, начинали оправдываться на дѣлѣ. Министерство дѣлало все, чтобы вырвать почву изъ-подъ ногъ профессоровъ и той части студенчества, которая надѣялась на проведеніе реформы путемъ легальнаго и правильнаго соглашенія между университетской коллегіей и правительствомъ. Впрочемъ, партіи не пришлось приступить къ практическому осуществленію проектируемой нелегальной организации всего студенчества въ цѣляхъ борьбы съ министерствомъ. На 3-е февраля въ актовомъ залѣ университета была „на-

значена" общая сходка съ цѣлью составленія отъ имени всего студенчества резолюціи съ ясно выраженнымъ политическимъ характеромъ требованій.

Мы не хотѣли оставить этого факта безъ протеста, и въ лицѣ нѣсколькихъ представителей партій отправились туда. Ораторовъ нашихъ не стали слушать, ихъ рѣчи заглушались массовымъ крикомъ и, видя всю бесплодность попытокъ, мы оставили залъ. Едва мы вышли на Моховую, какъ насъ окружилъ отрядъ полицейскихъ и препроводилъ въ манежъ, полный войскъ. Тамъ насъ продержали цѣлый день, а къ ночи отвезли въ Бутырскую тюрьму, откуда черезъ часъ выпустили на свободу по просьбѣ ректора. Мы вышли недоумѣвающіе и удрученные печальной услугой, которую поспѣшило оказать намъ „доброжелательное начальство“, считая насъ, повидимому, въ числѣ своихъ сторонниковъ и друзей. Съ тѣмъ большимъ отчаяніемъ мы дали вовлечь себя въ послѣдующіе дни въ общее беспорядочное движеніе всѣхъ городскихъ учащихся массъ, настаивали на полной забастовкѣ и приняли участіе въ тѣхъ шумныхъ демонстраціяхъ, которыя взволновали тогда весь городъ: съ мертвящей тоскою, бессмысленно бродили мы въ толпѣ, руководимые однимъ желаніемъ снова попасть въ тюрьму и раздѣлить съ товарищами ихъ долю. Судьба упорно щадила насъ, и мы остались на свободѣ. Но жизнь университета такъ и не вошла въ обычную колею до самаго конца академическаго года.

За все время существованія и дѣятельности „академической“ партіи профессора съ неменьшимъ интересомъ и вниманіемъ, чѣмъ сами студенты, присматривались къ ея работѣ и слѣдили за ходомъ ея развитія ¹⁾. Программа „Сторонниковъ университетской свободы“, дѣйствительно, наиболѣе близко подходила къ ихъ взглядамъ и нѣкоторые

1) Съ ихъ стороны было сдѣлано партіи предложеніе составить свой проектъ желательной организациі студенчества на самыхъ разнородныхъ основаніяхъ, что и было ею выполнено; проектъ былъ представленъ въ „профессорскую комиссію“.

изъ нихъ открыто выражали намъ свое сочувствіе. Въ числѣ послѣднихъ былъ и С. Н. Трубецкой. Онъ постоянно справлялся о ходѣ дѣлъ въ партіи, читалъ наши бюллетени, высказывалъ по поводу нихъ свое мнѣніе, дѣлился своими свѣдѣніями относительно положенія дѣлъ въ другихъ университетахъ и искренно радовался, если тамъ замѣчалась въ студенческой средѣ подобная же дифференціація партій, и выражался протестъ прстивъ массоваго вовлеченія студенчества въ политическое движеніе. У меня имѣется нѣсколько прокламацій, привезенныхъ имъ изъ Петербурга и своевременно выпущенныхъ тамъ группою студентовъ подъ девизомъ „Университетъ для науки“, гдѣ высказывалось нѣсколько мыслей, аналогичныхъ взглядамъ „академической“ партіи на роль университета, какъ учрежденія исключительно культурно-просвѣтительнаго, и на возможность взаимной поддержки и солидарности студенчества только на почвѣ академическихъ интересовъ. Въ вопросахъ тактики, однако, московская и петербургская партіи сильно расходились. Мы признавали вполнѣ допустимой забастовку въ университетѣ, тогда какъ группа студентовъ подъ девизомъ „Университетъ для науки“ безусловно и категорически отрицала ее. Въ послѣднемъ вопросѣ С. Н. Трубецкой стоялъ не на нашей сторонѣ. Помню одинъ разъ, когда, по изданіи „Временныхъ правилъ“ и арестѣ сходки 3-го февраля, открытый и рѣшительный протестъ противъ дѣйствій правительства, съ нашей точки зрѣнія, сталъ необходимымъ и не терпящимъ возраженій, С. Н. разговорился со мною о возникающей забастовкѣ и рѣзко осудилъ ее. Онъ замѣтилъ, что партія наша „выскла сама себя“, такъ какъ, призывая студенчество къ борьбѣ академическими средствами, она своею проповѣдью забастовки не только вводитъ въ обиходъ университетской жизни совсѣмъ не академическое средство, но прямо лишаетъ университетъ возможности выполнять свою непосредственную культурно-просвѣтительную роль. „Поймите, противъ кого вы боретесь бастуя, съ какою-то тоской. говорилъ онъ,

прижимая руки къ груди. Противъ правительства? Нѣтъ! Противъ университета! Вы бьете только насъ и самихъ себя“. Съ недоумѣніемъ и грустью смотрѣлъ я на него: мы говорили на разныхъ языкахъ. Онъ все еще взывалъ къ „логикѣ“, тогда какъ уже сама жизнь давно поставила насъ въ необходимость перестать считаться съ реальнымъ соотношеніемъ дѣйствующихъ силъ и подвела подъ исключительное дѣйствіе законовъ „психологіи“. Въ критическую минуту онъ напрягъ всѣ свои силы къ тому, чтобы возвратить университетъ къ нормальной жизни и работѣ и постарался объединить насъ съ наиболѣе активными представителями изъ профессоровъ. 24 февраля на его квартирѣ состоялось совѣщаніе представителей нашей партіи съ нѣсколькими профессорами и было выработано нѣкоторое соглашеніе по вопросу о дальнѣйшемъ возобновленіи занятій. Тѣмъ не менѣе,—настроеніе его все время оставалось подавленнымъ, и черезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ уже снова говорилъ мнѣ о своемъ намѣреніи оставить университетъ, въ виду невозможности продолжать въ немъ какую-либо плодотворную работу.

IV.

Въ то самое время, когда зарождалась и складывалась въ Московскомъ университетѣ „академическая“ партія, въ средѣ все тѣхъ же филологовъ старшихъ курсовъ зародилась и сложилась другая, совершенно новая организація: *Студенческое Историко-Филологическое общество*. Въ послѣдующіе годы своей жизни московское студенчество всегда связывало появленіе этого Общества съ дѣятельностью „академической“ партіи, и дѣлало это не безъ основанія. Идея объ устройствѣ такой широкой студенческой организаціи, дѣйствительно, родилась и впервые была оформлена въ тѣсномъ кружкѣ „академистовъ“; она логически явилась на свѣтъ, какъ практическое завершеніе ихъ программы, взывавшей къ самостоятельному единенію студенчества на почвѣ научныхъ интересовъ и выработкѣ цѣльнаго обще-

ственного міровоззрѣнія, при безсиліи и нежеланіи правительства правильно разрѣшить эту задачу путемъ коренной реформы университета; въ дальнѣйшемъ Общество всегда открыто протестовало противъ превращенія студента въ политическаго дѣятеля и университета въ площадь народныхъ собраній; наконецъ, до самаго конца его временнаго существованія, въ составъ руководящихъ его органовъ входили прежніе „Сторонники университетской свободы“. Было бы, однако, ошибочно, устанавливая связь между „академической“ партіей и вновь зародившимся „Обществомъ“, упускать изъ виду то обстоятельство, что дальнѣйшій подъемъ и расцвѣтъ этой организаціи былъ исключительно дѣломъ самого московскаго студенчества въ громадной его массѣ, при содѣйствіи, многихъ профессоровъ и выдающейся личности С. Н. Трубецкаго, съ перваго момента ставшаго во главѣ группы студентовъ, взявшихся за устройство этого Общества.

Когда среди моихъ товарищей возникла мысль объ организаціи студенческаго Общества, на мою долю выпало принять въ этомъ дѣлѣ ближайшее и непосредственное участіе. 15 января 1901 г. я имѣлъ первый разговоръ на эту тему съ С. Н. Трубецкимъ, 21-го намѣтилъ совмѣстно съ нимъ общія положенія устава, а 28-го—представилъ на разсмотрѣніе его и товарищей свой проектъ: въ этотъ вечеръ у него на квартирѣ и состоялось обсужденіе и окончательная выработка устава Общества. 6-го февраля 1902 г. проектъ былъ представленъ на одобреніе той болѣе широкой группы студенчества, которая примкнула къ намъ, какъ организаторамъ, и когда былъ разсмотрѣнъ ею, поступилъ на утвержденіе Совѣта. 12-го февраля С. Н. сообщилъ намъ о разрѣшеніи Общества и вскорѣ выѣхалъ въ Петербургъ, чтобы путемъ личнаго вмѣшательства ускорить окончательное утвержденіе его въ „правлящихъ“ сферахъ. 13 марта мы составили съ нимъ повѣстку о I-мъ засѣданіи, а 16-го вечеромъ, въ малой словесной состоялось и самое засѣданіе: С. Н. былъ единогласно провозглашенъ предсѣ-

дателемъ Общества, а меня товарищи избрали секретаремъ. Съ тѣхъ поръ не проходило ни одного дня, чтобы мы не видѣлись гдѣ-нибудь съ С. Н. Трубецкимъ: то въ университетѣ, то у него на дому, то у меня, а то и прямо на улицѣ. С. Н. слѣдилъ за каждымъ движеніемъ молодой организаціи, направляя каждый ея шагъ, все хотѣлъ знать лично и во всемъ принимать участіе. Онъ и Историко-Филологическое студенческое общество стали неотдѣлимы другъ отъ друга.

Весной 1902 года состоялось только нѣсколько организаціонныхъ собраній, на которыхъ намѣчены были дальнѣйшіе шаги по осуществленію программы. Публичное открытіе Общества произошло осенью, 6-го октября. С. Н. страшно волновался. Дѣло было новое и съ его точки зрѣнія слишкомъ важное, чтобы можно было съ легкимъ сердцемъ рисковать его будущимъ. Масса студенчества держалась выжидательной тактики по отношенію къ незнакомой организаціи: часть относилась недоувѣрчиво, часть прямо враждебно и даже нетерпимо. „Начальство“ зорко и подозрительно слѣдило за каждымъ нашимъ шагомъ, не упуская случая, какъ выяснилось впослѣдствіи, дѣлать черезъ С. Н. внушенія и замѣчанія Обществу по всякому, даже самому незначительному поводу. Впрочемъ, замѣчанія эти С. Н. Трубецкой рѣдко доводилъ до свѣдѣнія бюро или даже просто нѣкоторыхъ изъ насъ: чаще всего онъ оставлялъ ихъ при себѣ. Отъ этого, однако, легче не дѣлалось и приходилось вѣчно слѣдить за движеніемъ „врага“ на правомъ и лѣвомъ флангахъ. Помню, когда на открытіи Общества одинъ изъ студентовъ-ораторовъ произнесъ въ своей рѣчи слово „соціализмъ“, С. Н. сидѣвшій невдалекѣ отъ меня и нервно выводившій перомъ какіе то рисунки на бѣломъ листѣ бумаги, какъ это онъ дѣлалъ почти всегда, оторвалъ небольшой клочокъ и передалъ мнѣ, написавъ: „Какъ же это вы допустили такое слово, какъ соціализмъ?“ Я выразилъ ему взглядомъ свое недоумѣніе. Тогда онъ снова написалъ мнѣ: „Вѣдь это завтра будетъ въ „Моск. Вѣд.“ Оба эти клочка бумаги хранятся у меня до сихъ поръ.

Засѣданіе 6-го октября состоялось въ „большой физической“ аудиторіи, переполненной тысячною толпою студентовъ, въ присутствіи многихъ профессоровъ. Собраніе открылось программной рѣчью Сергѣя Николаевича, въ которой онъ высказалъ свой взглядъ на задачи и значеніе Общества и общія положенія которой старался потомъ всѣми силами привить студенчеству, доказывая ихъ цѣлесообразность на дѣлѣ. „Милостивые государи! — говорилъ онъ ¹⁾. Среди насъ есть люди различныхъ партій, различныхъ взглядовъ по вопросамъ общественнымъ и научнымъ, но я убѣжденъ тѣмъ не менѣе, что всѣ мы, здѣсь присутствующіе, сочувствуемъ зарождающемуся общему дѣлу и ожидаемъ отъ него пользы родному университету. Я не хочу гадать о томъ, какая судьба ожидаетъ наше Общество. Внесетъ ли оно свѣжую живую струю въ нашу среду, будетъ ли оно дѣйствительно тѣмъ полезнымъ учрежденіемъ, какимъ мы желаемъ, чтобы оно было, или нѣтъ, — это всецѣло зависитъ отъ васъ, отъ вашей энергіи и настойчивости, отъ вашей доброй воли, отъ вашего такта и, главнымъ образомъ, отъ вашего труда. Мы можемъ говорить только о томъ, чѣмъ мы желали бы, чтобы было наше Общество, о томъ, какимъ цѣлямъ оно должно служить.

„Въ настоящее время всѣ усилія университетскихъ дѣятелей направлены на реформу нашихъ университетовъ, на водвореніе въ нихъ прочнаго и жизненнаго порядка и истинно академической свободы. Но эта свобода будетъ пустымъ звукомъ, если мы не сумѣемъ ею воспользоваться, провести въ жизнь, сдѣлать ее дѣйствительно живительнымъ началомъ и не позаботимся о томъ, чтобы она пустила въ нашемъ университетѣ такіе прочные корни, чтобы они не могли быть вырваны изъ нашей почвы. Никакая свобода не дается сама собой, а пріобрѣтается усиліемъ и трудомъ, и академическая свобода будетъ мертва, если ей не будетъ соответствовать дѣятельная академическая жизнь. Мы всѣ

---

1) Записана стенографически.

признаемъ необходимость реформы, обновленія, но эта реформа не можетъ исчерпываться пересмотромъ устава. Дѣйствительность показала, какъ скоропреходящи эти уставы, какъ они быстро смѣнялись другъ друга, и мы знаемъ, сколько ихъ пережилъ нашъ университетъ. Мы нуждаемся въ реформѣ жизненной, изнутри идущей. Намъ нужны не сочиненныя нормы, которыя ничего создать не могутъ; намъ нужно органическое развитіе, и прежде всего намъ нуженъ подъемъ академической жизни и увеличеніе производительности университетскаго труда. Если мы всѣ, учащіе и учащіеся, спросимъ себя, велика ли эта производительность, отвѣчаетъ ли она вполнѣ увеличившимся запросамъ общества, и занимаетъ ли нашъ университетъ то мѣсто, которое онъ призванъ занимать въ русскомъ обществѣ, то я полагаю, что тѣ изъ насъ, которые вѣрятъ въ лучшее будущее университета, признаютъ, что дѣйствительность не соотвѣтствуетъ идеалу. Въ настоящее время часто раздаются жалобы на университетъ со стороны учащихъ, со стороны учащихся и учившихся, со стороны русскаго общества, и я знаю, что въ этихъ жалобахъ много несправедливаго, много пристрастнаго, что тѣ, которые высказываютъ ихъ, недостаточно считаются съ тѣми исключительно трудными условіями, при которыхъ приходится вести университетское дѣло, съ тѣми внѣшними, „независящими отъ насъ обстоятельствами“, которыя складываются такъ неблагоприятно и такъ тяжело отражаются на нашей средѣ. Но, милостивые государи, нельзя во всемъ винить „независящія отъ насъ обстоятельства, какъ нельзя ожидать всего отъ счастливой ихъ перемѣны: вѣдь это значило бы самихъ себя ни во что не ставить, а потому, отдавая кесарево кесарю, а Божіе Богу, не мѣшаетъ намъ подумать и о насъ самихъ, о томъ мѣстѣ, которое мы занимаемъ въ университетѣ, о нашихъ обязанностяхъ въ немъ и томъ мѣстѣ, которое самъ университетъ занимаетъ въ качествѣ фактора въ русской жизни. Какъ бы то-ни было, значеніе его громадно; вполнѣ ли онъ отвѣчаетъ своему назначенію или нѣтъ, оставляя за собой посто-

янно возрастающую недоимку, которую съ него никто и ни по какому высокаторжественному случаю сложить не можетъ. И вотъ, принимая все это во вниманіе, учитывая всѣ „независящія отъ насъ обстоятельства“, мы все-таки должны придти къ тому заключенію, что мы должны дѣлать больше, чѣмъ мы дѣлаемъ: можно больше давать и должно больше давать. Надѣюсь, что въ этихъ словахъ никто не усмотритъ недостатка уваженія или любви къ университету; напротивъ, я вношу сюда только одну вѣру въ его лучшее будущее и желаніе, чтобы онъ занялъ въ нашей жизни то мѣсто, какое европейскіе университеты занимаютъ на Западѣ, чтобы онъ исполнилъ свою общественную миссію, чтобы онъ сдѣлалъ науку реальной и живительной общественной силой, созидающей и образующей, которая простираетъ свое дѣйствіе на всѣ слои народа, поднимаетъ и просвѣщаетъ самые низшіе изъ нихъ. Для достиженія этой высокой цѣли должно трудиться не одно поколѣніе.

„Но прежде, чѣмъ подумать о распространеніи университетскаго образованія въ ширь, прежде, чѣмъ ожидать, что мы съ успѣхомъ овладѣемъ движеніемъ къ самообразованію въ широкихъ кругахъ русскаго общества, мы должны постараться, чтобы стремленіе къ самообразованію нашло должное удовлетвореніе въ стѣнахъ самого университета. Это тоже важная и великая задача, и учреждаемое нами Общество является лишь однимъ изъ средствъ къ достиженію такой задачи. Организанія его представляется мнѣ вызванной спеціальными условіями русской академической жизни. Нѣмецкій студентъ, начиная свою академическую карьеру, имѣетъ передъ собой не одинъ университетъ, а совокупность всѣхъ университетовъ своей страны съ ихъ безконечно богатымъ разнообразіемъ преподавательскихъ силъ. Въ каждомъ университетѣ онъ найдетъ философскій факультетъ, гдѣ преподаются всевозможныя отрасли чистаго знанія. Онъ можетъ такимъ путемъ, составивъ себѣ самостоятельную программу занятій, восполнить пробѣлы своего образованія и найдетъ отвѣтъ на тѣ вопросы, съ какими

онъ является въ университетъ, найти то, что ему нужно. И тѣмъ не менѣе въ Германіи возникаютъ студенческіе ферейны для цѣлей самообразованія, и, по признанію компетентныхъ специалистовъ, такіе ферейны оказываютъ самое благотворное вліяніе на студенческую жизнь. Русская академическая жизнь поставлена въ иныя условія. У насъ, силою обстоятельствъ, каждый студентъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, такъ или иначе прикрѣпляется на нѣсколько лѣтъ къ одному опредѣленному университету, т.-е., другими словами, къ опредѣленному кругу сравнительно немногочисленныхъ преподавателей, къ опредѣленнымъ факультетамъ, курсамъ и занятіямъ. Естественно, какъ бы хорошо ни были выработаны факультетами планы, всѣ тѣ интересы, съ которыми приходитъ студентъ въ университетъ, не могутъ быть втиснуты въ тѣсныя, по необходимости, рамки факультетскаго преподаванія. Отсюда вытекаетъ, что потребность въ самообразованіи, а также потребность въ чисто специальномъ научномъ знаніи не являются должнымъ образомъ удовлетворенными. Поэтому я признаю въ высшей степени желательнымъ возникновеніе организацій, подобныхъ нашей, — организацій совершенно свободныхъ, въ которыхъ потребность къ самообразованію можетъ удовлетворяться вполнѣ свободно, внѣ какихъ-либо обязательныхъ рамокъ, но при условіи дружной взаимопомощи со стороны студенчества, а также дѣятельной помощи со стороны преподавательскихъ силъ университета. Этой цѣли призвано служить наше Общество. Выработывая уставъ, мы стремились сдѣлать нашу организацію возможно болѣе широкой и гибкой, чтобы она могла служить цѣлямъ общеуниверситетскимъ. Наше Общество не предназначено для однихъ историковъ и филологовъ, но для всѣхъ студентовъ, которые пожелаютъ пополнить свое образованіе въ области наукъ гуманитарныхъ, философскихъ и наукъ общественныхъ и юридическихъ. Нашъ уставъ даетъ намъ право открывать неограниченное количество самостоятельныхъ секцій сообразно потребностямъ нашихъ членовъ. Каждая изъ этихъ секцій

является вполне самостоятельной, вырабатывая сама свою инструкцію и вмѣстѣ съ тѣмъ каждая изъ нихъ сохраняетъ связь съ нашимъ Обществомъ,—связь, которая ни въ чемъ не стѣсняетъ дѣятельности каждой изъ нихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ Обусловливаетъ возможность живого обмѣна умственныхъ и нравственныхъ интересовъ и запросовъ и взаимной поддержки. Каждая секція можетъ специализировать свои занятія, насколько это ей угодно, организовать ихъ какъ угодно, и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣемся, что каждая изъ нихъ будетъ дѣлиться съ нами тѣми сообщеніями, которыя могутъ представлять интересъ для другихъ секцій и для всего нашего Общества.

„Я не буду здѣсь распространяться о нашихъ специальныхъ цѣляхъ и о тѣхъ шагахъ, которые мы намѣрены предпринять въ ближайшемъ будущемъ для ихъ достиженія. Объ этомъ придется поговорить подробнѣе въ одномъ изъ ближайшихъ нашихъ засѣданій, представивъ на судъ вамъ нѣкоторые проекты, выработанные нашимъ бюро. Мнѣ хочется отмѣтить лишь значеніе сегодняшняго дня. Сегодняшній день, день открытія нашего Общества, есть праздникъ для всѣхъ насъ, и мы благодаримъ нашихъ гостей, которые почтили этотъ праздникъ своимъ присутствіемъ. Но я долженъ сказать, что въ учрежденіи нашего Общества я вижу не только отрадное событіе университетской жизни. Я вижу задачу тяжелую, трудную и отвѣтственную,—задачу, которая ставится передъ вами. Отступать передъ этой задачей было бы стыдно, а не сознавать всѣхъ ея трудностей было бы легкомысленно. Мнѣ эта задача представляется какъ бы своего рода нравственнымъ испытаніемъ зрѣлости, которому мы подвергаемся. Вамъ дана академическая организація, свободная, ничѣмъ не стѣсненная, широкая, соотвѣтствующая уставу, который вы сами выработали; вамъ дана возможность широкой академической общественной дѣятельности въ стѣнахъ университета; вамъ даны обширныя средства для достиженія вашихъ цѣлей; вамъ никто не хочетъ мѣшать, напротивъ, всѣ готовы вамъ

помогать, когда вы этого пожелаете, но вмѣстѣ съ тѣмъ вамъ предстоитъ показать, что вы можете сдѣлать, вамъ предстоитъ показать передъ университетомъ и не только передъ университетомъ, насколько вы зрѣлы въ смыслѣ общественномъ и насколько свободная академическая организація представляетъ болѣе прочныя гарантіи порядка, чѣмъ всякая другая.

„Итакъ, господа, оправдайте наши лучшія надежды и не посрамите тѣхъ, кто вѣритъ въ ваше дѣло. Отпраздновавъ сегодняшій праздникъ, обратимся къ дружной, совмѣстной и плодотворной работѣ“.

Рѣчь эта крайне характерна для воззрѣній С. Н. на задачи университета вообще и даннаго Общества въ частности. Онъ ставилъ въ обязанность первому не только разработку спеціальныхъ научныхъ дисциплинъ и подготовку отечественныхъ ученыхъ спеціалистовъ, но признавалъ за нимъ особую „общественную миссію“, выполнение которой принесло бы ему „лучшее будущее“. Эту миссію грядущаго русскаго университета С. Н. Трубецкой видѣлъ въ томъ, чтобы онъ „сдѣлалъ науку реальной и живительной общественной силой, созидающей и образующей, которая простираетъ свои дѣйствія на всѣ слои народа, поднимаетъ и просвѣщаетъ самые низшіе изъ нихъ“. Для достиженія этой цѣли, осуществимой только въ рядѣ поколѣній, университетъ долженъ выпускать своихъ питомцевъ въ жизнь не только во всеоружіи своихъ спеціальныхъ знаній, но людьми, надѣленными широкимъ и общимъ міровоззрѣніемъ. Послѣднее же можетъ быть выработано только путемъ сомообразования, которое, въ свою очередь, возможно лишь при условіи свободнаго и всесторонняго общенія студентовъ между собою, на почвѣ интеллектуальныхъ интересовъ. Современные русскіе университеты, лишенные необходимой свободы, не могли, съ точки зрѣнія С. Н., выполнить этой отвѣтственной задачи. Ее въ отношеніи московскаго студенчества С. Н. Трубецкой возлагалъ теперь на вновь возникшую свободную организацію, какъ находящуюся въ полномъ распо-

ряженіи учащейся молодежи и профессоровъ и обладающую всѣмъ необходимымъ для подготовки образованныхъ и сознающихъ себя общественныхъ дѣятелей будущей Россіи. Помимо этой высокой и недосягаемой, какъ всякій идеаль, цѣли, С. Н. указывалъ Обществу на важную временную задачу—показать русскому обществу и вмѣстѣ съ нимъ правительству, „насколько зрѣло студенчество въ смыслѣ общественномъ и насколько свободная академическая организація представляетъ болѣе прочныя гарантіи порядка, чѣмъ всякая другая“,—иными словами, насколько плодотворнѣе дѣятельность автономнаго университета. Вся эта рѣчь была проникнута однимъ неудержимымъ порывомъ къ энергичной и неустанной работѣ, искреннимъ энтузіазмомъ души, искавшей свободной дѣятельности, призывомъ молодежи къ дружному, совмѣстному творчеству. Новое дѣло вставало передъ С. Н. Трубецкимъ во всей его громадной важности, и можетъ быть никто въ этотъ моментъ не понималъ и не чувствовалъ этого лучше его. Во всякомъ случаѣ настроеніе его зажгло массу и сотни студентовъ отвѣтили ему горячими рукоплесканіями.

Въ I-й же годъ своего существованія Общество обнаружило необычайную жизнѣдѣтельность. Секція открывалась за секціей, засѣданіе шло за засѣданіемъ, количество членовъ превысило тысячу, и даже секціонныя собранія происходили при многочисленныхъ посѣтителяхъ. Общество организовало свою бібліотеку, устроило читальню, гдѣ вѣчно толпилась масса народу, затѣвало журналъ. Отовсюду привѣтствовали его многіе выдающіеся ученые и общественные дѣятели, выражая свое сочувствіе его задачамъ и дѣятельности, интересовались учащіеся другихъ высшихъ учебныхъ заведеній Россіи, возникали аналогичныя студенческія организаціи, беря его себѣ за образецъ. Но среди восторговъ побѣднаго шествія новаго Общества, лицамъ, стоявшими, образно говоря, у кормила его правленія, не приходилось закрывать глазъ на уродливую дѣйствительность, окружавшую ихъ въ университетѣ. Послѣдній оставался все

въ томъ же положеніи, и часть студенчества, пришедшая къ рѣшительному сознанію необходимости вовлеченія учащейся молодежи въ общее политическое движеніе, лишь сократила на время, но отнюдь не прекратила своей дѣятельности. Зловѣщіе признаки готовящейся оппозиціи обнаружались сейчасъ же вслѣдъ за открытіемъ Общества. 15 октября я получилъ по почтѣ прокламацію, выпущенную неизвѣстной „группой студентовъ“. Въ ней говорилось: „Ровно годъ минулъ съ тѣхъ поръ, какъ взволнованное студенчество русскихъ университетовъ цѣлымъ рядомъ протестовъ реагировало на гнусныя инсинуаціи, направленные противъ учащихся женщинъ, на клевету, возведенную сіятельнымъ кн. Мещерскимъ, этимъ грубымъ представителемъ темныхъ силъ русской общественности. Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Лучшая часть нашихъ товарищей силой штыка и произвола разбѣяна по всей Имперіи, вплоть до восточныхъ окраинъ Сибири. Мы мирно приступаемъ къ занятіямъ въ то время, когда въ университетѣ задаютъ тонъ господа, при видѣ которыхъ невольно восклицаешь: „Ба, знакомыя все лица!“ Мы говоримъ, конечно, о заправилахъ новаго Историко-Филологическаго общества, представляющаго изъ себя лишь громоотводъ политическихъ ударовъ, сооруженный на „собственныя средства“ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Иначе смотрятъ, однако, члены кружка, говоря о развитіи въ немъ и черезъ него чувства солидарности, единенія и проч.“ Въ заключеніе Обществу преанаивно предлагалось для доказательства его отрицательнаго отношенія къ реакціоннымъ силамъ Россіи устроить „шумный и сердечный пріемъ“ петербургскимъ курсисткамъ, собиравшимся въ то время, въ качествѣ экскурсантокъ, пріѣхать въ Москву. Въ этой крикливой бумажкѣ за всей ея внѣшней пошлостью скрывалось уже опредѣленное и ясно созннное внутреннее содержаніе. Она напоминала студенчеству о необходимости не терять изъ вида политической точки зрѣнія въ университетскомъ движеніи, и наше Общество выставляла какъ одно изъ средствъ именно той же

политической борьбы, — борьбы правительства съ общественными возрожденіями. Но какъ ни опредѣленны были поползновенія оппозиціи, они все же не могли поколебать положенія Общества въ средѣ московской учащейся молодежи, пока организація была сильна солидарностью и единеніемъ своихъ членовъ.

Общія условія русской жизни оказались, однако, сильнѣ попытокъ, хотя бы дружныхъ и энергичныхъ, но исходившихъ отъ отдѣльныхъ лицъ или группъ. Расколъ, начавшійся въ широкой студенческой средѣ вслѣдствіе коренныхъ ненормальностей, таившихся въ русской дѣйствительности, не могъ съ теченіемъ времени не обнаружиться и между членами Общества. Онъ не замедлилъ сказаться, какъ только явился къ тому малѣйшій поводъ. Разногласіе возникло въ средѣ самого бюро по вопросу на первый взглядъ совершенно незначительному. На 9-е февраля—день годовщины политической сходки въ актовомъ залѣ—было назначено общее собраніе общества съ чтеніемъ очередного доклада. Сергѣю Николаевичу хотѣлось самому присутствовать на этомъ засѣданіи, но онъ неожиданно слегъ въ постель, и нѣкоторое время мы были въ неизвѣстности, состоится ли оно. При личномъ свиданіи со мной онъ просилъ было сначала отложить засѣданіе, но потомъ прислалъ мнѣ записку, — она хранится у меня и до сихъ поръ, — въ которой между прочимъ писалъ: „По зрѣломъ обсужденіи—засѣданіе не отмѣнено“. Въ самый день засѣданія нѣкоторые изъ членовъ бюро сообщили мнѣ о желаніи части студентовъ отмѣнить собраніе въ виду неудобства устраивать его въ печальную и траурную для всего московскаго университета годовщину. Не отрицая значенія этой годовщины для всего студенчества Москвы, я все же рѣшительно не находилъ достаточныхъ логическихъ основаній для снятія засѣданія. Было собрано экстренное совѣщаніе членовъ бюро подъ предсѣдательствомъ профессора Мануилова, которое ни къ чему не пришло, и засѣданіе состоялось. Вслѣдъ за этимъ въ бюро стали поступать для представле-

нія общему собранію заявленія отдѣльнаго ряда лицъ и группъ съ выраженіемъ протеста противъ направленія дѣятельности бюро и въ частности противъ меня. Хотя во всѣхъ этихъ писаніяхъ болѣе говорилось о неумѣнн и нежеланіи членовъ центрального органа Общества считаться съ мнѣніемъ и настроеніемъ своихъ товарищей, о вызывающемъ и деспотическомъ характерѣ всей моей общественной дѣятельности, тѣмъ не менѣе повсюду проскальзывало въ нихъ основное несогласіе между нами въ принципиальныхъ точкахъ зрѣнія на задачи и значеніе Общества и университета. Едва оправившемуся отъ болѣзни С. Н. Трубецкому предстояла нелегкая задача разрѣшить этотъ внутренній конфликтъ и привести хотя бы къ относительному соглашенію враждовавшія партіи членовъ Общества. Онъ энергично принялся за дѣло и въ цѣломъ рядѣ слѣдовавшихъ другъ за другомъ общихъ собраній и засѣданій бюро добился того, что инцидентъ, наконецъ, былъ исчерпанъ.

Лѣтомъ 1903 года состоялась извѣстная экскурсія полтора года членовъ Общества въ Грецію, всецѣло обязанная инициативѣ и стараніямъ Сергѣя Николаевича. Каждая мелочная подробность въ практической постановкѣ поѣздки выработывалась имъ лично и самостоятельно, и только при детальномъ знакомствѣ съ ея организаціей и результатами можно представить себѣ всю ту массу труда и энергіи, которые были затрачены имъ на это дѣло. Зато какъ отраднo было видѣть его счастливымъ и удовлетвореннымъ, когда онъ вступилъ на „священную почву древней Эллады“: „горѣла грудь, въ слезахъ кипѣли очи, онъ чувствовалъ присутствіе боговъ“—можно было бы сказать про него словами Щербины. Онъ слился совсѣмъ съ студенческой массой и радовался вмѣстѣ съ ней и даже больше ея, — не какъ юноша, — юношей онъ былъ и оставался всегда, поскольку дѣло шло о движеніяхъ сердца, — а какъ ребенокъ. Онъ не отставалъ нигдѣ: подъ жгучими лучами солнца влѣзалъ на скалы Парнаса, плескался въ прозрачной водѣ Іонійскаго моря, проводилъ съ нами долгія ночи за маленькимъ

круглымъ столомъ на площади Конституціи въ Аѣинахъ, прислушиваясь къ знакомымъ опернымъ мотивамъ струннаго оркестра и творя разнообразныя чудачества на удивленіе и забаву „глазѣвшимъ“ на насъ грекамъ.

По возвращеніи на родину насъ ждали тяжелыя испытанія. „Оппозиція“, пустивъ глубокіе корни въ студенческой средѣ, сразу подняла голову; приходилось готовиться къ открытой борьбѣ. С. Н. Трубецкой чувствовалъ себя крайне утомленнымъ и прямо не въ силахъ былъ оставаться больше въ атмосферѣ русской дѣйствительности, и хотя долго еще колебался, все же въ концѣ-концовъ, по настоянію врачей, рѣшилъ уѣхать на годъ за границу. Необходимость кончить когда-нибудь университетъ заставляла и меня оставить мѣсто секретаря. Подали въ отставку и остальные товарищи—члены бюро. Такимъ образомъ въ Историко-Филологическомъ обществѣ предстояли выборы двухъ профессоровъ въ званіи товарищей предсѣдателя, взамѣнъ уѣзжавшаго Сергѣя Николаевича, и нѣсколькихъ студентовъ на главныя выборныя должности секретаря, казначея, бібліотекаря и членовъ бюро. Съ этою цѣлью и было назначено на 9-е октября закрытое общее собраніе. Моментъ былъ чрезвычайно важный и критическій: на смѣну первоначальныхъ организаторовъ Общества какъ со стороны профессорской, такъ и со стороны студенческой корпораціи должны были выдвинуться новыя лица, и будущее Общества въ значительной степени зависѣло отъ того, сторонники и представители какихъ направленій и партій снова станутъ во главѣ его. Какъ бы предвидя все это, партія студентовъ, настроенныхъ враждебно Обществу, рѣшила нанести ему немедленный ударъ. Какъ только я пришелъ въ канцелярію Общества, мнѣ передали прокламацію, напечатанную крупно и четко на большомъ бѣломъ листѣ. Въ ней говорилось:

Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
 Обагряющихъ руки въ крови,
 Уведи меня въ станъ погибающихъ
 За великое дѣло любви...

Товарищи! Васъ, ищущихъ разрѣшенія мучительныхъ жизненныхъ вопросовъ объ истинѣ, справедливости, благѣ общественномъ и личномъ, направили въ этотъ залъ, гдѣ сулятъ вамъ не только это разрѣшеніе, но нѣчто большее— стать носителями истины, осуществителями справедливости, раздаятелями благъ, учителями жизни подъ руководствомъ искусившагося въ житейской премудрости князя — философа Трубецкого. И многіе изъ васъ принимаютъ эти „посулы“ въ серьезъ, ни на минуту не допуская мысли о томъ, что это не болѣе какъ политическое шарлатанство, къ которому заинтересованная сторона—правительство — прибѣгаетъ для разряда революціонныхъ газовъ въ безопасной средѣ. Свободная мысль и рѣчь поощряются въ подобныхъ Обществахъ, но только въ подобныхъ... Зато у кое-кого увеличивается надежда, что эти „прекрасныя въ сущности вещи“ не скоро станутъ достояніемъ такъ не кстати возжаждавшихъ ихъ массъ. Вамъ снисходительно разрѣшаютъ именоваться „промежь себя“ всевозможными яacobинскими кличками вплоть до „соціалъ-демократовъ“, въ то время какъ людей, стремящихся воплотить въ жизнь почерпнутыя изъ одного источника съ княземъ истины, безпощадно разятъ и караютъ по такой-то и такой-то статьѣ: одно, вишь, дѣло теорія, а другое практика.

„Товарищи, не философъ, поощряемый правительствомъ и взирающій на жизнь съ высоты своего княжескаго величія, приведетъ васъ къ познанію истины, но жизнь, ея практика, выполнение ея указаній. А ея указанія въ настоящій моментъ ведутъ насъ „въ станъ погибающихъ за великое дѣло любви“, къ обездоленному народу, и мстящихъ за попраніе элементарныхъ нравственныхъ и физическихъ потребностей.

„Товарищи, нравственныя силы, на ряду съ физическими, для своего развитія нуждаются въ активности, а пустыя словопренія способны лишь атрофировать ихъ. Поэтому жестоко обманываются тѣ изъ васъ, кто, не разставаясь съ мыслью отдать со временемъ свои силы на служеніе и

во благо массъ, идетъ къ цѣли путемъ, указываемымъ перстомъ правительства, опытнаго въ „искорененіи“. Въ настоящій моментъ напряженной борьбы лучшихъ сыновъ родины съ произволомъ и насиліемъ правительства за угнетаемое большинство, въ настоящій острый моментъ ваши силы болѣе, чѣмъ когда-либо, нужны народу. Помощь въ настоящемъ, какъ бы мала она ни была, неизмѣримо цѣннѣй той грандіозной помощи, объ оказаніи которой въ туманномъ будущемъ вы мечтаете.

„Плюньте на эту игру въ общественность и соединяйтесь въ революціонныя организаціи.“

Революціонная группа студентовъ“.

Москва, 9 октября 1903 г.

Оказалось, что прокламація эта въ большомъ количествѣ экземпляровъ была разбросана по всей Большой Юридической аудиторіи, гдѣ собрались студенты на засѣданіе, и, такимъ образомъ, сдѣлалась уже всеобщимъ достояніемъ. Когда явился С. Н., я передалъ ему имѣвшійся у меня экземпляръ. Онъ съ видимымъ спокойствіемъ прочелъ бумажку и тотчасъ же отправился въ аудиторію. Войдя туда онъ открылъ засѣданіе слѣдующей рѣчью ¹⁾).

„Наше Общество вступаетъ во второй годъ своего существованія; этому Обществу предстоятъ важныя и сложныя задачи. Къ сожалѣнію я не буду имѣть возможности участвовать въ вашихъ трудахъ, такъ какъ я долженъ на этотъ годъ уѣхать за границу. Поэтому мнѣ передъ отъѣздомъ хотѣлось бы сказать, какъ я понимаю современное положеніе Общества и выразить вамъ нѣкоторыя мои пожеланія. Я думалъ всегда и говорилъ, что я придаю нашему Обществу и его дѣятельности очень большое значеніе. Можетъ быть, я увлекался, обманывался; но я думаю, что это мое увлеченіе было искренно. Я думалъ и говорилъ— всегда, что нашему Обществу предназначено сыграть большую роль во внутренней жизни университета. Намъ нужно

¹⁾ Воспроизведена по стенограммѣ.

не бюрократическое преобразование университета, не эфемерные картонные домики: намъ нужна органическая реформа; она намъ безусловно необходима. Намъ нужно, чтобы университетъ пересталъ быть агрегатомъ „отдѣльныхъ посѣтителей“, чтобы онъ сталъ однимъ цѣльнымъ организмомъ, одушевленнымъ одними и тѣми же научными и нравственными идеалами. Намъ нужно, чтобы искусственныя программы, нормирующія преподаваніе, уничтожились, чтобы развилась въ университетѣ свобода преподаванія, чтобы преподаваніе опредѣлялось научными требованіями факультетовъ и запросами общества — нужно, чтобы университетъ приблизился къ обществу и сталъ дѣйствительно свѣтлой и мощной общественной силой. А для этого прежде всего нужно, чтобы произошло сближеніе между учащими и учащимися. Это, по-моему; единственно правильный путь къ выработкѣ русскаго, самобытнаго и національнаго университета, — это представляется мнѣ благородной и плодотворной задачей, для которой наше Общество и всѣ другія, какія послѣдуютъ за нашимъ, могутъ и должны трудиться. Я, господа, нисколько не скрываю ни отъ себя, ни отъ васъ—и всѣ, кто меня знаетъ, знаютъ, что я говорю правду—что за стѣнами есть великія задачи, гораздо болѣе значительныя, нежели тѣ, о которыхъ я теперь здѣсь вамъ говорю; но изъ-за этихъ великихъ задачъ намъ не слѣдуетъ забывать тѣхъ непосредственныхъ задачъ, на которыя кромѣ насъ некому работать, которыя просто силою вещей ввѣрены намъ самимъ русскимъ обществомъ. Университетъ не былъ и не будетъ никогда школой общественнаго индифферентизма, а наше Общество тѣмъ паче. Если бы я это думалъ, я первый ушелъ бы. Я желаю каждому изъ васъ выйти изъ университета во всеоружіи знанія, желаю каждому изъ васъ вынести изъ университета святую любовь, святую ненависть, — святую ненависть по отношенію къ тому, что тормазитъ развитіе русской жизни; но пока вы въ университетѣ, помните, что Россіи нужна эта свѣтлая культурная общественная сила, которая называется уни-

верситетомъ, и что для этой силы всѣ мы, насколько можемъ, должны работать...

„Но можетъ быть вы скажете мнѣ, что я обольщаюсь? Мнѣ представляется, что наше Общество и тѣ Общества, которыя за нимъ послѣдуютъ, могутъ дѣлать здѣсь много. Я укажу вамъ на прошлый годъ. Я не скажу, чтобы мы сдѣлали много. Результаты, достигнутые нами, были незначительны, малы. Было недостаточно энергіи, недостаточно вѣры; было много недоуверія, вражды противъ Общества, которая не разсѣялась еще и до сихъ поръ... объ этомъ свидѣтельствуютъ и вотъ эти листки (онъ показалъ прокламацію). Но, господа, кромѣ того, вы должны признать еще и то, что мы дѣлали много невольныхъ ошибокъ; наши первые шаги были неуверенны... И все-таки результаты, достигнутые нами, болѣе значительны, чѣмъ мы могли ожидать, чѣмъ могло сниться нѣсколько лѣтъ назадъ. Вѣдь, на самомъ дѣлѣ,—это не слова,—мы перестали быть „отдѣльными посѣтителями“ университета. Учащіе и учащіяся соединились въ той мѣрѣ, въ какой этого прежде никогда не было. Вспомните наши прошлогоднія засѣданія. Мы собирались чуть ли не ежедневно. Вспомните, сколько жизни и оживленія вносилось въ нашу среду, какъ свободно обсуждались самые различные, самые широкіе вопросы науки и общественной жизни. И—вѣдь это не праздна слова—это служило дѣлу нашего образованія, образованія общенности; и въ итогѣ этой скромной общественной дѣятельности мы добились еще одного важнаго результата, который для студенчества прошелъ довольно незамѣтно, но для университета имѣлъ громадное значеніе: было уничтожено кураторство. За это уничтоженіе высказались члены Совѣта въ виду тѣхъ отношеній, какія сложились между учащими и учащимися, въ виду той единственно возможной формы общенія между нами, которая исключаетъ всякую насильственную опеку. Для профессоровъ кураторство было болѣе оліозно, чѣмъ для студентовъ, которые его не видали. То, что мы сдѣлали, тѣ отношенія, которыя сложи-

лись между нами, сдѣлали невозможной эту бюрократическую организацію. Вѣдь, это чего-нибудь да стоитъ!?. Но мало этого. Была создана автономная университетская коммисія съ выборнымъ составомъ для завѣдыванія студенческими учрежденіями. Она до сихъ поръ не проявляла своей дѣятельности, потому что она никому не хочетъ навязываться. Я самъ близко знаю нѣкоторыхъ членовъ коммисіи и скажу, что она призвана служить процвѣтанію, а не тормазомъ для всѣхъ студенческихъ учреждений. Я не хочу сказать, что эта коммисія разрѣшила всѣ вопросы университетской жизни. Нѣтъ, и тутъ еще будетъ много борьбы. Является вопросъ, насколько прочно это учрежденіе. Я не хочу, чтобы вы обманывались, но все-таки это первый разъ, что является въ исторіи университета фактъ такого рода, и это не пройдетъ безслѣдно. Это указываетъ намъ путь, по которому мы, для рѣшенія нашихъ чисто университетскихъ дѣлъ, можемъ идти. Я не хочу увѣрять васъ, что этимъ все достигнуто. Это только намекъ на то, что мы должны дѣлать, опять - таки для рѣшенія чисто университетскихъ вопросовъ. Я буду говорить не свое мнѣніе. Я укажу, чего добиваются, за рѣдкими и печальными исключеніями, университетскіе дѣятели. Во-первыхъ, преобразования университета на началахъ автономіи. Во-вторыхъ, довольно щекотливый вопросъ—я буду откровененъ—вопросъ объ инспекціи. Въ-третьихъ, вопросъ объ уничтоженіи курсовыхъ дѣлений и развитіи свободнаго преподаванія. И мнѣ кажется, во всѣхъ этихъ трехъ направленіяхъ наше Общество должно работать. Чѣмъ болѣе университетская жизнь будетъ приобрѣтать характеръ автономіи, тѣмъ прочнѣе будутъ заложены основанія автономіи университета, — и это будетъ реформа дѣйствительно органическая, съ которой правительству придется въ концѣ-концовъ считаться. Это есть самый надежный путь къ достиженію цѣли и потому, чѣмъ шире мы разовьемъ нашу дѣятельность, тѣмъ лучше не только для насъ, но и для университета. Далѣе, вопросъ объ инспекціи, этой Ахиллесовой пятѣ; которая щекотлива,

какъ всякая пята. Чтобы не сказать лишняго, я предлагаю кому-нибудь вступить со мной въ сократическій діалогъ и отвѣчать „да“ или „нѣтъ“.

Обращаясь ко мнѣ, онъ сказалъ: „Александръ Ивановичъ, что, мы видимъ инспекцію въ нашихъ собраніяхъ?“ (Я отвѣчалъ) „Нѣтъ“. (Онъ продолжалъ спрашивать) „Что, возможно существованіе университетскихъ Обществъ съ участіемъ инспектора?“ (Я снова отвѣчалъ). „Нѣтъ“. (Онъ перешелъ къ окончанію рѣчи).

„Довольно, этимъ все сказано. Въ университетѣ, гдѣ царить большая непринужденность, мы инспекціи не видимъ: мы видимъ ее только въ часы обязательныхъ занятій. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и мы будемъ въ правѣ спросить: зачѣмъ она нужна и не представляется ли она инороднымъ тѣломъ въ университетѣ? Пойдемъ дальше. Вопросъ объ организациіи свободнаго университетскаго преподаванія. Здѣсь, господа, мы можемъ сдѣлать всего болѣе. Здѣсь мы можемъ специализироваться, какъ мы желаемъ; здѣсь мы можемъ достигнуть и крупныхъ результатовъ въ смыслѣ расширенія общеобразовательнаго значенія университета. Мы уже это доказали на такомъ примѣрѣ, какъ устройство экскурсіи, въ которой могли участвовать студенты всѣхъ факультетовъ. Мы надѣемся, что возникнетъ еще нѣсколько Обществъ, подобныхъ нашему, и всѣ Общества въ Россіи будутъ устраивать подобныя экскурсіи, исправивши тѣ промахи, какіе были сдѣланы въ нашемъ первомъ опытѣ. Далѣе, организациія общихъ публичныхъ лекцій, какія существуютъ въ германскихъ университетахъ, гдѣ на ряду съ такими лекціями, какія есть у насъ, и которыя всего болѣе подходятъ подъ рубрику *privata*, существуютъ еще съ одной стороны и *privatissima*, съ другой—публичныя лекціи на общеобразовательныя темы, которыя имѣютъ значеніе для всего университета. Въ прошломъ году однимъ изъ нашихъ сочленовъ, кажется, медицинскаго факультета, возбуждался вопросъ объ учрежденіи серіи такихъ чтеній для всего университета. При извѣстной долѣ энергіи мы, конечно, мо-

жемъ этого достигнуть и организовать такія чтенія. Я самъ предлагаю свои услуги, но на будущій годъ.

„Вотъ задачи, которыя предстоятъ намъ и которымъ мы можемъ и должны, по моему мнѣнію, посвятить наши силы. Но вѣдь есть много и другихъ, которыя были намѣчены, но не были достигнуты отчасти вслѣдствіе недостатка солидарности, раздоровъ, которые парализовали нашу дѣятельность. Я указалъ бы здѣсь на злополучный сборникъ; матеріаль готовъ, но нѣтъ редакціонной комиссіи. Вначалѣ былъ широкій планъ, который представлялся осуществимымъ, превратить такой сборникъ въ періодическій органъ университетскаго Общества, который служилъ бы объединительнымъ цѣлямъ. Мало ли другихъ задачъ, которыя сами явятся; и, господа, я отъ всей души желаю, чтобы вы трудились дружно и энергично. Для этого нужны не игра въ пустыя словопренія, не громкія слова, не игра въ „запросы“, не устройство „инцидентовъ“ въ бюро съ цѣлью бросить тѣнь на дѣятельность Общества, возбудить подозрѣніе въ студенчествѣ... Въ комъ и противъ кого? Въ насъ самихъ противъ насъ самихъ! Господа, для этого нужна солидарность; нужно довѣріе, нужна общественная дисциплина. Выберите теперь бюро, которому вы могли бы довѣрять, и окажите ему должную поддержку. Это совершенно необходимо для того, чтобы Общество существовало и развивалось, чтобы оно не погибло отъ печальныхъ и праздныхъ раздоровъ. Отнеситесь къ этой задачѣ съ должнымъ вниманіемъ и строгостью, но избранникамъ вашимъ дайте и вашу поддержку“.

Въ началѣ рѣчи С. Н. говорилъ сдержанно и спокойно, но чѣмъ болѣе отдавался неудержимому теченію волновавшихъ его мыслей и чувствъ, тѣмъ увлекался все болѣе и болѣе. Когда, совершенно потрясенный самъ, онъ произнесъ послѣднія слова, толпа, переполнявшая залу, одно мгновеніе молчала, застывъ и онѣмѣвъ въ какомъ-то внутреннемъ содроганіи. Потомъ вдругъ словно очнулась, и неистовыя „бурныя оваціи“ потрясли всю аудиторію. И если тѣ,

кто написал разбросанную въ залѣ прокламацію, присутствовали тутъ, они навѣрное почувствовали себя не легко.

Выборы состоялись, и если умоначертаніе избранниковъ въ отношеніи будущаго направленія и тактики Общества не отличалось прямолинейностью и рѣзкостью окраски, все же это были люди проникнутые уваженіемъ къ избравшей ихъ студенческой организаціи, не искажавшіе и не обезцѣнивавшіе значенія ея въ жизни Московскаго университета. Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ С. Н. выѣхаль за границу. Онъ уѣзжалъ безрадостный, съ тяжелымъ и смутнымъ чувствомъ на душѣ, и будущее оправдало его тревожныя ожиданія.

Устроившись въ Дрезденѣ, онъ вскорѣ написалъ мнѣ оттуда. Начало письма дышало полнымъ чувствомъ удовлетворенія, тѣмъ покоемъ, который смѣнилъ за границей тяжелья и напряженныя заботы, одолѣвавшія его въ Россіи. „Живемъ мы въ тишинѣ и ничего не знаемъ. Цѣлый день занимаюсь—исключительно научными работами“. Но дальше слѣдовалъ цѣлый рядъ очередныхъ и мелкихъ вопросовъ, показывавшихъ, что Общество попрежнему продолжало живо интересоваться и привлекать его. „Что у васъ дѣлается? Сообщите заказнымъ письмомъ! Въ какомъ положеніи сборникъ и кто редакторъ 1)? Если ничего еще не сдѣлано—къ слѣдующему общему собранію пришлю запросъ. Готовится ли фотографическій сборникъ 2)?“ Вторая часть письма была полна тревожныхъ мыслей и опасеній за участь все того же Общества. „Прочелъ напечатанный безъ моего вѣдома стенографическій текстъ моей послѣдней рѣчи въ обществѣ 3). Что это за безобразіе!.. Какъ можно это дѣлать?

1) Разумѣется проектированный Обществомъ къ изданію журналъ.

2) Разумѣется альбомъ фотографій, вывезенныхъ членами Общества изъ поѣздки въ Грецію.

3) Въ № 10 (34) „Освобожденія“ за 1903 г. появились напечатанными вышеприведенная прокламація „Революціонной группы студентовъ“ и рѣчь С. Николаевича въ засѣданіи Общества 9-го октября.

Мы рѣшили вообще ничего не печатать въ газетахъ; а тутъ наши уважаемые сочлены уподобляются унтеръ-офицерской вдовѣ и пишутъ форменный доносъ на себя самихъ. Послѣ этого все можетъ прахомъ пойти... Младенцы вы, господа, и каши съ вами не сварить. Каждый день благословляю Бога, что я тутъ! Опять прошу: сообщите московскія новости! Кстати насчетъ нашей болтовни! Кто грекамъ сообщилъ мою рѣчь—да еще не ту, которую я говорилъ публично въ музеѣ, а ту, которую я говорилъ въ университетѣ—въ товарищескомъ кругу? Я получилъ въ одинъ и тотъ же день въ Дрезденѣ письмо отъ г. Ралли ¹⁾, въ которомъ онъ поздравляетъ меня кавалеромъ ордена греческаго Сотира, и номеръ греческой газеты, гдѣ приведены крупнымъ шрифтомъ разныя обидныя мѣста изъ моей рѣчи о скандалахъ и политическомъ ничтожествѣ грековъ: *οἱ σύγχρονοι Ἕλληνες, παρὰ τῆν πολιτικὴν αὐτῶν μηδαμινότητα, κατέχονται ὑπὸ μεγάλου ἐγωϊσμοῦ, θεωροῦντες δὲ τὸν θεμιστοκλέα καὶ Περικλῆ ἀμέσους αὐτῶν προγόνους.*—Скажите радикаламъ, чтобы они сдѣлали запросъ въ бюро и въ греческій парламентъ, по какому праву мнѣ дали орденъ Сотира? А вмѣстѣ сдѣлайте и отъ меня запросъ коллегамъ, кто на меня грекамъ сосплетничалъ“.

Въ Москвѣ между тѣмъ дѣла въ Обществѣ принимали все болѣе роковой для него оборотъ. Часть студенчества, изыскивавшая всѣ способы, чтобы уничтожить „академическую“ организацію, рѣшила прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ и прямо вести Общество на закрытіе внѣшними силами, не находя въ немъ подходящаго матеріала для внутренняго разложенія. 3-го ноября „секція общественныхъ наукъ“ устроила въ актовомъ залѣ засѣданіе въ честь В. Г. Короленко съ цѣлымъ рядомъ рефератовъ и, вопреки уставу Общества, пригласила на него постороннюю публику. Иными изъ членовъ руководило при этомъ быть можетъ наивное желаніе реабилитировать Общество въ глазахъ „ради-

¹⁾ Министра Президента Греціи.

каловъ“, такъ какъ рефераты, дѣйствительно, скорѣе походили на публицистическія статьи изъ газетъ крайнихъ направлений, другіе сознательно вызывали „скандалъ“,—какъ наиболѣе удобный поводъ къ прекращенію дѣятельности Общества путемъ административнаго вмѣшательства. Я подалъ въ главное бюро заявленіе, въ которомъ просилъ подвергнуть обсужденію въ общемъ собраніи образъ дѣйствій секціоннаго бюро. Поступокъ мой вызвалъ цѣлую бурю въ широкихъ кругахъ московскаго студенчества. Мои многочисленные „оппоненты“ разсматривали его какъ замаскированный доносъ „инспекціониста“ на свободомыслящихъ товарищей,—„приверженцы“ съ неменьшимъ ожесточеніемъ готовились къ отчаянной защитѣ Общества. Повсюду—на улицѣ, въ студенческой столовой,—мое появленіе сопровождалось самыми разнообразными комментаріями. На засѣданіи, назначенномъ для разсмотрѣнія поданнаго мною заявленія, произошла настоящая битва, и дѣло кончилось едва-едва не рукопашной схваткой. Все это было доведено до свѣдѣнія С. Н. Трубецкого и въ первой половинѣ января 1904 г. я получилъ отъ него слѣдующее письмо ¹⁾: „Извѣстія, получаемыя мною изъ Москвы,—писалъ онъ,—очень грустны. Что есть люди, желающіе во что бы то ни стало добиться закрытія Общества, чтобы ловить рыбу въ мутной водѣ, это меня не удивляетъ; эти господа точно такъ же желали бы нагаекъ, потому что нагайки могутъ еще болѣе служить ихъ цѣлямъ. Но что меня глубоко огорчаетъ, такъ это то, что эти господа, не брезгающіе никакими средствами, — въ такомъ страшномъ меньшинствѣ и что большинство, которое съ ними не солидарно, бессильно противъ нихъ по какой-то трусливой и постыдной дряблости. Я получилъ нѣсколько писемъ, въ которыхъ меня предупреждаютъ, что къ февралю Общество закроютъ; или же всѣ предсѣдатели изъ него уйдутъ. Это не шутки: студенчеству грозитъ прямо *позоръ*, если оно допуститъ. А сред-

¹⁾ Привожу съ небольшими сокращеніями. Курсивъ его.

ство предупредить позоръ я вижу только одно: кучкѣ радикаловъ противопоставить кучку преданныхъ Обществу лицъ, которыя бы не задавались широкой „академической“ программой, а просто, безъ различія партій и отгѣнковъ, соединились бы для того, чтобы оградить Общество отъ гибели, *клятвенно* обязавшись его поддерживать. Кучка эта можетъ быть и небольшая, но вѣрная; если возможно, организуйтесь десятками или восьмерками съ тѣмъ, чтобы члены восьмерокъ или десятковъ *обязались* присутствовать на тѣхъ общихъ собраніяхъ (или секціонныхъ), гдѣ потребуется ихъ помощь, и положили конецъ проискамъ явныхъ враговъ общества. Сами вы сдѣлайте скорѣе первые шаги въ этомъ направленіи, но не выдвигайтесь слишкомъ—предоставьте дѣйствовать другимъ. То, что мнѣ пишутъ, дѣлаетъ для меня несомнѣннымъ, что противъ насъ ведется организованная борьба, и если этой организаціи вы не противопоставите другую, наше дѣло будетъ проиграно. Общія собранія надо дѣлать возможно рѣже, мало того, провести мѣру, для огражденія Общества, воспрещающую не только постановленіе резолюцій, но даже дебаты по какимъ-либо требующимъ резолюцій вопросамъ въ тѣхъ собраніяхъ, въ которыхъ нѣтъ законнаго числа членовъ... Письму этому широкой огласки *не давайте*, потому что я слишкомъ далеко отъ Москвы, но, не говоря о моемъ планѣ, скажите моимъ друзьямъ, что если они допустятъ погромъ, это будетъ позорно“. Тѣмъ не менѣе „позоръ“ становился неминуемымъ. По совѣту и желанію С. Н. я сдѣлалъ послѣднее усиліе, чтобы сплотить въ одно компактное цѣлое всѣ активные элементы, сочувствующіе Обществу. Не стану утверждать, дѣйствительно ли собравшіеся у меня товарищи обнаружили „трусливую и постыдную дряблость“, которую такъ горячо порицалъ С. Н. Трубецкой, но одни изъ нихъ стали говорить за окончательную отмѣну общихъ собраній Общества, другіе за полное и открытое раздѣленіе его на отдѣльные, самостоятельныя спеціальныя секціи. Нашлись и такіе, которые высказывали мнѣніе, что Общество должно рано

или поздно распасться само собою, такъ какъ оно явилось слѣдствіемъ ложной въ самой себѣ попытки создать организацію, воспитующую въ одно и то же время ученыхъ специалистовъ и общественныхъ дѣятелей. Для этихъ людей существованіе Общества прошло, повидимому, совершенно безслѣдно и незамѣтно, ничему ихъ не научивъ, и, разумѣется, не они были заинтересованы въ томъ, чтобы возсоздавать упавшую организацію. Жизнь, впрочемъ, отвѣтила гораздо скорѣе и рѣшительнѣе на вопросъ о томъ, что слѣдуетъ дѣлать для поддержанія Общества. На слѣдующее же утро, 31-го января, между студентами, собравшимися на лекцію проф. Ключевскаго, произошло ожесточенное столкновеніе на почвѣ разногласій относительно значенія и цѣнности русско-японской войны. Въ университетѣ начались беспорядки, и всякая нормальная дѣятельность въ его стѣнахъ стала невозможной.

V.

Весною С. Н. Трубецкой вернулся въ Москву. Мы свидѣлись неожиданно за экзаменаціоннымъ столомъ, гдѣ онъ принужденъ былъ замѣнить внезапно занемогшаго Л. М. Лопатина. Экзамень по философіи былъ для меня послѣднимъ: имъ долженъ былъ закончить я свою студенческую жизнь и дѣятельность, и С. Н. предстояло проводить меня въ этотъ послѣдній путь. Помню, достался билетъ о Мальбраншѣ, но думалъ я совсѣмъ не о немъ. Не о немъ думалъ и С. Н. Трубецкой. Онъ смотрѣлъ на меня и улыбался, хорошо зная, какъ мало могъ научиться я чему-нибудь, — не говоря уже о философіи, — въ тѣ беспорядочные годы моего студенчества, которые день за днемъ протекли на его глазахъ. И ему хотѣлось говорить не о Мальбраншѣ. Весеннее солнце било горячими лучами въ полуоткрытыя окна большой словесной, мысль витала далеко-далеко — какъ будто и здѣсь; гдѣ столько было пережито вмѣстѣ тяжелыхъ и свѣтлыхъ минутъ, и какъ будто не здѣсь; мы продолжали улыбаться;

глядя другъ другу въ глаза, какъ древніе авгуры; я говорилъ кому-то что-то о философіи, но другъ съ другомъ мы говорили совсѣмъ о другомъ. И на слѣдующій день у него, за другимъ столомъ, при свѣтѣ вечернихъ лампъ, мы отвели душу въ бесѣдѣ объ университетѣ и Обществѣ.

Лѣто 1904 г. я проводилъ въ Москвѣ. Какъ-то въ концѣ іюня, встрѣтившись въ библіотекѣ университета, мы долго бродили съ С. Н. по городу и наконецъ, пошли ко мнѣ пить чай. По дорогѣ завязался разговоръ на старую тему: онъ говорилъ, что страшно колеблется, не зная, оставаться ли ему дальше въ университетѣ или нѣтъ. Нѣтъ силъ бороться съ несовершенствами академическаго строя: студенчество, въ лицѣ своихъ крайнихъ партій, стремится къ явному разрушенію существующаго порядка вещей; правительство не поддерживаетъ прогрессивныхъ силъ, работающихъ планомѣрно и творчески надъ истиннымъ обновленіемъ университетовъ. Я не могу противодѣйствовать при этихъ условіяхъ работѣ радикаловъ,—говорилъ онъ, но не могу стремиться вмѣстѣ съ ними и къ полному уничтоженію правительства. Думаю, что скорый призывъ неминуемъ для всей Россіи и произойдетъ онъ самъ собою, независимо отъ участія въ немъ общества. Это тяжелое подавельное состояніе, которое вновь охватило С. Н., едва онъ вернулся въ Россію, эти безрадостныя мысли о положеніи Россіи вообще и университетовъ въ частности упорно продолжали преслѣдовать его въ дальнѣйшемъ. Осенью я уѣхалъ въ провинцію на службу въ земствѣ по народному образованію. Столкнувшись съ юношествомъ, вышедшимъ непосредственно изъ народа, и получивъ возможность убѣдиться во-очію, какой глубокой контрастъ представляетъ оно по сравненію съ столичной учащейся молодежью въ отношеніи интереса къ знанію, искренности, глубины и непосредственности чувства, чистоты и ничѣмъ незамутненной ясности идеаловъ, я поспѣшилъ подѣлиться съ С. Н. Трубецкимъ своими радостными впечатлѣніями. Онъ отвѣчалъ мнѣ въ прежнемъ грустномъ тонѣ. „Вы правы,—писалъ онъ,—тотъ порывъ къ

знанію, каторый наблюдается въ низахъ, въ народѣ и въ тѣхъ классахъ интеллигенціи, которымъ закрыть доступъ къ высшему образованію, представляетъ контрастъ съ отношеніемъ „высшихъ“ слоевъ и университетской молодежи. Я не знаю ничего печальнѣе, и право не университетъ или не одинъ университетъ тутъ виноватъ, я видѣлъ въ томъ же университетѣ иныхъ подвижниковъ изъ народныхъ учителей, которые пробились въ него и помню ихъ *лично* отношеніе къ наукѣ.

„Пусть это алканіе, которое вы такъ живо чувствуете въ вашихъ ученикахъ, послужитъ вамъ стимуломъ для неослабной работы и вѣры въ ваше дѣло. Нѣтъ ничего отраднѣе, какъ видѣть результаты своей работы и давать знаніе тому, кто жаждетъ его, кому не надо его вколачивать, навязывать насильно, кто ищетъ его ради него самого. И дай вамъ Богъ успѣха и умѣнія поддерживать въ ученикахъ вашихъ ихъ интересъ, будить въ нихъ новые и новые запросы. Я не столь счастливъ, какъ вы... Обнимаю васъ и еще разъ желаю вамъ всего лучшаго и главное—удовлетворенія вашей дѣятельностью“. — Собственная дѣятельность давно уже перестала удовлетворять его, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе онъ приходилъ къ сознанію того, въ чемъ такъ тяжело было, такъ не хотѣлось сознаваться; жизнь требовала отъ него оставить хотя бы на время университетъ и отдать свои силы на служеніе общему освободительному движенію. „Не университетъ или вѣрнѣе не одинъ университетъ“ былъ виновенъ въ томъ, что въ русскихъ людяхъ, чѣмъ выше занимали они ступень на лѣстницѣ социальныхъ отношеній, гасла жажда къ знанію, падалъ интересъ къ духовной культурѣ,—понижался идеализмъ. Въ теченіе осени положеніе дѣлъ въ университетѣ, дѣйствительно, не улучшилось; въ Обществѣ борьба за него и противъ него приняла характеръ внутренняго разложенія организациі. С. Н. Трубецкой отказался отъ предсѣдательства, и собранія какъ общія, такъ и секціонныя прекратились. На Рождествѣ я пріѣхалъ въ Москву, но ни словомъ не обмолвился съ нимъ

объ этомъ; я думалъ: если С. Н. ушелъ оттуда, значить, тамъ нельзя было и не слѣдовало оставаться; онъ не покинетъ Общества до конца.

Въ этотъ прїѣздъ мнѣ пришлось быть у него подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ одного изъ засѣданій происходившаго тогда въ Москвѣ съѣзда по народному образованію. Въ собраніи этомъ одинъ изъ докладчиковъ, указывая на безысходную „темноту“ народныхъ массъ, сводилъ всѣ свои предложенія къ своеобразному *ceterum censeo*— „долой самодержавіе!“ Публика напряженно волновалась. У С. Н. Трубецкого я засталъ одного изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей—ярко консервативнаго направленія. Я рассказалъ о слышанномъ и видѣнномъ. Когда нашъ собесѣдникъ вышелъ, С. Н. сказалъ: „Все, что говорите вы, конечно печально, звучитъ зловѣще. Но право, не знаю, кто сейчасъ опаснѣе для будущаго Россіи, кто приближаетъ ее усерднѣе и прямѣе къ настоящей гибели, тѣ ли люди съ „россійской поговоркой“—„долой самодержавіе“, о которыхъ вы рассказываете, или вотъ эти господа (онъ назвалъ вышедшаго собесѣдника), которые продолжаютъ утверждать, что „все обстоитъ благополучно“.

Черезъ день мы всрѣтились снова случайно на новогоднемъ визитѣ въ одномъ знакомомъ домѣ, обмѣнялись двумя-тремя малозначущими словами, взглядомъ, брошеннымъ вскользь, и простились, не замѣчая послѣдняго прощанья,—какъ не замѣтили и первой жизненной встрѣчи,—не думая о томъ, что одинъ изъ насъ увидитъ теперь другого только въ гробу.

Я не могъ не увидѣть его, хотя бы мертвымъ, еще одинъ, послѣдній разъ. Не любопытство, смѣшанное со страхомъ, не боязливое, а страстное желаніе узнать и прочесть въ чертахъ знакомаго лица, что сдѣлала съ нимъ смерть и что когда-то ожидаетъ и тебя, неотразимо влекло меня къ далекому гробу. Я думалъ, что лицо его мнѣ скажетъ, какъ—умеръ онъ, что пережилъ онъ въ послѣднія минуты, я

ждалъ послѣдней возможности вступить съ нимъ самимъ въ неслышный разговоръ, незримо для другихъ слышать отъ него послѣднія его слова о жизни. Мертвое лицо его покоилось въ рамѣ живыхъ цвѣтовъ на фонѣ плачущаго отъ дождя сѣраго петербургскаго неба, глядѣвшаго въ окна церкви. Только общій абрисъ его вызвалъ въ памяти знакомыя черты. Оно было совсѣмъ другое, не его лицо, и не говорило ничего. Оно было нѣмо, какъ сама смерть. Я видѣлъ это лицо то горѣвшимъ юношескимъ воодушевленіемъ среди массы такихъ же молодыхъ студенческихъ, то смѣющимся подъ ослѣпительнымъ солнцемъ Аттики въ рамѣ ярко голубыхъ волнъ Элевзинскаго залива, то блѣднымъ и усталымъ, полуоткинувшимся на высокую спинку темнаго кресла при слабомъ свѣтѣ кабинетной лампы. Это мертвое лицо было все то же лицо, все то же въ каждомъ своемъ атомѣ, и все же оно было совсѣмъ не то, не оно. Иногда молчаніе говорить: оно молчало и не говорило ничего, ничего, что было бы понятно, слышно мнѣ—живому. Кому-то изъ видѣвшихъ его оно сказало: „борись за наше общее святое дѣло до конца!“ и онъ написалъ объ этомъ въ газетахъ. А я стоялъ и думалъ про себя: все живое, какъ бы велико, чисто, прекрасно и свято ни было оно, все уничтожается безъ остатка; все беретъ смерть и ничего не отдаетъ обратно.

Писали, что похороны его носили характеръ національныхъ. Кто-то высчиталъ длину и ширину траурной колонны и далъ приблизительный отвѣтъ на вопросы о томъ, сколько народу шло за гробомъ: оказалось, что никогда еще никого не провожала такая толпа. Едва кончалъ одинъ хоръ, какъ начиналъ другой; то пѣли нѣсколько вмѣстѣ. Я шелъ далеко отъ гроба среди людей, которыхъ никогда не зналъ и не видалъ въ лицо, которыхъ можетъ быть никогда и не увижу. Иногда думалось, почему и зачѣмъ я иду съ ними, они со мной, вмѣстѣ, въ одномъ направленіи. *За ними?* Котораго нѣтъ и не будетъ для меня, который есть и останется для нихъ и ихъ потомковъ, потому что *это* они ни-

когда не знали и знали только *о немъ*. На углу Невскаго, у вокзала, толпа остановилась; гробъ ставили въ черный вагонъ. Приходилось стоять и ждать. Какой-то обыватель, попавшій неожиданно въ громадную толпу, спрашивалъ съ удивленіемъ, съ смѣшаннымъ съ почтительнымъ страхомъ: „Кого это? должно быть генерала хоронять?“ Два-три мужика-плотника, съ пилами и топорами, въ протертыхъ овчинныхъ тулупахъ протискивались впередъ, усиленно прокладывая себѣ дорогу локтями: „Ну, что стали!? Посторонись, говорятъ тебѣ! Тутъ время обѣдать... Толкомъ говорятъ тебѣ—некогда?“... настаивали они. Потомъ я стоялъ во дворѣ вокзала, передъ платформой, къ которой поданъ былъ траурный поѣздъ, не имѣя ни силъ, ни возможности, ни желанія пройти за рѣшетку къ черному вагону съ гробомъ внутри; какіе-то люди бѣжали по крышѣ вагона, кричали, жестикулировали: имъ аплодировали. Всѣ были заняты чѣмъ-то своимъ. Поѣздъ тронулся, черный вагонъ сталъ удаляться. Надъ нимъ и вокругъ бѣжали низкія, сѣрыя дождевыя облака, дулъ холодный осенній вѣтеръ. И такія же облака бѣжали тогда надъ всѣмъ необъятнымъ простраствомъ Россіи, вездѣ дулъ вѣтеръ, было сѣро и холодно, въ деревняхъ плакали грудныя дѣти, звонкоголосые подростки весело возились въ лужахъ, мужикъ, завязая на телѣгѣ въ грязи, ругалъ и билъ измученную лошадь, одряхлѣвшія старухи, едва слѣзавшія съ лавки, звали смерть, въ городахъ вертѣлись тысячи машинъ и станковъ, по улицамъ ходили городовые, и чиновники на службѣ уѣзднаго исправника старательно выводили сотое донесеніе начальству о лишеніи свободы „неблагонадежной личности“, которая можетъ быть скоро умереть, какъ умирали и умираютъ всѣ начальники и ихъ чиновники. А вагонъ мчался подъ сѣрыми облаками и цѣлые милліоны и не видѣли его, и не знали объ этомъ. И если бъ даже они узнали и встали, какъ одинъ человекъ,—вся „нація“, всѣ націи міра вмѣстѣ,—и запѣли свой похоронный маршъ, они не вернули бы его къ жизни, вагонъ съ гробомъ такъ же бы бѣжалъ дальше, такъ же бѣжали бы

надъ нимъ и мимо него сѣрмя облака, и мертвое лицо подъ деревянную крышкой было бы нѣмѣ и непонятно намъ, какъ сама смерть. *Его* нѣтъ болѣе и никогда не будетъ... Можно теперь смѣяться, плакать, быть равнодушнымъ. Вѣдь все равно...

Я не пытался дать хотя бы частичной характеристики С. Н. Трубецкого: я хотѣлъ только дать будущимъ біографамъ его,—а ихъ навѣрное родилось и будетъ еще родиться много—систематизированный матеріаль для исторіи отношеній С. Н. къ московскому студенчеству и студенчества къ нему. Я не считалъ себя ни въ правѣ, ни въ силахъ высказывать своихъ общихъ взглядовъ хотя бы на одну сторону дѣятельности такой личности, какъ С. Н. Трубецкой. Не въ правѣ потому, что, какъ сказалъ уже вначалѣ, мы всѣ находимся сейчасъ подъ сильнымъ дѣйствіемъ мимотекущихъ исключительныхъ и крайнихъ настроеній. Не въ силахъ оттого, что, стоя передъ гробомъ дорогого человѣка, не можемъ сразу и вполнѣ представить себѣ,—тѣмъ болѣе рассказать другимъ,—кого не стало. Сплошное оцѣпенѣніе, тупая, давящая тоска, скорѣе даже безразличіе ко всему, къ другимъ и къ себѣ. Только изрѣдка сознание прорѣзываютъ воспоминанія о слышанномъ когда-то словѣ, о встрѣченномъ когда-то взглядѣ, и тогда на мгновение все озаряется внутри тебя отъ острой молніеносной боли и понимаешь, и чувствуешь, кто былъ, кого нѣтъ и что съ тобою теперь. Когда уйдешь отъ гроба С. Н. Трубецкого....

А. Анисимовъ.